

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ
МИНИСТРЛІГІ

БОЗОК В МОЕМ СЕРДЦЕ

УДК 1082.009

Рекомендовано к печати Ученым советом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

Главный редактор – кандидат педагогических наук С. Бурбаева

Ответственные редакторы – кандидаты исторических наук А. Ганиева, З. Сураганова, магистр истории Қ. Төлегенұлы

Бозок в моем сердце: сборник статей, посвященный 70-летию известного казахстанского ученого-археолога Марал Хабдулиной. – Нур-Султан, 2021. – 320 с., илл. (каз., рус.).

Бозок – уникальный археологический памятник, расположенный на территории современной столицы Казахстана – г. Нур-Султан. Памятник имеет многокомпонентный характер. Он вобрал в себя более чем тысячелетнюю историю (VII-VIII – XIX вв.), начиная с раннетюркского периода до этнографической современности.

Геокультурный ландшафт, выбранный строителями городища Бозок, его планиграфия служат яркими свидетельствами постоянства и преемственности устойчивости этногенетической памяти древних тюрков, сохранивших верность традициям в освоении степного пространства.

Организация в 2018 г. Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» способствовало продолжению научного изучения памятника в рамках реализации проекта по созданию Национального парка под открытым небом.

В книге представлены избранные научные статьи по истории открытия памятника и его изучения, воспоминания участников Ишимской экспедиции, иллюстративный материал. Вводятся в научный оборот новые материалы исследований памятника, имеющие палеопочвоведческую, культурологическую и музееведческую направленность.

Книга полезна в качестве практического научно-методического пособия в интерпретации и музеефикации объектов археологического наследия. Издание предназначено для исследователей, студентов, учащихся средних школ, всех, кто интересуется историей и культурой степного пояса Евразии.

ISBN 978-601 067756-2

© Очерки авторов
© Министерство культуры и спорта
Республики Казахстан 2021
© РГКП «Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Бозок» 2021
© Дизайн и верстка: Е. Ж. Рахманкулов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, перед вами книга, повествующая о средневековом городище, история которого начинается со святилища, построенного нашими предками – ранними тюрками в VII-VIII вв. Выбор восточного берега озера Бұзықты определялся военно-стратегическим значением, близостью к древнему караванному пути, а также религиозными, идеологическими и эстетическими представлениями.

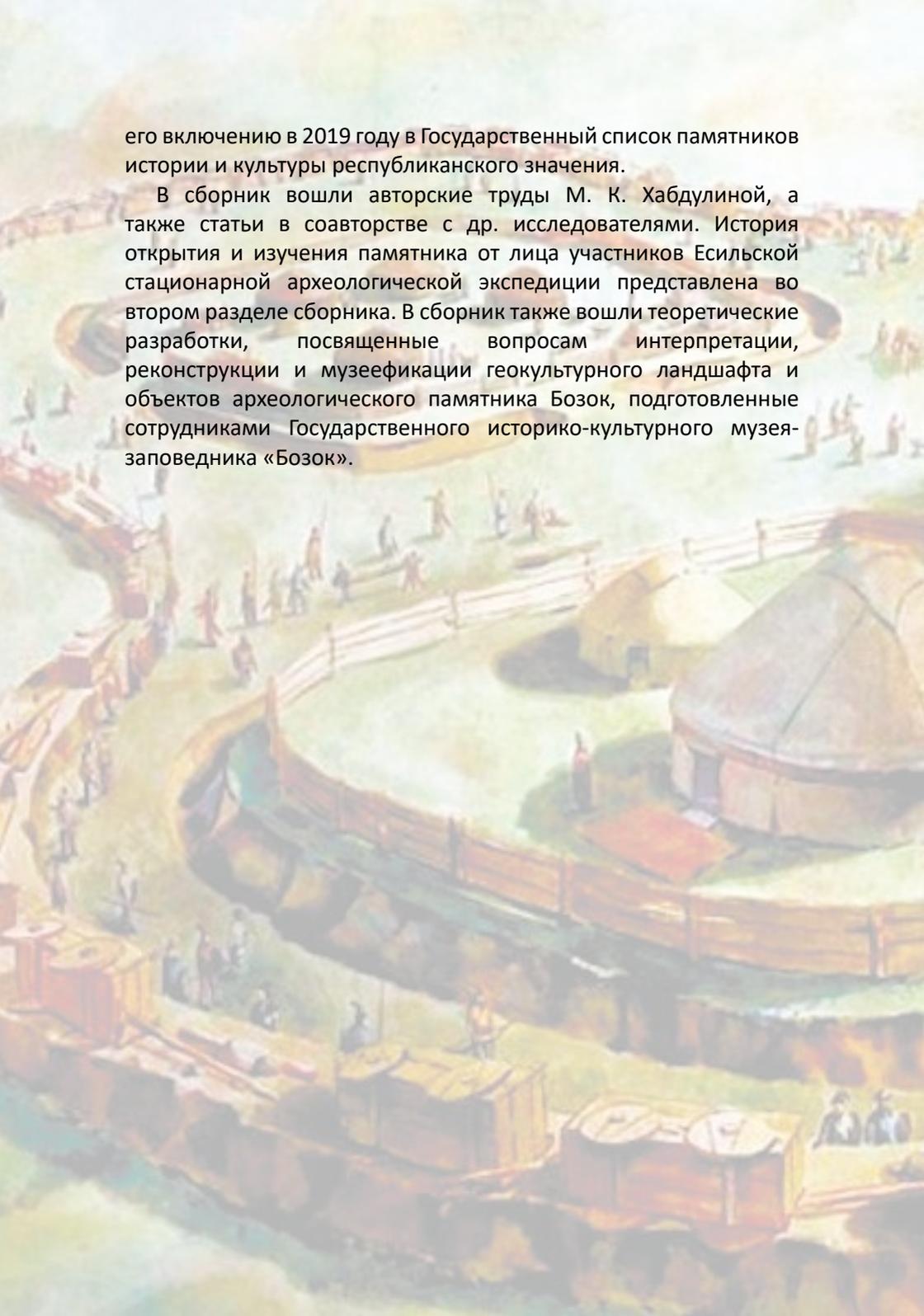
Сборник «Бозок в моем сердце», посвящен юбилейной дате рождения известного отечественного археолога – Марал Калымжановны Хабдулиной, верного и последовательного продолжателя дела своего спутника жизни, выдающегося ученого – Кималя Акишевича Акишева. Данная книга, своего рода, подведение итогов самоотверженной творческой деятельности ученого и его единомышленников за последние 20-лет, посвященных изучению многокомпонентного памятника – раннесредневекового городища Бозок. Именно в эти годы под руководством М. К. Хабдулиной формировалась прочная научная база, ставшая фундаментальной основой для последующих исследований и музеефикации памятника.

В процесс изучения памятника в разные годы были вовлечены последователи и ученики К. А. Акишева и М. К. Хабдулиной. Среди них археологи Виктор Варфоломеев, Юрий Мотов, молодые исследователи Бахыт Хасенова, Денис Гаврилов, Сергазы Сакенов, Алексей Свиридов, Айнагуль Ганиева, Ерлан Амиров, Данияр Тлеугабулов, Асель Оразова и др.

Значимость памятника способствовала организации в 2018 г. Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК с целью создания Национального парка под открытым небом на основе археологического памятника Бозок и

его включению в 2019 году в Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения.

В сборник вошли авторские труды М. К. Хабдулиной, а также статьи в соавторстве с др. исследователями. История открытия и изучения памятника от лица участников Есильской стационарной археологической экспедиции представлена во втором разделе сборника. В сборник также вошли теоретические разработки, посвященные вопросам интерпретации, реконструкции и музеефикации геокультурного ландшафта и объектов археологического памятника Бозок, подготовленные сотрудниками Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок».

**БОЗОК: ИСТОРИЯ
ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ**

Марал Хабдулина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УРБАНИЗАЦИИ СТЕПИ*

Изучение процессов урбанизации предполагает исследование обширного комплекса разнообразных теоретических и историко-культурных проблем. В методологическом аспекте город рассматривается как особый социальный и исторический феномен, как показатель качественно нового этапа общественного развития. В археологии исследование этих теоретических проблем ведется по материалам двух хронологических пластов. Изучение феномена раннего древнейшего города (протогорода) – в рамках цивилизационного аспекта. Интерпретация социально-исторической сущности средневекового города связана с ролью города в сложении государственных образований. В обоих случаях речь идет о выяснении закономерностей происхождения и функционирования города, обусловленных спецификой конкретных естественно-географических и историко-культурных условий.

В археологии Евразии исследование феномена древнейшего города связано с открытием двух очагов раннегородской культуры: среднеазиатского, тяготеющего к древневосточному миру и внутриконтинентального степного («Страна городов») (Массон, 2007, с. 12, 40-50). Начало градообразовательного процесса в Восточной Евразии датируется эпохой бронзы – II тыс. до н.э.

Среднеазиатский очаг представлен укрепленными поселениями культуры Сапалли (Сапаллитепа, Джаркутан). Общая площадь поселения Сапаллитепа около 4 га. Укрепленное ядро представляет квадратную в плане крепость, окруженную трехрядной стеной. По структуре архитектурно-планировочного пространства поселение Сапаллитепа представляло собой удачно организованный образец протогорода. Внутренняя структура города обеспечивала высокую обороноспособность поселения. Центральная часть укрепления осталась незастроенной, а все жилые постройки располагались вдоль стен крепости. Для Са-

*Опубликовано: Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. – Шымкент, 2008, с. 86-93.

паллитепа отмечается высокий уровень развития специализированных производств – гончарного, металлообрабатывающего, ткацкого (Аскарлов, 1973).

Дальнейшая более развитая форма этой цивилизации представлена материалами уникального памятника древних земледельцев Бактрии – поселение Джаркутан. Раскопки выявили цитадель, храм огня, могильник-некрополь. По мнению исследователей, бактрийский очаг раннегородской цивилизации относится к древневосточному типу второго порядка. т.е. процесс происхождения очагов урбанизации здесь обусловлен культурными и историческими влияниями, заимствованиями и близостью к древневосточному ареалу (Аскарлов, Буряков, Квирквелия и др, 1988, с. 32).

Степной очаг зарождения городской культуры представлен «Страной городов», размещенной на восточных склонах Южного Урала. Наиболее полно изучены и опубликованы материалы поселений Синташта и Аркаим (Генинг, Зданович, Генинг и др., 1995, с. 21- 42).

Аркаим имеет два кольца оборонительных укреплений, диаметр его 180 м. На аэрофотоснимке читается третье внешнее кольцо, разрушенное в настоящее время. Планировка города, архитектура и строительное дело демонстрируют высокий уровень развития таких наук, как математика, геометрия, сопромат, архитектура, астрономия. Это настоящий город с четко размеченным планом, созданный по предварительно выверенной идеальной модели, с продуманными нормами санитарного обеспечения, канализацией, водоснабжением. По мнению его исследователей, внутреннее кольцо домов было двухэтажным. Площадь домов, архитектура дают основание считать, что население этого города насчитывало 2 тысячи человек. Среди открытых памятников «Страны городов» есть города площадью в два раза больше Аркаима. Следовательно, это были города с высокой концентрацией населения.

Развитая система фортификации «Страны городов» построена на принципе замкнутой круговой обороны без какого-либо учета особенностей окружающего рельефа. Как указывают исследователи, подобная оборонительная система могла возникнуть

только в степной-лесостепной зоне со слабо расчлененным рельефом земной поверхности. Об этом же свидетельствует выбор строительного материала – предпочтение отдается мягким связующим грунтам и дереву при полном игнорировании камня.

Важным признаком урбанизации является активное и рациональное использование городского пространства с достаточно выраженными функциональными характеристиками. На исследуемых поселениях хорошо выделяются жилые и хозяйственно-бытовые комплексы. Свое место за пределами цитадели вдоль внутреннего рва занимают производственные сооружения – металлургические и гончарные печи. Особое место отведено площади – месту общих сборов и ритуальных действий. Ярко выражена система коммуникаций – путей сообщения между отдельными секторами поселения, ограниченными оборонительными стенами и рвами.

Кроме городов открыты и исследованы культовый центр – храм эпохи ранней бронзы, известный как Большой Синташтинский курган. В центре ее находилась гробница в виде толоса, вокруг нее возведены деревянные клетки-срубы в виде девятиступенчатой усеченной пирамиды высотой более 9 м с куполом наверху. По внешнему облику это грандиозное сооружение похоже на ступенчатые пирамиды древних майя и инков. Яркой чертой, характеризующей социальную структуру населения эпохи бронзы, является открытие глиняных гробниц с остатками боевых колесниц.

Таким образом, в начале II тыс. до н.э. впервые за всю историю евразийских степей в крайне жестких климатических условиях возникают урбанизированные территории (протогорода) с четкой организацией как внутреннего, так и прилегающего пространства. Урбанизированные территории представляли собой небольшие по размерам, но тщательно спланированные поселения с мощными оборонительными стенами. Каждому укрепленному центру соответствовали освоенные площади – «земельные округа», радиусы которых составляли 20-30 км.

Историческая интерпретация градообразовательного процесса степной зоны носит предварительный характер. Если закономерности становления древнейших городов в очагах первичных

цивилизаций (Древний Восток, крито-микенский мир) изучаются в течение всего XX века, то открытие укрепленных поселений в степной зоне сделано лишь в последней четверти XX века. Предпосылки этого явления «взрывного» характера не совсем ясны. Отсутствие письменных источников, дискретность самого характера археологического источника, неизученность историко-культурных процессов эпохи неолита и энеолита - затрудняют теоретическую интерпретацию и моделирование процесса урбанизации во внутриконтинентальном степном поясе. Однако поиски аналогий при интерпретации отдельных элементов протогородского материального мира позволяют исследователям проводить сравнения исторического характера.

Одной из теоретических проблем является проблема функционального назначения древнейших городов степи. Их архитектурно-планировочная замкнутость, закрытость «превращает синташтинский укрепленный центр фактически в одно огромное здание с открытым внутренним двором» (Зданович, 1997, с. 16). Хозяйственная деятельность по поддержанию жизни вынесена за пределы городских стен. Внутри городского пространства нет условий для содержания скота, нет следов хранения больших запасов пищи. Такое положение заставляет рассматривать древнейший город степи как сложный социальный и территориальный организм, составляющий единое целое с хозяйственной округой, включающей неукрепленные поселки и стоянки, пастбища, рудники. Функционирование такой системы требовало строго функционального различения и специализации составляющих ее элементов. Возможно, сам город выполнял функции административного управления.

При моделировании ранних этапов градообразовательного процесса в степи исследователи обращают внимание на тот факт, что протогорода не формируются из поселений или группы поселений, а возникают одновременно со всей системой обитания. В цивилизационном аспекте устройство ранних городов, их внутренняя архитектура, завершенность планировочной структуры, модель расселения и освоения пространства являются яркими показателями качественно высокого уровня социокультурного развития степного населения эпохи бронзы (Зданович, с. 19-20).

Следующая проблема изучения ранних городов степи – интерпретация их социального содержания. Можно ли по аналогии с ранними этапами градообразования Древнего Востока считать «Страну городов» городами-государствами или номовыми территориальными государствами. Решение данного вопроса для Древнего Востока облегчается наличием письменных источников и более яркой материальной культурой. Моделирование социального содержания протогородов Степи находится еще на стадии единичных разработок. Однако необходимо указать, что наряду с общеисторическими закономерностями в формировании городской структуры проступает и локальное своеобразие степного варианта, обусловленное конкретными естественно-географическими и историко-культурными условиями.

Оценивая уровень социально-экономических отношений создателей этих городов, ученые выдвинули концепцию «протогородской» цивилизации эпохи бронзы (Г. Зданович, Д. Зданович, 1995, с. 48-62). По нашему мнению, концентрация городов находит аналогии в номовой структуре ранних городов-государств Древнего Востока (Египет, Шумеры) и свидетельствует о развитии протополисных форм урбанизации Степи, таких же, как в Эгеиде и Ближнем Востоке.

Для исторической науки интерес представляет проблема средневекового города Степи, динамика его развития, темпы и масштабы урбанизации.

Средневековая городская культура наиболее полно изучена на территории Восточной Европы, Южного Казахстана и Средней Азии. Комплексное археологическое изучение городов Древней Руси, Хазарии, Волжской Булгарии составило солидную базу для разработки теоретических проблем определения города, критериев его выделения, происхождения города, социально-исторической типологии (функции) городов (Хузин, 2001, с. 16-50). Раньше всего эти вопросы стали предметом изучения в историографии городов Древней Руси (Куза, 1989, с. 14-39).

В исторической науке была разработана концепция возникновения городов на Руси в результате прогресса экономики и появления феодально-классовых отношений и государственности у восточных славян. Выделение ремесла и торговли в самосто-

ательные отрасли хозяйственной деятельности явилось отправным пунктом генезиса древнерусских городов. К концу 60-х годов XX века вслед за представлением о древнерусских феодальных городах как центрах развитого ремесла и торговли сформировалась теория многообразия конкретных вариантов возникновения городов на Руси. В первую очередь учитывались возможности превращения местного ремесла в специализированные отрасли ремесленного производства. Среди необходимых условий начала градообразовательного процесса учитывалось удобное положение на транзитных торговых магистралях.

Параллельно вырабатывались археологические критерии, отличающие город от прочих поселений. Первые города могли возникнуть на базе племенных центров. Затем в качестве градостроителей выступают князья, создававшие столицы удельных княжеств.

Исследование средневекового города в азиатских степях не имеет длительной и прочной традиции. По сравнению со степенью изученности оседлых центров Восточной Европы, раскопки городов в азиатских степях имеют скорее рекогносцировочный характер. Крупные экспедиционные работы были проведены в 40-е годы С.В. Киселевым и монгольскими археологами, в 60-е годы А.В. Давыдовой на Иволгинском городище. В последние годы активно вводятся в научный оборот материалы по средневековым городам Тувы, Хакассии, приводятся факты существования городской культуры у хунну, тюрков, уйгуров (Ткачев, 1986, с. 219-231).

На интерпретацию полученных материалов накладываются те представления, которые сформировались в результате изучения европейских городов. Нет сомнений, что города в азиатских степях возникали в стратегически важных точках: на торговых путях, в центре и пограничье племенных территорий, в удобных природных оазисах, в местах богатых рудой.

Город в европейских понятиях отличается от города азиатских степей. Функционально они оба отражают самостоятельный хозяйственный сектор, но различаются структурно и планиграфически. До настоящего времени не преодолено представление о городе как тесно застроенной крепости небольших размеров. В этом отношении показательна история длительных поисков и

атрибуции столицы Монгольской империи – г. Каракорума (Ткачев, 1986, с. 219-231).

Реальная структура и размеры столицы монгольского государства начала XIII века никак не соотносятся с поисками “точечной” привязки Каракорума. Оказалось, что город занимает всю территорию Орхонской долины протяженностью в несколько десятков километров. Планиграфически Каракорум сочетает в себе структуру оседлого торгово-ремесленного и земледельческого города с планировочными принципами кочевой ханской ставки. Город является особым хозяйственным сектором, состоит из отдельных поселений ремесленников, торговцев и земледельцев, оседлых ставок знати, перемежавшихся пастбищами, огороженными пашнями, юрточными лагерями воинов. Только в таком составе столица-плацдарм могла представлять функционально полноценное образование городского типа (Ткачев, 1987, с. 125-128).

В данном случае мы видим ту же закономерность, которая была выявлена при исследовании древнейших городов (протогородов) степи. Средневековый город азиатских степей представляет собой сложное социально-территориальное образование, все структурные части которого функционируют как единый социально-экономический организм.

Еще одной особенностью градостроительной практики кочевников является формирование городов в сакральных местах. Причина этого обусловлена менталитетом и традиционными ценностями кочевого образа жизни. В общественном сознании кочевников немаловажную роль играет культ предков. (Об этом упоминает ещё Геродот в истории о священной земле предков скифов – стране Геррос). В средние века расширяются функции сакральных мест. Города в степи возникают вокруг родовых святилищ, священных могил. Возле них под защитой духов предков формируются личные ставки и резиденции степных вождей и ханов, постепенно приобретающих статус города.

Собственно эта традиция не нова и не является чертой, присущей только кочевым этносам. С глубокой древности (для Казахстана – с эпохи энеолита – III тыс. до н.э.) в центре поселения существует культовое место с захоронением (или жертвоприношением) человека, обладавшего особым статусом родоначаль-

ника, шамана, героя (поселения Ботай, Лисаковское) (Зайберт, 2001, с. 14; 22). Эта идея сакрального центра, как представление о вертикальной структуре мироздания, получает претворение и в пространственной планировке степных поселений и городов. Аналогичная картина представлена и на средневековом городище Бозок. Центральная самая высокая часть его занята культовыми сооружениями (мавзолеи, погребальные оградки) (Хабдулина, 2005, с. 144-145).

Проблема города в степи методологически связана с проблемой государственности кочевых обществ. Одним из критериев существования государства является наличие городов. Город рассматривается как центр административного управления, культовый и хозяйственный центр определенной округи. С позиций исторического материализма древние и средневековые этносы степной Евразии в силу особенностей экономического развития не достигали уровня государственного устройства и, следовательно, не имели собственных городов. Исторические факты существования степных империй гуннов, тюрков (а до них скифов и саков), имевших властные структуры, четкое административное деление, идеологию, направленную на обоснование легитимности власти, обеспечение безопасности и защиту территории, объясняют как следствие влияния оседлых цивилизаций на кочевые культуры. Влияний, происходивших в процессе захвата кочевниками земледельческих государств (Хазанов, 2000, с. 362-369).

Концептуальный сдвиг в решении данной проблемы еще не произошел, но проблемная ситуация налицо. Назрело противоречие между масштабами археологических фактов существования городской культуры в степи и их историческим осмыслением. Отстаивая прежние традиционные представления о кочевничестве, историки в объяснении этого феномена делают упор на следующие положения: 1) города в кочевой среде строили иноэтнические представители соседних земледельческих цивилизаций и они же обитали в них (например, согдийцы, китайцы); 2) степные империи кочевников, как и их города – явление недолговечное, преходящее (Урбанизация и номадизм в Центральной Азии, 2004, с. 318-336).

Видимо, более правильным следует считать подход, который активно разрабатывается в казахстанской археологии, при котором древняя и средневековая экономика рассматриваются в единстве и взаимодействии оседлого и кочевого хозяйственно-культурных типов. Казахстан в этом отношении является удачным научным полигоном, ландшафтное и природное разнообразие которого с глубокой древности позволяло сочетать оба вида хозяйственной деятельности. Поэтому трудно отрицать роль автохтонного населения степей в создании городов. В последние годы в интерпретации генезиса городов Великого Шелкового пути утратила свои позиции и концепция «согдийской колонизации».

Относительно государственности кочевников необходимо помнить, что исторический процесс развивается не только поступательно. Эволюция – это не только причинность, постепенность, непрерывность и преемственность развития. В биологии существует концепция прерывистого развития, отката назад, затухания, сменяющегося качественным скачком. Она находит успешное применение в изучении общественных феноменов, являющихся наиболее сложными формами движения материи (изучение процессов этногенеза, этноэкологии, культурной интеграции - В.М. Массон, И.И. Крупник) (Массон, 1994, с. 11-19).

Функционирование многих общественных явлений не имеет длительной истории, как и история многих государственных образований древности и средневековья не охватывает века. Поэтому периоды политической интеграции сменяются периодами распада и упадка. Но не исчезает накопленный ресурс цивилизационного развития.

Список литературы

- Крупник И. Арктическая этноэкология. М., 1989, с. 11-19.
- Аскаров А.А., Буряков Ю.Ф., Квирквелия О.Р., Радиллиловский В.В.. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988, с. 32.
- Аскаров А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989, с. 14-39.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000, с. 362-369.
- В.В. Ткачев Каракорум в XIII веке // Монголика. М., 1986, с. 219-231.
- Ткачев В.В. Столицы кочевников Центральной Азии // Информационный бюллетень. Специальный выпуск. М., 1987, с. 125-128.
- Массон В.М. Взаимодействие культур и культурная интеграция // Археологические вести. СПб., 1994,
- Массон В.М. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа//Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980, с. 178-185; Г.Б. Зданович, И.М. Батанина. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск, 2007, с. 12; 40-50.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992, с. 17-110; Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995, с. 21- 42.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск. 1993, с. 38; Э.Р. Усманова. Ветер вечности. Алматы: «Кумбес», 2001, с. 14; 22.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Часть V, книга I. Челябинск, 1995. с. 48-62.
- Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск. 1997, с. 16.
- Зданович Д.Г. Указ.соч., с. 19-20.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М., 2006, с. 142-159.

Хабдулина М.К. Средневековое городище Бузок: некоторые проблемы изучения// Известия НАН РК.Серия обществ.наук, 2005, №1, с. 144-145.

Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы Международной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 2004, с. 318-336.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. Казань, 2001, с. 16-50.

Марал Хабдулина

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ ДЕШТ И-КЫПЧАКА*

Обретение политической независимости привело к переменам в научной мысли. В сфере общественных наук наблюдается поиск новых концепций, допускающих многообразие путей всемирно-исторического развития, зависимость историко-культурного своеобразия от ландшафтного и природно-климатических условий.

В методологии исторического познания укрепляются позиции цивилизационного подхода. Большую роль в этом сыграл археологический материал. Были открыты новые виды археологических памятников: протогорода эпохи бронзы, поселения с развитым металлургическим производством, поселения раннего железного века и раннего средневековья. Возросло количество открытых археологами курганов, содержащих богатые погребения. Стало понятно, что первобытность – это не синоним примитивности, отсталости, равенства. Для древних эпох ярко проявляются черты социального неравенства, существование властных структур, развитие специализации труда. Высокий уровень строительной техники, архитектуры, развитие горного дела, металлургии, ювелирного искусства, изготовление предметов роскоши и престижа свидетельствуют не просто о зачатках знаний, а о развитии целых отраслей наук. Т.о., новые археологические открытия требовали применения нового метода интерпретации. В качестве инструмента объяснения феномена социально-политического и историко-культурного уровня древних обществ археология обратилась к концепции степной цивилизации (Мартынов, 1989, с. 285-287; Хабдулина, 1997, с.8-9).

В самом общем виде к числу признаков степной цивилизации следует отнести: монументальные культовые постройки (элитные курганы, святилища, мавзолеи); монументальное искусство каменных изваяний и искусство малых форм; социальное ран-

* Опубликовано: Мыңжылдықтар куалары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011. – С. 261-283

жирование общества, проявляющееся в погребальном обряде; появление управленческих структур, иерархическую структуру расселения (выделение центра и окружающих сельских поселений), формирование престижной экономики (вещи с сакральной атрибутикой). Разделение труда в виде специализации ремесленников.

Важным показателем цивилизационного уровня развития являются города, расцвет которых приходится на средневековую эпоху. Изучение городов степного региона Казахстана было начато А.Х. Маргуланом, продолжено Ж.Е. Смаиловым, К.А. Акишевым, З.С. Самашевым, М.К. Хабдулиной (Маргулан, 1950; Смаилов, 1997; Тасмагамбетов, Самашев, 2001; Акишев, Хабдулина, 2008, с. 25-40). В ходе разведочных работ последних десятилетий, связанных с составлением сводов памятников, число открытых поселенческих объектов значительно возросло. Среди них внимание привлекают крепости типа «торткулей», часто стоящие вдали от рек. Подъемный материал отсутствует. По аналогии с памятниками соседних территорий можно утверждать, что большая часть их относится к раннесредневековому времени, т.к. города эпохи Улуса Жоши не имели крепостных стен, характеризовались разреженной усадебной застройкой.

Распространение ислама меняло облик городов. В них формировались центры, застроенные общественными зданиями: мечети, бани, медресе. Одно из таких поселений XIV-XV вв. открыто в Западном Казахстане возле г. Уральска – поселение Жайык. На поселении исследованы усадьбы зажиточных горожан, городская баня, на некрополе раскопаны два мавзолея (Байпаков, Смағұлов, Ахатов, 2005). Еще один объект мусульманского зодчества раскапывается в последние годы в Прииртышье, недалеко от г. Экибастуза (Смағұлов, 2008, с.223-229).

Особенность урбанизационного процесса степного региона заключается в градации городов по функциональному назначению. Выделяются города как административно-управленческие центры, и города, как культовые центры, как места проведения религиозных и культовых ритуалов. К числу таких центров относится городище Бозок – первый масштабно исследованный средневековый поселенческий объект степной зоны Казахстана.

Раскопки городища Бозок наполняют новыми подробностями контекст средневековой степной цивилизации.

Городище Бозок – особый тип археологического памятника степной Евразии, возникший в раннем средневековье в эпоху выдвижения на политическую арену государственных объединений кимеков, огузов, карлуков. Архитектурный строй памятника и его семантическое содержание отражают эталоны тюркской культуры и мировоззрения.

История открытия памятника тесно связана с историей становления Астаны как столицы. Все началось в 1997 г, когда с переносом столицы в центр Казахстана, встала задача изучения древностей Сарыарки. Существование этого памятника известно по публикациям и архивным источникам, однако поиски его были довольно продолжительными. Руины городища, известного сегодня как «Бозок», видел в 1816 г. И.П. Шангин – участник русской экспедиции в Степной край. Об этом он упоминает в своих путевых заметках (Шангин, 1820, с. 74-75). В 1928 г. городище было найдено директором Акмолинского областного музея – Л.Ф. Семеновым. В кратком описании он характеризует три площадки с валами и рвами, отмечает арыки и огороды, примыкающие с севера к руинам городища, и подчеркивает, что расспросы местного населения ни к чему не привели (Семенов, 1930, с.77-78). Из этого следует, что ирригационная планировка относится к средним векам и оставлена жителями городища. Городище Бозок отмечено на карте, составленной А.Х. Маргуланом (Маргулан, 1978, с. 4). Но сам он этот памятник не видел. В третий раз памятник был открыт К.А. Акишевым осенью 1998 г. Раскопки памятника ведутся Есильской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева с 1999 г.

Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны. Памятник находится среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Руины его занимают компактную территорию восточного берега оз. Бузукты площадью 800х400 м (рис.1). За 12 полевых сезонов вскрыто более 8 тыс. кв.м. Открыты 10 жилищ средневековой эпохи, изучены остатки 5 мавзолеев, двух кирпичеобжига-

тельных печей, раскопано 64 погребения XIII-XVI вв., исследована архитектура оборонительных сооружений.

Пространственная структура. Памятник оказался сложным и многокомпонентным, состоит из производственных, жилых и культовых строений, возникших в разное время. В пространственном размещении объектов выделяются четыре части. Первая самая древняя часть – это три квадратной формы площадки, обнесенные рвами и валами (рис.2). Севернее их находится комплекс жилищ-землянок с колодцем и арыком, протянутым от озера. Это второй структурный компонент городища. Южнее центральных площадок расположен некрополь городища Бозок, состоящий из руин мавзолея, кирпичеобжигательной печи и мусульманских погребений XIII-XVI вв. Это третья часть археологического памятника. С востока и севера к руинам городища прилегает агроирригационная планировка, расширяющая границы обжитой территории (рис.3). Размеры ее по линии север-юг не выходят за пределы озера Бузукты. Ирригационные сооружения – это четвертая структурная часть городища Бозок. Исследованиями установлено, что структурные компоненты объекта неоднократно перестраивались, обновлялись, забрасывались.

Таким образом, структура городища включает две функционально различные единицы: жилищно-производственные строения и погребальные (культовые) сооружения. Эти объекты возникли не одновременно. Это было место, куда люди постоянно возвращались в течение столетий, обживали его, достраивали, либо хоронили, пристраивая могилы к стоявшим мавзолеям. В этом тоже заключается особая избранность этого места, его духовная аура, привлекавшая людей. В этом заключается менталитет степного населения, избравшего для жизни места, освященные покровительством предков. Цельность и общность объектов памятника связана с особым статусом городища, изначально совмещавшего функции военной ставки-резиденции и культового центра (святылища). Осознание сакральности освоенного древними тюрками пространства сохранялось на протяжении всей длительной истории городища Бозок.

В результате наших раскопок в истории Бозока выделены три периода: 1) VIII-IX вв.; 2) X-XIII вв.; 3) XIV- XV (XVI) вв.

Этнокультурная принадлежность. Открытие и раскопки городища ставят перед нами вопросы этнической принадлежности тех племен, которые в раннем средневековье заселили степи Казахстана. По археологическим и письменным источникам известно, что в первой половине первого тысячелетия нашей эры степи Казахстана были родиной гуннских и сарматских племен. С образованием Тюркского каганата (552 г.) территория Казахстана вошла в состав этого государства.

Раннее средневековье – VI-IX вв. – время проникновения на территорию Казахстана тюркоязычных и монголоязычных племен. Письменные источники донесли до наших дней хронику политических и этнических событий, протекавших на юге Казахстана. За полувековой период изучения средневековых памятников Семиречья, юга Казахстана и Средней Азии археология документировала материальными находками многие страницы письменной истории. Известно, что после распада Тюркской империи в 603 году на Западный и Восточнотюркский каганаты, история каждого из этих государственных образований идет своим путем. Центр Западнотюркского каганата располагался в Семиречье. Столичными городами тюргешей, карлуков становятся Суяб, Тараз, Баласагун.

Что происходило в это время (VI-IX вв.) в степной полосе Казахстана? Археологические материалы крайне малочисленны. По письменным источникам эта территория была местом расселения огузов, кыпчаков, куманов, йемеков. Правобережье Иртыша осваивают кимаки, Приаралье и Сыр-Дарью – огузы (гузы). Сарыарка стала родиной кыпчаков.

Появление этого этноса в степях Сарыарки связано с бурными политическими событиями, истоки которых уводят в Центральную Азию и касаются истории Тюркских каганатов. Основные события двухсотлетней истории Тюркских каганатов (542-744 гг.) известны по китайским хроникам и памятникам древнетюркской руники. Судя по ним, кыпчаки в союзе с тюрками и уйгурами не раз стояли во главе тюркских государств и определяли историческую судьбу этих степных империй. Ранний этноним кыпчаков зафиксирован

в китайских хрониках как «сеяньто» (Ахинжанов С.М., 1989, с.43). В VI-VII вв. сеяньто проживали на огромной территории от Большого Хингана до Каспийского моря. В их истории был опыт создания самостоятельного государства Сеяньтосского каганата, центр которого находился на территории Северной Монголии.

Самое раннее упоминание этнонима «кыпчак» зафиксировано на поминальной стеле уйгурского кагана Моюнчура (археологическое название стелы – «Селенгинский камень»). Стела датируется 760 г. Судя по содержанию надписи, кыпчаки и турки были могущественные племена, определявшие в первой половине VIII в. ход политических событий в Центральной Азии и господствовавшие в течение 50 лет над уйгурами (Кляшторный, 1986, с.162).

Первая волна кыпчаков могла появиться в Прииртышье уже в середине VII в. после гибели Сеяньтосского каганата (648 г.). Массовый приток кыпчаков в казахстанские степи произошел после разгрома уйгурами Второго Восточнотюркского каганата (744 г.). Этим событием заканчивается ранняя история кыпчаков, связанная с регионом Центральной Азии, и с середины VIII в. начинается период «обретения родины», переросший впоследствии, в X-XIII вв. в политическое господство кыпчаков в евразийских степях. Данный процесс отмечен в самом наименовании этого пространства – Дешт и-Кыпчак («Степь кыпчаков»). Городище Бозок основано древними кыпчаками.

Первый этап: ставка-резиденция, культовый центр. К VIII-IX вв. относятся три квадратной формы площадки, условно названные нами «кварталами». Общая площадь, занимаемая ими, равна 12636 кв.м. Кварталы примыкают друг к другу, но каждый из них отдельно окружен рвом и валом. В системе защитных сооружений оставлены проемы проходов, ведущих как наружу, так и в соседние строения. Кварталы смещены относительно друг друга и композиционно имеют вид трехлепесткового «цветка» (рис.1).

Комплекс полученных данных позволяет утверждать, что городище Бозок служило ставкой, военной резиденцией и выполняло функции культового центра. Кратко остановимся на фактах, обосновывающих статус городища как ставки-резиденции древ-

нетюркской эпохи. Они вытекают из анализа географического размещения памятника и семантики ее планировки.

В выборе места обитания главную роль сыграл геостратегический фактор. Городище Бозок расположено в центре Сарыарки, в месте, где сходятся истоки рек северного сибирского бассейна (Ишим, Селеты, Шидерты) и среднеазиатского бассейна (Нура, Сарысу). В верховьях Ишима пересекается пучок торговых караванных и военно-миграционных путей древнего населения Евразии. Двигаясь по самой реке Ишим можно было добраться до таежной зоны Сибири, широтный отрезок Ишима являлся частью магистрали, соединявшей восточные регионы Евразии с западными. Многочисленные притоки, впадающие в Ишим, как с юга, так и с севера создавали множество удобных разветвлений торговых караванных путей. Через верховья Ишима проходит самая короткая ветка, соединявшая города Великого Шелкового пути с городами Западной Сибири (Маргулан, 1997, с. 17). Здесь у бродавозле Бозока можно было контролировать и организовывать все эти потоки. Таким образом, городище Бозок расположено в стратегически выгодном месте как с экономических (древний «таможенный» пункт), так и политических позиций (центр северной части Сарыарки).

Среди известных сегодня средневековых городищ Евразии нет памятника, имеющего такую форму трехчастной композиции в размещении градообразующих строений. Но именно эта планиграфия имеет особый смысл и является кодом, оставленным нам его строителями (Акишев, Хабдулина, 2004, с. 13-16; Акишев, 2008, с. 13-19). Для кочевых ставок и резиденций правителей тюрко - и монголоязычных кочевников с глубокой древности было характерно особое пространственное размещение. Ставка делилась на три части: центр – орду, правое крыло – учук, левое - бузук. Ни один военный начальник или аристократ не имел право ставить юрту, пока не будет установлен центр – орду. И лишь после этого начиналось размещение свиты согласно ранга и социального статуса. Такой же принцип был заложен в административном делении древних и средневековых государств: восточные владения назывались – бузук, западные – учук, центр – орду. Отсюда федеративное деление Казахского

ханства на три жуза, отсюда названия: Ак Орда, Кок Орда, Золотая Орда. Вне сомнения, в семантике пространственного размещения «кварталов» городища Бозок заложен смысл трехчастного деления древних резиденций кочевых племен. Создатели его на конкретной местности воспроизвели стандартную элитную ставку VIII-IX вв. композиционно подтверждающую сведения письменных источников.

Удивительно, что, несмотря на бурные события тысячелетней истории Великой Степи, древнетюркские термины сохранились в народной памяти и остались в топонимике. В нашем случае – это название озера «Бузукты», зафиксированное на крупномасштабных картах Целиноградского района. Именно по названию озера и этимологии слова «бозок» К.А. Акишев назвал наш археологический памятник – городище Бозок.

Статус городища как культового центра обосновывается комплексом фактов. К ним относятся: «болотная» топография памятника; необычная планировка оборонительных укреплений, состоящая из внутреннего рва и внешнего вала-стены; неоднократное обновление рва и вала; конструкции нижнего строительного горизонта северного квартала; открытие жертвенного захоронения лошади во рву и ритуального захоронения человека в центре северной площадки.

Городище Бозок имеет необычную для Сарыарки топографию. Создатели его постарались «запрятаться» среди болот в низинной пойменной долине Ишима (рис.4), хотя рядом на правом коренном берегу нет недостатка в местах, удобных для проживания. Сама площадка восточного берега озера Бузукты, окруженная низинами, изначально ограничивала возможности расширения, роста территории городища. С юга обжитая территория ограничена каналом, прорытым от озера Бузукты в восточном направлении в сторону ближайшей западины (рис.4).

Складывается впечатление, что исследуемые нами руины археологического памятника – это только структурная часть, элемент более обширного урбанизированного пространства, включавшего поселения, караван-сарай, пастбища. Это подтверждается сведениями краеведов о том, что при строительстве города Целинограда в обрыве берега реки находили

фрагменты керамических труб (средневековый водопровод?). По аэрофотоснимку в 2 км южнее озера Бузукты располагались руины караван-сарая прямоугольной формы, уничтоженного при строительстве автотрассы Целиноград-Кургальджино.

Замкнутость, труднодоступность территории городища Бозок, окруженного системой естественных и искусственных водоемов – дополнительный аргумент в пользу принадлежности его к особой категории культовых объектов – святилищ.

В архитектуре городища Бозок память о героической эпохе тюркских каганатов сохранилась в необычной планировке оборонительных сооружений: внутренний ров и внешний вал. С точки зрения военного искусства такое расположение не рационально и не эффективно для защитников крепости. Но оно находит аналогии в княжеских поминальных оградках древнетюркской эпохи. В VI-VIII вв. на территории Монголии знатым тюркам строили поминальные «храмы», имеющие сегодня вид прямоугольных оградок, обнесенных внутренним рвом и внешним валом (Войтов, 1996). Эти храмы являются местом ритуальных и поминальных празднеств. Эта аналогия служит еще одним фактом ранней даты кыпчакской ставки и ее функционального назначения. В топографии, планировке, архитектуре во всем присутствует «древнетюркский шлейф» памяти об исторической родине.

За годы раскопок исследована архитектура оборонительных укреплений. Стратиграфическими разрезами установлено, что строительство всех трех площадок – это одновременный акт. Сразу была сделана разметка будущих планов кварталов. Расстояние между рвами северного и восточного кварталов – 9 м, между южным и северным кварталами – 18 м. Каждый квартал окружен рвом шириной 3-5 м, глубиной 2,0-3,0 м. Глина из рва укладывалась наружу. Из нее формовали сырцовые кирпичи и строили крепостную стену. Стена в древности имела ширину основания 8 м, ширину верха 5 м, высоту 2-3 м. Во рву оставлены перемычки проходов. Нами исследована конструкция прохода в северный и восточный кварталы.

За годы раскопок сделаны многочисленные разрезы оборонительных укреплений северного и восточного кварталов, пол-

ностью исследована внутренняя площадка северного квартала. Современные размеры северного квартала 63х60 м. Он замкнут со всех сторон мощным оплывом вала. Вход только с южной стороны, ширина прохода 2,3 м. Мощность культурного слоя 0,7 м, он состоит из двух строительных горизонтов. Строения нижнего горизонта в сочетании с конструкцией рва и вала реконструируют первоначальный архитектурный облик площадки древнетюркского святилища (рис.5).

Внутренняя площадка квадратной формы 35х35 м обнесена по периметру деревянным заплотом. Следы его фиксируются в виде ямок от столбов, стоящих на расстоянии 3,5-5,0 м друг от друга. Вкапывались столбы диаметром 20-30 см. В некоторых из ямок сохранилась древесная труха. Ограждение, видимо, ремонтировалось, т.к. на участках, примыкающих к углам кварталов, расчищено по 3-4 ряда столбовых ямок. За деревянным ограждением выкопан ров глубиной 2,8 м, шириной по верху 4,8 м, у дна – 1,5 м. С внешней стороны рва построена крепостная стена из сырцовых кирпичей. С учетом современных размеров вала и характера заполнения рва можно утверждать, что первоначальная высота вала-стены была не менее 2 м.

Таким образом, внутренняя площадка северного квартала площадью более 1200 кв.м наглухо закрыта со всех сторон высокой и мощной стеной вала, глубоким и широким рвом и деревянным заплотом. Вход шириной 2,3 м оставлен в середине южной стороны. В центре площадки раскопано основание юртообразной постройки (рис.5). В 2 м восточнее его был вкопан деревянный «столб» (стела?). Юртообразное строение отгорожено с юга двумя рядами попарно вкопанных деревянных столбов. Первый от входа в квартал ряд был коротким, и его можно было обойти с запада и востока. Второй ряд пересекал всю площадку от края до края. (Вероятно, для прохода к юрте существовала какая-нибудь «калитка»).

В центре юртообразного строения обнаружена могильная яма, ориентированная по линии запад-восток. На дне ее расчищено погребение человека, скорчено на левом боку, головой на запад. Кости плохой сохранности, полуистлевшие. Руки согнуты в локтях и положены перпендикулярно туловищу. Кисти рук отру-

блены и положены под костями предплечья, пальцами к животу (рис.6). Никаких вещей нет. Глубина ямы от древней поверхности 0,7 м, от современной поверхности квартала 1,2 м.

Конструкции нижнего горизонта северного квартала свидетельствуют в пользу использования ее как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов. То, что в центре ее обнаружено ритуальное захоронение человека с отрубленными и перемещенными кистями рук, дает дополнительный аргумент в пользу культовой окраски назначения северного квартала.

Конструкция вала и рва вызывают сомнение в выполнении ими функций защиты. Небольшие по размерам площадки кварталов окружены глубоким рвом и стоящим за ним валом. Поверхность кварталов дополнительно углублена до плотного материкового грунта, края площадки по всему периметру наклонно стесаны в сторону рва, так что внутренняя стенка рва на 0,5 м ниже внешней, при такой ситуации трудно представить возможности обороны. Площадки кварталов оказывались как бы «утоплены» внутри вала. С точки зрения оборонительной тактики такая планировка малоэффективна. Вероятно, в ней следует искать дополнительный смысл. Более обоснованной выглядит трактовка их как территорий закрытых для массового обитания.

Культовые центры древних тюрков Евразии. Городище Бозок по архитектуре и планировке относится к особой категории памятников, известных в археологии Евразии как культово-поминальные комплексы древнетюркской эпохи. Сама идея зародилась у древних тюрков и получила наиболее яркое претворение в конструкции и планировке княжеских мемориалов Монголии. Среди них наиболее полно исследован комплекс Кюльтегина. Один из таких ансамблей был раскопан в 1959 г. Л.Р. Кызласовым в урочище Сарыг-Булун в Туве (Кызласов, 1969, с. 33). Сарыг-Булун сходен с Бозоком не только по внешним архитектурным деталям, но и присутствию на его территории «храма-юрты», деревянного столба (стелы?). Поминальный комплекс Сарыг-Булун представлял собой четырехугольную площадку, окруженную валом и внутренним рвом. Размеры вала 36х29 м. В центре площадки возле столбовой ямки найдены разрозненные предметы и кувшин среднеазиатского облика. Во

рву обнаружены две каменные статуи людей в сидячей позе. Памятник датирован VI-VIII вв.

Близкие по архитектуре и назначению объекты открыты далеко на западе, в Восточной Европе, и объединены в группу памятников так называемого «перещепинско-вознесенского типа» (Амброз, 1981, с. 14). Памятники датируются по вещам концом VII-VIII вв. Функциональное назначение их до конца не выяснено. Поэтому их называют то городищами, то погребально-поминальными комплексами. Наиболее ярким объектом является Вознесенка на Нижнем Днепре. Вознесенка была раскопана в 1930 г. Памятник имеет вид прямоугольной площадки размерами 62х31 м, окруженной каменно-земляным валом. В восточной части площадки обнаружено выложенное камнем кольцо диаметром 8-9 м. Рядом с ним две ямы, забитые десятками единиц предметов вооружения, конской узды, пережженными костями лошади. Комплекс вещей датирует памятник первой половиной VIII века. Для нас интерес представляет круглое кольцо, обнаруженное на внутреннем пространстве площадки, которое, как пишет С.А. Плетнева, могло быть: «...основанием легкого сооружения типа шатра или юрты» (Плетнева, 2003, с. 39).

Неоднократно отмечалось, что архитектура поминальных храмов Нижнего Днепра, особенно Вознесенки, имеет аналогии в Сарыг-Булуне (Амброз, 1982, с.213), теперь к ним можно добавить и Бозок. Общим является обнесение площадок валом-стенной, рвом, расположение на площадке постройки типа «юрты», установка деревянной стелы (в Сарыг-Булуне и Бозоке).

Таким образом, такие детали архитектуры городища Бозок, как планиграфия оборонительных укреплений, «юрта», вертикально вкопанный столб находят аналогии в конструкции культово-мемориальных комплексов древнетюркской эпохи.

Еще одна категория объектов, с которыми городище Бозок имеет сходство – это болгарские и славянские святилища конца первого и начала второго тысячелетий н.э. По архитектурному замыслу наиболее близкой аналогией является болгарское святилище Тигашевского городища, расположенного на реке Кама (Смирнов, 1961, с. 140-145; Руденко, 2004, с.61-62). Общим являются топография (заболоченность округи), размеры, квадратная

форма, неоднократность перестроек, планировка укреплений, расположение и ширина прохода, система деревянных оград и идол в центре площадки. Внутреннее пространство святилища было обнесено концентрическими рядами деревянных оград. По мнению А.П. Смирнова, это был крупный племенной культовый центр. «Двойное, а может быть, и тройное деление святилища позволяет думать, что центр его, святая святых, мог быть доступен только жрецам. Народ, вероятно, располагался в пространстве между оградами и на свободной площади вокруг первой ограды» (Смирнов, 1961, с.141).

В центре круглой (юртообразной) постройки северного квартала городища Бозок обнаружено ритуальное захоронение человека. Человеческие жертвоприношения не являлись редкостью в практике поминального культа разных эпох. В письменных источниках описываются жертвоприношения гуннов, тюрков. Человеческие жертвоприношения открыты на славянских городищах IX-X вв. (Тимощук, 1990, с. 35). Они обнаружены в домах общинного пользования. У западных славян такие общинные дома назывались контин. В них проводились общие сборы и различные ритуальные действия. Славянские святилища окружались рвами и валами, в центре их стояли деревянные идолы. Человеческие жертвоприношения характерны и для половецких святилищ X-XII вв.

Архитектура, планировка, строения нижнего горизонта северного квартала, семантика планиграфии позволяют трактовать происхождение Бозока в общей канве исторических событий эпохи тюркских каганатов. Городище Бозок представляет собой еще один вид культового центра раннесредневековой эпохи и своим местоположением связывает в единую цепь культово-мемориальные комплексы восточного и западного окраин евразийской степи. Городище Бозок отражает первоначальный этап освоения тюркоязычными кочевниками евразийского пространства. Их первые ставки-резиденции на новых землях совмещали функции жилого и сакрального центров.

Многовековое последующее использование территории Бозока свидетельствует о сохранении в памяти поколений

особого статуса этого места как сакрального пространства древних тюрков.

Дата культового центра Бозок. У нас есть две даты, первая из которых позволяет определить время строительства трех кварталов, вторая, возможно, относится к одному из этапов вторичной расчистки рва и обновления вала.

Первая дата получена по гумусу погребенной почвы, оставленной под валом. На городище сделаны стратиграфические разрезы валов, под которыми отобраны образцы погребенных почв. Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот погребенной почвы, сделанное в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии Сибирского отделения РАН, дало дату 1500 ± 50 л.н. (СОАН - 7680). Калибровка даты дала временной промежуток между 503 и 644 гг.н.э. (95,4% вероятности). С учетом генетических признаков законсервированного гумуса время начала строительства валов городища Бозок можно отнести к VII-VIII вв.

В 2009 г. во рву восточного квартала на глубине 1,8 м было расчищено ритуальное захоронение лошади. Захоронение было сделано у входа в квартал. Над черепом лошади обнаружены две пары железных удила и один роговой псалий. Удила аккуратно положены друг на друга, псалий лежал сверху (рис.7). Мы можем оценивать этот комплекс как жертвенный, специально закопанный у входа при строительстве рва и вала. Подобные случаи – частое явление в практике населения степной зоны с глубокой древности. Их можно трактовать как строительные жертвы. В данном случае важно, что вместе со скелетом лошади обнаружены предметы узды и важно, что жертвенный комплекс расчищен на глубине 1,8 м. Т.е., он был сделан позже начального строительства трех площадок, так как первоначальная глубина рва равнялась 2,6 м. Предметы конской узды позволяют датировать это событие в пределах VII-IX вв. (Вайнштейн, 1966, с. 340, табл.VI, 3; Гаврилова, 1965; Кубарев, 2005, с. 120-123).

Второй этап: Бозок периода Кыпчакского ханства (X-XII вв.). Прошли века. Это место было оставлено его первопоселенцами. Второй этап в истории Бозока приходится на период усиления в степях Казахстана Кыпчакского ханства (X-XII вв.). В этот

период новая волна кыпчаков заново очистила рвы, подсыпала внутренние площадки глиной, построила на них наземные дома из сырцовых кирпичей и бревен. Севернее трех кварталов были построены дома земляночного типа.

Вокруг поселения жители заложили огороды и посевы, создали продуманную систему ирригационных сооружений. Она сохранилась в виде арыков, каналов, окружающих ныне руины городища. Это открытие подтверждает вывод А.Х. Маргулана о непрерывности традиции земледелия в Сарыарке от эпохи бронзы до нового времени. По данным исследователя наибольшего развития земледелие достигло в XI-XII вв. Поля с каналами, остатками дамб, чигирных ям зафиксированы им возле поселка металлургов Милыкудук рядом с Жезказганом и на р. Джезды.

Ирригационная планировка. Городище Бозок является первым памятником Центрального Казахстана, на котором снят тщательный план и сделано описание ирригационных сооружений (Гаврилов, 2008, с.372-374). Памятник расположен на естественном возвышении восточного берега озера Бузукты. Контуры возвышения четко видны на космическом снимке в виде равномерно окрашенного полуовала, окруженного пятнами озерных западин и болот (рис.8). Длина останца равна длине озера, ширина около 300 м. Эта площадка являлась жилой и хозяйственной зоной обитателей городища Бозок. На этом же снимке хорошо виден канал, прорытый от южной оконечности озера на запад в сторону ближайшего болотца. Края болота оконтурены вром подквадратной формы. На местности эти детали не видны из-за топкости и болотной растительности, покрывающей данный участок.

Вся территория, окружающая городище, занята остатками оросительной системы (рис.3). Площадь орошаемых земель составляет 45 га. При стационарном исследовании и составлении топографического плана была выделена структура оросительной системы, состоящая из магистрального канала, распределителей первого и второго порядка, густой сети оросителей (арыков), «грядок» и системы валиков.

Магистральный канал располагается в северной части оросительной системы. Общая протяжённость канала 580 м. Ширина канала – около 1 м, глубина – 0,3 м. При нивелировке канала выяснено, что он был проложен по самой низкой части окружающего рельефа, общий уклон местности составил – 1,6 м. Одной из главных функций канала была подача воды из озера в основную оросительную сеть системы. Вода в канал подавалась с помощью чигирного колеса. (Основание этой производственной площадки еще не исследовано).

В целом, по ориентации оросителей мы имеем два крупных разнонаправленных участка. Первый – прилегает к руинам городища, имеет в среднем размеры 700 x 250 м. Оросители тянутся с северо-запада на юго-восток. Участок ограничен с трех сторон «валами-дамбами». Второй участок заполнен оросителями, направленными по линии СВ-ЮЗ. Западный край его ограничен распределительным каналом второго порядка. Руслу арыков углубляются по мере продвижения к востоку, концы их спускаются в естественные западины озер и болот, окружающих с востока хозяйственную площадку городища. Орошение участка производится распределительным каналом второго порядка, отведенного от магистрального канала на юг. Дополнительно посередине северной части участка проложены два канала от озера Бузукты в широтном направлении.

Оросительная система Бозока оптимально использовала природные условия долины Ишима. Многочисленные озера использовались как естественные водохранилища и водонакопители. Они наполнялись водой в период весеннего половодья. Летом по мере необходимости вода спускалась по каналам и питала посеvy.

Жилища. К этому периоду относятся жилища, раскопанные в северной части городища Бозок. Здесь исследованы четыре дома земляночного типа (Акишев, Варфоломеев, 2008, с.43). Жилища состоят из 2-4 помещений, расположенных в ряд и объединенных общим коридором. Площадь комнат 9-12 кв.м. Планировка каждого дома размечалась еще до строительства. Об этом свидетельствуют межкомнатные перегородки толщиной 0,9 м, оставленные в материке. Глубина землянок 1,5 – 1,8 м.

Сверху вдоль котлована землянок настраивались стены шириной 2,0-2,5 м. Высота стен над землей вместе с крышей достигала 1 м. Таким образом, общая высота жилого пространства могла равняться 2,5-3,0 м. Дома были пристроены впритык друг к другу и представляли единый массив.

Одинаковым является интерьер жилищ (рис.9). Вдоль стен жилых комнат оставлены П-образные суфы высотой 20-40 см, шириной 0,8 – 1 м. Края некоторых суф укреплены обожженным кирпичом. В стенках комнат, выше суф зафиксированы небольшие нишки. Возможно, прообраз современных встроенных шкафов, в которых могли держать посуду, или ставили чираги (керамические светильники) для освещения. В жилищах расчищены очаги трех типов: пристенные каминь, округлые углубления на полу и печь из обожженных кирпичей в жилище № 1. Каминь округлой формы, высотой 0,4 м, полость их на 0,3-0,5 м вдается в толщу стены, ширина устья 0,4 м. Часто устье каминь сложено из фрагментов обожженных кирпичей. Каминь заполнены золой, угольками и костями животных. В жилище № 1 расчищены остатки печи прямоугольной формы размерами 0,9 x 0, 8 м. Дымоход был сложен из обожженных кирпичей.

Жилища имели узкие входы, от дверных проемов сохранились основания деревянных столбов. Кровля, вероятно, была плоской. В ее перекрытии использовали жерди, сверху их закрывали камышовыми матами, обмазывали озерным илом. При высыхании ил становился прочным и водонепроницаемым. Комнаты освещались люками, оставленными в крыше. Люки одновременно являлись дымовыми отверстиями.

Дату жилищ (X-XIII вв.) определяют находка на полу жилища №2 свинцовой гирьки-пломбы X-XII вв. и стратиграфия построек. Когда дома были уже заброшены, на их руинах возникает сырцовая оградка, содержащая четыре могилы (Акишев, Варфоломеев, 2008, с.49). Вещи, найденные в них (бронзовое зеркало, монета, железный наконечник стрелы), датируются серединой XIV в. Эти вещи уточняют дату жилищ и позволяют утверждать, что к концу XIII в. дома были заброшены.

Третий этап – мусульманский культовый центр. Третий этап истории Бозока начинается в золотоордынскую эпоху (XIII-

XIV вв.) и продолжается до нового времени. Руины городища Бозок сохраняют свою притягательность и становятся местом погребения элиты Нура-Ишимского региона. Интересно, что здесь обнаружены захоронения как по древнему языческому обряду (в полной экипировке, с вещами), так и по требованиям шариата. Оба вида погребений совершаются археологически одновременно в пределах конца XIII-XIV вв. Это сочетание отражает реальную историческую картину процесса постепенной исламизации средневекового населения степи.

Формирование мусульманского некрополя началось с центральной межквартальной площадки. Это место между валами трех кварталов было заложено паховыми блоками и, таким образом поднято в высоту и выровнено. Получилась прямоугольная площадка размерами 60x17 м, которая стала наиболее элитарной частью мусульманского некрополя. На ее поверхности расположены два типа мусульманских сооружений с наземными конструкциями: оградки-хазира и мавзолеи (рис.10). Первые относятся к категории бескупольных мемориалов, археологически фиксируются в виде круглых и овальных ровиков, ограждающих пространство вокруг могильных ям. Заполнение ровиков свидетельствует, что они являются фундаментами стен, возвышавшихся над землей. Эти оградки в мусульманском погребальном обряде назывались хазира (Маньковская, 1990, с.115; Васильев, 2007). По мнению исследователей, они появляются в начальный период формирования мусульманской погребальной практики и принадлежат особому течению ислама, сторонники которого придерживались запрета на строительство мавзолеев (Маньковская, 1990, с.120).

Второй тип наземных сооружений – мавзолеи. На центральной площадке было построено два кирпичных мавзолея (№1-2) (рис.10). Третий мавзолей из жженого кирпича исследован на южной напольной стороне, за пределами развалин городища. Рядом с ним раскопана кирпичеобжигательная печь, и зафиксировано скопление могильных холмиков (рис.11). Еще два мавзолея из сырцового кирпича построены на валах городища.

Среди мавзолеев городища Бозок по планировке выделяется мавзолей № 4. К сожалению, его могильная яма полностью

уничтожена. Но дугообразной формы выкладка сырцовыми кирпичами перед входом похожа на апсиды христианских мавзолеев. Это очень интересный факт возможного проникновения христианства в центральные регионы Казахстана в XIV в. (?).

Мавзолеи городища Бозок относятся к типу однокамерных, квадратных в плане. Стены воздвигнуты без фундамента, толщина стен 0,8-1,2 м. Стены четырех мавзолеев (кроме первого) неровные, разметка их сделана «на глазок». Все мавзолеи имеют пол, выстланный кирпичом или обмазанный толстым слоем алебаstra. Возведение надгробий над центральной могилой зафиксировано лишь в двух мавзолеях (№2, 3). Вход с южной стороны. Два кирпичных мавзолея, вокруг которых группируются мусульманские захоронения, выделяются нарядным декором. Мавзолей №1, от которого, по-нашему мнению, началось формирование мусульманского некрополя городища Бозок, имел фасад, украшенный резными кирпичами (рис.12). Среди кирпичей встречаются обломки с округленными торцами, возможно, вход был оформлен полуколоннами. Мавзолей имел довольно прочные стены в три кирпича толщиной, ширина их составляла 0,81 м. Перекрытия кирпичных мавзолеев были увенчаны керамическими навершиями – куббами, покрытыми темно-зеленой и ярко-синей глазурью. Куббы по форме были двух или трехступенчатые шарообразные. Нижний сегмент куббы имел диаметр 16 см, толщину стенок 1,5 см. Поверхность ее покрыта вертикальными каннелированными углублениями. Навершие изготовлено из осветленной глины (рис.12: 9).

Керамическое навершие было и на мавзолее №3. Внутренний интерьер этого мавзолея имел полихромную роспись на белом ганче. Среди кусков штукатурки встречаются фрагменты с разноцветным орнаментом и различным профилем: под прямым углом, сферические, вогнутые, плоские. Эти находки позволяют предполагать, что поверхность стен, купол и надгробие были оштукатурены алебастром и расписаны в четыре краски. В декоре интерьера применен эпиграфический и растительный орнамент. Эпиграфический узор нанесен темно-синей и красной краской, растительный – красной, зеленой и желтой (рис.13). Это была не сплошная роспись, т.к. большая часть ганча осталась

белой. Полихромная роспись характерна для интерьеров жилых и культовых строений Средней Азии с X-XI вв. (Бородина, 1990, с. 108-109). Встречается и в мавзолеях XIV в. Улуса Жоши (Байпаков, Смағұлов, Ахатов, 2005, с. 100).

Всего на территории городища Бозок раскопано 58 мусульманских могил. 25 из них открыты в мавзолеях и оградках. Остальные могилы – грунтовые. Исследованием мусульманских некрополей Волжской Булгарии выявлены археологические показатели мусульманских погребений (Халикова, 1986, с.43-44). К ним можно отнести: 1) положение покойника лицом к кыбле* с поворотом туловища на правый бок; 2) погребение без вещей и одежды, только в саване; 3) не рекомендуется засыпать покойника непосредственно землей, поэтому предлагаются конструкции могильных ям с подбоем (ляхад), обкладка могил кирпичом, или захоронение в гробу, или оставлять уступы вдоль стен для укладки перекрытия над захоронением.

Соблюдение всех канонов ислама характерно только для кладбищ крупных городов, в которых проживали кадры мусульманского духовенства, осуществлявшие неукоснительный контроль над выполнением всех правил обряда. Для регионов, отдаленных от столичных центров такая стандартизация не характерна. Это касается и захоронений городища Бозок. Лишь половина мусульманских погребений соответствует требованию обращения лицом на юг, к кыбле. Даже погребенные в мавзолеях лежат лицом вверх. Более распространенным оказался второй признак – погребение без вещей. Вещи или ритуальная пища в виде костей баранов, черепов лошадей зафиксирована лишь в 8 из 58 погребений. Выдержано третье требование – не засыпать покойника непосредственно землей. Все могилы имеют перекрытия на уровне дневной поверхности или в придонной части из кирпичей и дерева, либо сделаны гробовища. В числе исследованных на городище Бозок мусульманских погребений пять захоронений сделаны в подбое. На городище представлены все типы надмогильных конструкций, которые характерны для городских некрополей золотоордынского времени.

* Кыбла (араб.) – определенная сторона поклонения молящегося, у мусульман – направление к Мекке, точнее Каабе, храму, находящемуся в Мекке (Халикова А.Х., 1986, с. 102)

К дате мусульманских захоронений. Как известно, формирование мусульманских некрополей зачастую связано с местом погребения «родоначальника» или особого духовного лица, много сделавшего для утверждения ислама и получившего статус «святого». Среди культовых строений некрополя Бозок тщательно постройки, использованием резной терракоты выделяется мавзолей №1. Он стоит в центре межквартальной площадки (рис.10). Для постройки мавзолея была сооружена кирпичеобжигательная печь, расположенная в 7 м западнее. В заполнении печи встречены фрагменты резной терракоты. Возможно, мавзолей принадлежит особой личности, сыгравшей значительную роль в распространении ислама в Нура-Ишимском регионе. И с этого мавзолея начинается история мусульманского некрополя городища Бозок. Однако само погребение вопреки требованиям ислама сопровождалось предметами вооружения и предметами конской узда (рис.12). В заполнении ямы было найдено три железных наконечника стрелы, которые по размерам и форме пера относятся к типу срезней, распространенных в XIII-XIV вв. На центральной площадке вне могильных ям найдена серебряная чаша. Ее происхождение не понятно. Серебряная чаша сферической формы, диаметр 15,2 см, высота 6 см, толщина стенок 1 мм. Поверхность чаша отполирована (рис.12). Такие чаши найдены в кочевнических погребениях конца XIII-XIV в. Серебряная чаша с уплощенным дном происходит из женского погребения XIII-XIV вв. городища Бозок. В могилах сырцовой оградки, построенной на руинах жилищ-землянок найдены вещи XIV в. (бронзовое зеркало, серебряная монета, наконечник стрелы) (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 52).

Таким образом, мусульманские захоронения некрополя городища Бозок твердо датируются XIV в. Некрополь функционировал в течение нескольких столетий. Начало его формирования можно отнести к концу XIII в. Эти предположения подкрепляются планиграфическим соотношением мусульманских наземных мемориалов; планировкой конструкций центральной площадки. Некоторые из них перекрыты более поздними конструкциями. Следовательно, между их возведением прошел значительный временной отрезок.

Мусульманизация Дешт и – Кыпчака начинается со времени монгольских завоеваний. Первый хан Улуса Жоши – Бату (1224-1255 гг.) симпатизировал исламу, по данным некоторых восточных авторов он даже был тайным мусульманином (Тизенгаузен, 1941, с. 15-16). Первый шаг к признанию ислама религией Улуса Жоши предпринят ханом Берке (1257-1266 гг.). Как пишет Джузджани, когда родился Берке «отец его Жоши-хан взял Хорезм, и войско его находилось в землях саксинских, булгарских и саклабских». Уже тогда Жоши принял решение: «Этого сына я делаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином» (Тизенгаузен, 1941 с. 17). Берке обучался в Ходженде, имел наставника – шейха. Войско его состояло из 30 000 мусульман. Джузджани отмечает, что «во всем войске его никто не пьет вина и при нем (Берке) постоянно находятся великие ученые из (числа) толкователей (Корана), изъяснителей хадисов, законоведов и догматиков. У него много богословских книг, и большая часть его собраний и беседований происходит с учеными. Во дворце его постоянно происходят диспуты относительно науки шариата. В делах мусульманства он чрезвычайно тверд и усерден» (Тулибаева, 2006, с. 35).

При Берке мусульманское духовенство получает доступ к государственной службе. Ислам проникает в армию. Все это вызвало недовольство кочевой монгольской аристократии. Однако государству нужны были образованные, грамотные люди, сведущие в делах управления.

В ходе завоеваний монголы столкнулись с тремя мировыми религиями: буддизмом, исламом, христианством. Почему именно ислам стал государственной религией Улуса Жоши? Главная причина – экономическая. Монголы видели различия в уровне жизни завоеванных территорий. Два процветающих государства: Хорезм и Волжская Булгария были мусульманскими. Вторая причина - внешнеполитическая. Для придания государству международного статуса нужны были авторитетные союзники. Им стал мамлюкский Египет. Если первая попытка

Берке проводилась методом убеждения, то введение ислама на всей территории улуса от Дуная до Иртыша ханом Узбеком (1312-1342 г.) была проведена силой оружия. Он просто перебил всех, кто был против. Узбек стал первым ханом-мусульманином в государстве Чингизидов. Для исламского мира это имело большое значение, т.к. Улус Жоши был самым крупным государством на средневековой карте мира. Тесные связи устанавливаются между Улусом Жоши и Египтом. В 1320 г. даже был заключен династийный брак, скрепивший союз двух мусульманских государств. Таким образом, дата официального принятия ислама в Улусе Жоши в качестве государственной религии – 1312 г.

Как мы видим по материалам городища Бозок, несмотря на принятие Золотой Ордой в XIV в. ислама как государственной религии, в глубинных степных регионах Казахстана продолжали хоронить по языческому обряду: в одежде, с вещами, с заупокойной пищей: в могилах встречаются предметы вооружения, посуда, черепа, лопатки лошадей, расчлененные туши лошадей, целые скелеты баранов.

На территории городища Бозок открыта группа языческих погребений (б) золотоордынского времени. Все они найдены случайно при раскопках различных сооружений городища. Их стратиграфическое положение свидетельствует, что эти погребения были сделаны тайно. Над их могилами нет никаких наземных сооружений. Все эти могилы содержат погребения воинов в полной боевой экипировке. Рядом с ними найдены берестяные колчаны с железными наконечниками стрел, железные ножи, железные удила, стремяна. В одном из погребений на лицевой части черепа сохранились остатки кожаной маски, в ногах в свернутом виде положена железная кольчуга. Погребения с такими вещами относятся к категории княжеских могил кыпчаков.

Современница Чингисхана. Среди этой группы княжеских погребений есть и погребение женщины, которая тоже захоронена с предметами вооружения. Ее могила расположена прямо у входа в южный квартал. Уже этот факт свидетельствует, что к тому времени городище было заброшено. У подошвы вала, окружавшего южный квартал, была выкопана могила глубиной

1,5 м. На дно ее опущен деревянный гроб с умершей. Верх гроба закрыт шелковой тканью, от которой остался тлен фиолетового цвета и видно, что ткань была задрапирована складками и скреплена костяными «пронизками». В гробу головой на север похоронена женщина, богата одетая, в красивом головном уборе. До археологов дошли только металлические, глиняные и костяные вещи и украшения, но даже по ним мы можем реконструировать обряд погребения (рис.14). На руках были одеты серебряные браслеты. Правая кисть прикрывала серебряную чашу. Слева у пояса висел железный кинжал в деревянных ножнах. Рядом с кинжалом находилась железная пика. В ногах вне гроба положены железные удила. От головного убора сохранился фрагмент берестяного цилиндра с налипшими раковинами каури. С двух сторон черепа найдены серебряные сережки в виде знака вопроса с полыми подвесками на концах. У височных костей расчищены скопления речного жемчуга. Жемчуг нанизан на шелковую нить. С каждой стороны черепа обнаружено по 200 жемчужных бисеринок. Когда-то они украшали головной убор умершей. Некоторые участки скоплений жемчуга сохранили ромбовидную форму, по ним мы реконструировали подвески головного убора, описанного ниже. На шее у женщины была нитка бус. Среди них есть мелкие серебряные бусины, есть и жемчужные. Основная часть – это бусы из стекла, покрытого голубой глазурью. В центре висела подвеска длиной 2 см в виде клюва пеликана, рядом находились бусы в виде фигурок птиц. По определению антропологов, женщина умерла в возрасте примерно 50 лет.

Одно это погребение и сопровождающие ее вещи раскрывают многие стороны истории и культуры племен, живших в районе Астаны в XIII-XIV веках. Во-первых, не вызывает сомнения высокий социальный статус погребенной здесь женщины. В ее могилу была поставлена серебряная чаша, сама она имела серебряные украшения. Головной убор был богато украшен жемчугом. Она была не только хранительница очага, но наравне с мужчинами участвовала в боях. Судя по кинжалу и пике, она была не рядовым воином, а выполняла руководящие функции. Жемчуг и раковины

каури были доставлены из дальних странах, возможно, во время далеких походов. Бусы в виде водоплавающих птиц говорят о культе воды и культе птицы, образ которой был излюбленным мотивом украшения тюркоязычных и финно-угорских народов. По вещам погребение женщины датируется концом XIII в.

Одним из результатов раскопок городища Бозок является реконструкция облика этой средневековой «астанчанки», жившей здесь 700 лет назад (рис.15). Реконструкция сделана в Москве в Лаборатории Антропологической реконструкции Института антропологии и этнологии РАН. Перед нами женщина монголоидного облика с мужественными, суровыми чертами лица. Возраст около 50 лет. На голове у нее головной убор шлемовидной формы, на руках серебряные браслеты, в ушах серебряные сережки.

Еще одним результатом исследования этого погребения является научно достоверная реконструкция головного убора. Реконструкция головного убора сделана на основании точных археологических данных и сохранившихся описаний европейских путешественников Платона Карпини, Вильгельма Рубрука, посещавших дворы золотоордынских ханов и видевших пышные головные уборы знатных женщин той эпохи. Остались и зарисовки современников. Высота головного убора установлена по расстоянию между черепом и стенкой гроба – 15 см. На этом месте остался фрагмент берестяного цилиндра с тремя налипшими раковинами-каури. С каждой стороны черепа женщины расчищено по 200 мелких жемчужных бусин, в расположении которых сохранились ромбовидные фигуры. В письменных источниках написано, что основой головных уборов, названных «бокка», была береста и войлок тонкой выделки (фетр), которые использовались в качестве каркаса. Сверху каркас обтягивался шелковой тканью. Социальный статус погребенной на городище Бозок женщины подчеркнут богато украшенным головным убором, приспособленным к условиям военного быта (шлемовидная форма).

Волею судьбы небольшая по размерам военная ставка кыпчакского султана, появившаяся более одной тысячи лет назад в

левобережной долине Ишима, получила второе рождение, став исторической зоной новой столицы Казахстана – г. Астаны. В настоящее время городище Бозок оказалось в черте городской застройки. По генплану г. Астаны за озером Бузукты проходит внешнее объездное кольцо столицы. Территория древнего городища оказалась на главной оси Астаны и удачно вписалась в архитектурную трактовку столицы: прошлое (Бозок), настоящее (центральная площадь с Ак-Ордой), будущее (университетский городок).

Вероятно, не случайно расположение городища оказалось знаковым и на современной карте. Из этого следует, что в появлении города, как и в выборе место обитания нашими далекими предками особую роль сыграло его срединное положение в центре восточной части евразийского пространства.

Список литературы

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана, 2008. – С. 13-19.

Акишев К.А., Варфоломеев В.В. Жилища городища Бозок// Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана, 2008. – С. 41-55.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Средневековое городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. – С. 13-16.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты пятилетних раскопок городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана, 2008. – С. 25-40.

Амброз А.А. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв.// Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981 – С. 10-23.

Амброз А.А. О Вознесенском комплексе на Днепре: вопрос интерпретации// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М, 1982. – С. 204-222.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. – 293 с.

Байпаков К.М., Смағұлов Е. А., Ахатов Ғ. А. Ортағасырлық Жайық қала жұрты. – Алматы: «Credo». 2005. – 221 б., 32 қосарбет. Қазақ, орыс және ағылш. тілдерінде.

Бородина И.Ф. Стенные росписи и цвет в архитектуре интерьеров Средней Азии X-XII вв. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. – С.108-114.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. – 192 с.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины 1 тысячелетия в Западной Туве// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. П. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.-Л.: Наука. 1966 – С. 292-347.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М., 1996. – 152 с.

Гаврилов Д.А. Предварительные результаты изучения оросительной системы раннесредневекового городища Бозок // Көшпенділер өркениетіндегі дала қалаларының орны: Астана қ., 10-жылына арналған халықарал.ғыл.конф. материалы. Астана қ., 2 шілде 2008. – Астана, 2008. – 408 б.

Гаврилова А.Д. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.

Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // Turcologica. Л., 1986.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. – 211с.

Маньковская Л.Ю. Хазира – комплексы Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. – С.115-124.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 3-37.

Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Мир казаха. Алматы, 1997. – С. 16-30

Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации 1 тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989, с.284-292.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII вв. Учебное пособие. Воронеж, 2003. – 247 с.

Руденко К.А. Булгарские святилища XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. – Ижевск, 2004. – с. 36-77.

Семенов Л.Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата, 1930. № 1. С. 77-87.

Смагулов Т.Н. Археологические исследования на некрополе Аулиеколь //Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году – Алматы. 2008. – С. 223-229.

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сары-Арки (Средневековые городища и поселения). Балхаш, 1997- 110 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. МИА. № 95. – М., 1961. – 171 с.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайшық. Алматы, 2001.- 295 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941. – С.15-16.

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв. – М., 1990. – 192 с., илл.

Тулибаева Ж.М.. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII-XIX вв. – Астана, 2006 – 256 с.

Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия// Известия МН-АН РК. Серия общ.наук, 1997. №1, с. 3-9.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань, 1986. – 160 с.

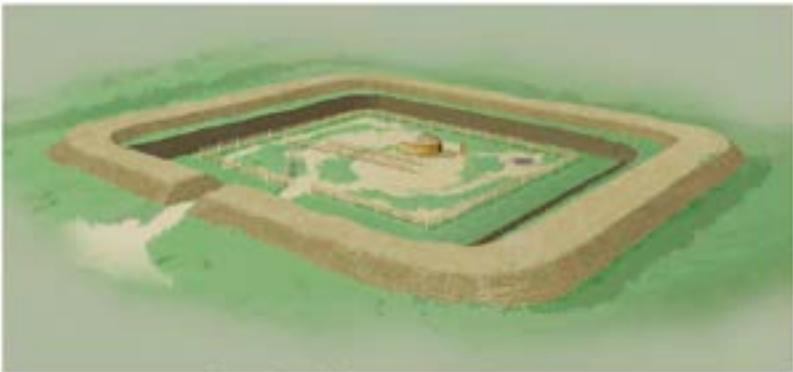
Шангин И.П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г.// Сибирский вестник, ч. IX, кн. 3. 1820, с. 74-75.

Список иллюстраций

- Рис.1. Городище Бозок. Топоплан
 Рис.2. Городище Бозок. Центральная часть. Космоснимок.
 Рис.3. Городище Бозок. План ирригационных сооружений.
 Рис.4. Городище Бозок. Общий план. Космоснимок.
 Рис.5. Городище Бозок. Архитектурный облик древнетюркского святилища. Реконструкция.
 Рис.6. Городище Бозок. Северный квартал, ритуальное захоронение.
 Рис.7. Городище Бозок. Конская узда.
 Рис.8. Городище Бозок. Ситуационный план. Космоснимок. С болотами.
 Рис.9. Городище Бозок. Интерьер жилищ. Реконструкция.
 Рис.10. Городище Бозок. Конструкции центральной площадки. Общий план.
 Рис.11. Городище Бозок. Раскоп 3. Общий план.
 Рис.12. Городище Бозок. Мавзолей №1. Вещи.
 Рис.13. Городище Бозок. Мавзолей №3. Роспись на ганче.
 Рис.14. Городище Бозок. Погребение.
 Рис.15. Городище Бозок. Реконструкция по черепу.

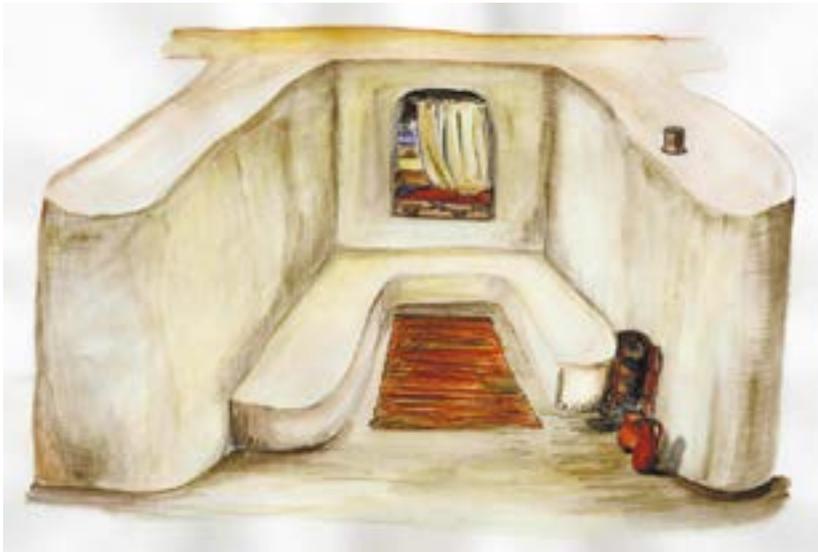

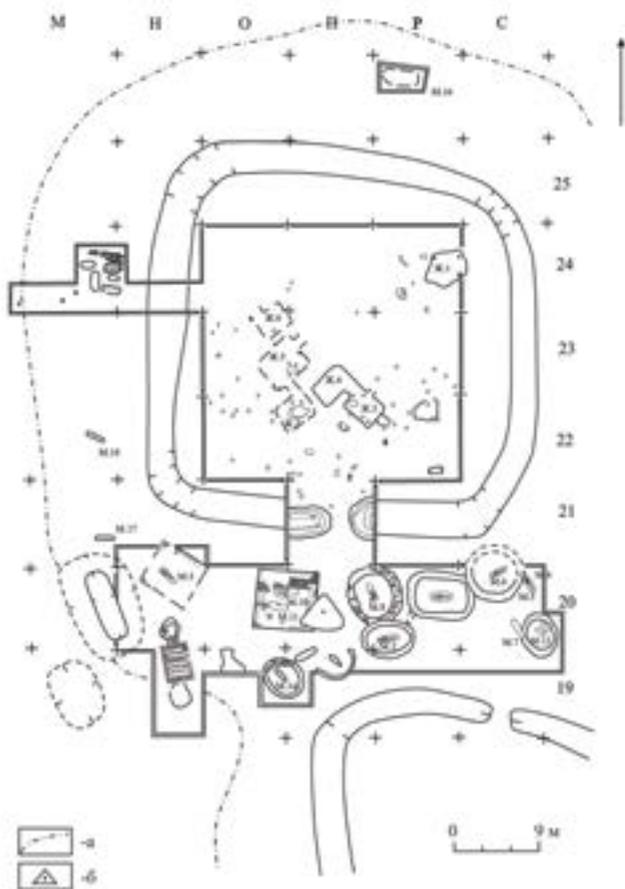

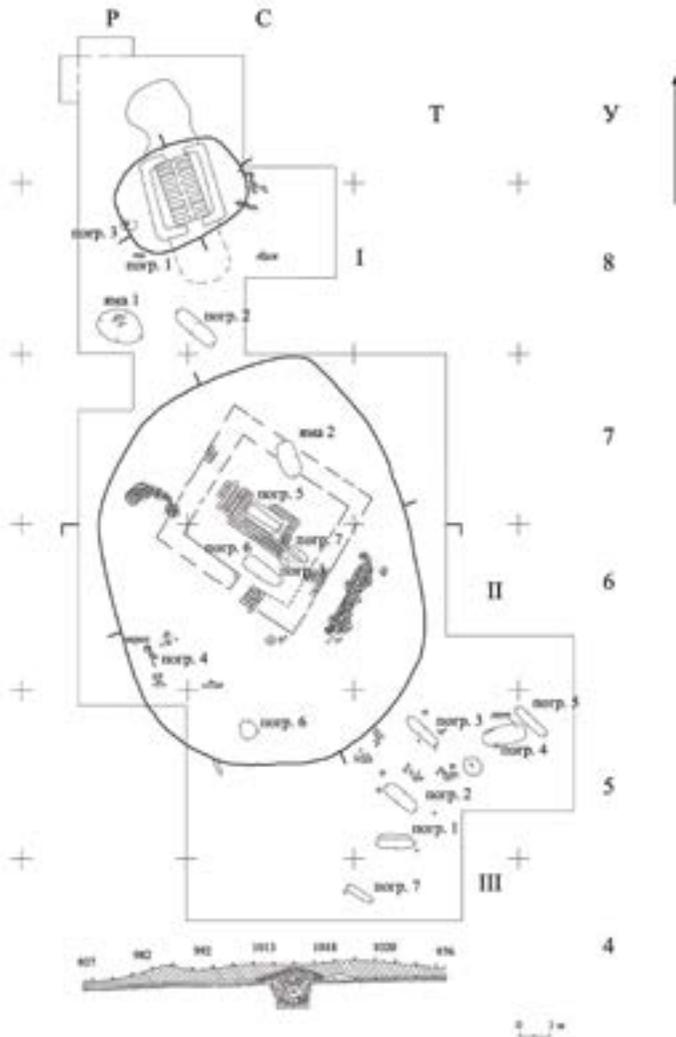

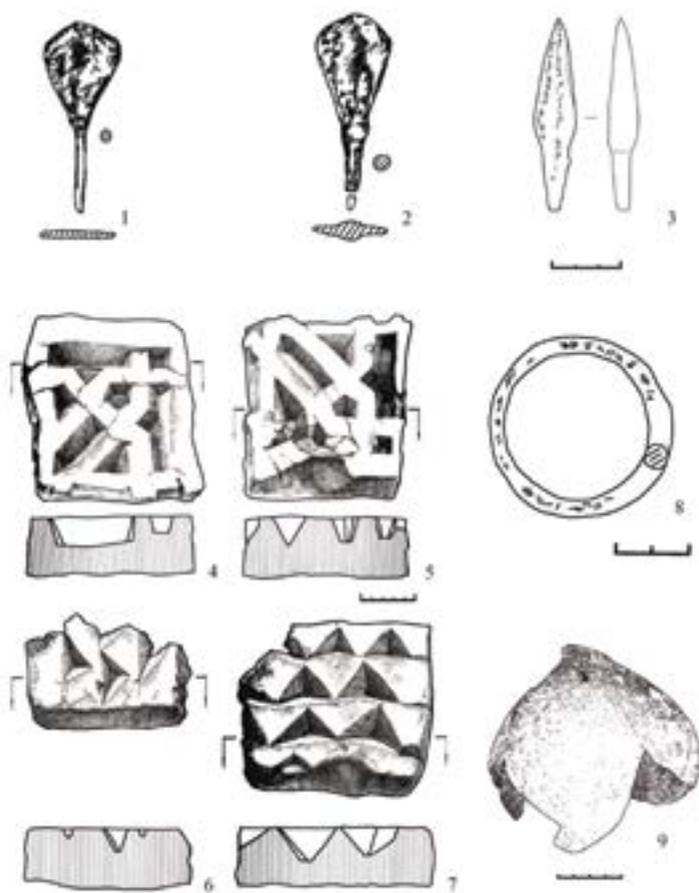
Городище Бозок. Реконструкция строений нижнего горизонта.

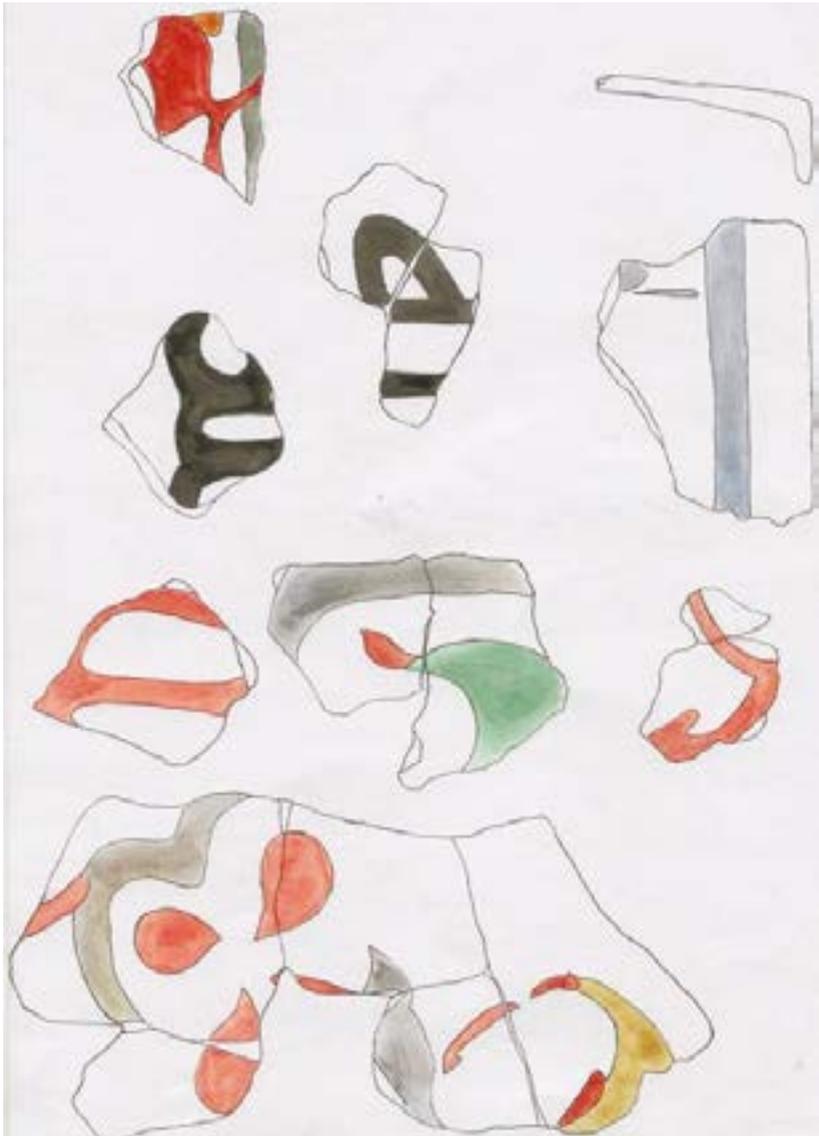

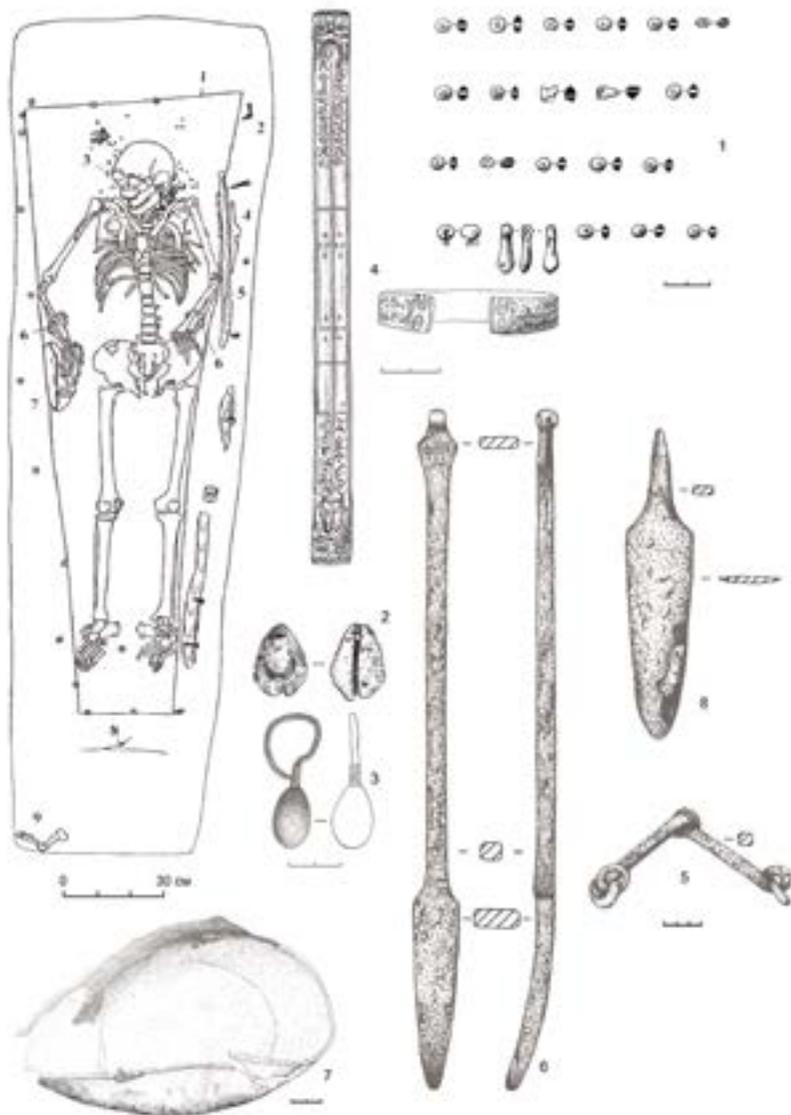

Городище Бозок, Маяковский 1. Вещи. 1 - 3 - железные наконечники стрел; 4 - 7 - резная терракота; 8 - железное кольцо; 9 - кубба

Марал Хабдулина

ОБОРОННОЕ ЗОДЧЕСТВО ДРЕВНИХ ТЮРКОВ СТЕПНОЙ САРЬЯРКИ*

Одним из масштабно исследованных поселенческих объектов средневековой эпохи степной зоны Казахстана является городище Бозок. Раскопки памятника ведутся с 1999 г. Памятник расположен на юго-западной окраине г. Астаны, в болотистой пойме левого берега р. Ишим. Руины городища Бозок занимают останец восточного берега оз. Бузукты. Общая площадь, включая и ирригационные сооружения, составляет 30 га. Памятник оказался сложным, состоит из жилых, производственных и культовых строений, возникших в разное время. Структурные компоненты памятника неоднократно перестраивались, обновлялись, забрасывались. За 12 полевых сезонов вскрыто более 8 тыс. кв.м. Открыты 10 жилищ средневековой эпохи, изучены остатки 5 мавзолеев, двух кирпичеобжигательных печей, раскопано 62 погребения XIII-XVI вв. Особый интерес представляет архитектура оборонительных укреплений. Городище Бозок основано в VIII-IX вв. и функционировало до XV-XVI вв. Однако обитаемым оно было до X-XII вв. Позже руины городища стали местом погребения. Здесь были построены мавзолеи из жженого и сырцового кирпича, совершены погребения по мусульманскому обряду и языческие погребения с вещами.

В результате раскопок установлено, что самой древней частью памятника, возникшей в древнетюркскую эпоху, являются три квадратной формы площадки, обнесенные рвами и валами. Условно они названы нами кварталами. Композиционно имеют вид трехлепестковой розетки). Общая площадь 12636 кв.м. Внутренние размеры площадок примерно одинаковы 35x35 м. Каждая площадка окружена рвом и внешним валом. Расстояние между рвами соседних кварталов 9-14 м. Высота вала 0,6-1,0 м, ширина основания 9-10 м. В системе защитных сооружений оставлены проемы проходов, ведущих как наружу,

* Опубликовано: Этническая история и культура тюркских народов: сб. науч. трудов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 161-166.

так и в соседние строения. В северный квартал ведет один вход с южной стороны. В восточном и южном кварталах по два входа: с севера и юга. Именно наличие валов и рвов определило отнесение памятника к категории городищ. Однако в процессе исследования у нас возникли сомнения в военном назначении этих строений. На возведение защитных сооружений потрачено много труда, конструкция их оплыла, подверглась естественному обветшанию, но сохранила до наших дней свою архитектуру.

Архитектура и строительные приемы древнетюркского времени реконструируются по материалам раскопок валов и рвов. Они разрезаны в нескольких местах сквозными траншеями шириной 3 м. Траншеи протянуты по линии запад-восток через северный и восточный кварталы. Общая длина каждой траншеи, включающей и внутренние площадки кварталов 120 м. Кроме этого исследованы конструкция прохода в северный квартал и вход в восточный квартал с северной стороны.

В выборе места под строительство первые обитатели городища Бозок учли, что эта площадка восточного берега озера Бузукты не заливается в период весенних паводков. Это особенно важно, т.к. городище расположено в болотистой пойме Ишима. Останец озера сложен суглинком, который обладает высокими строительными качествами. Следовательно, строительный материал находился тут же, «под ногами».

Компактное расположение трех кварталов вызвано размерами наиболее высокой части береговой полосы. Вне сомнения, предварительно была произведена шурфовка площадки для выяснения уровня грунтовых вод, которые при высоком стоянии могли вызвать разрушение рва. Строительство всех трех кварталов велось одновременно и началось с разметки строений на местности. Об этом свидетельствуют канавки, зафиксированные с восточной стороны вдоль внутреннего края рва северного квартала площадки. Т.о., выбор места строительства был предварен серьезными проектно-изыскательскими работами. Конструкции простояли более тысячи лет, неоднократно обновлялись, застраивались и степень их разрушения вызвана естественными процессами обветшания.

Конструкция вала и рва. Крупными размерами выделяется северный квартал, планировка восточного и южного кварталов носят подчиненный характер (рис.1). При разметке будущих кварталов с внутренней поверхности площадок убирался гумус и часть материкового слоя. Полоса шириной 3-3,5 м, примыкающая по всему периметру к внутренней стенке рва, наклонно стесывалась на глубину до 50-70 см. И уже с этого уровня начинали копать ров. Таким образом, получался перепад высот верхнего края рва. Его внутренняя стенка была изначально на 0,5-0,7 м ниже внешней стенки.

Древняя поверхность оставлена только под валом-стеной. На нее выстилался слой чистой глины. Потом начинали копать ров и из верхнего гумусного грунта выкладывали небольшой валик. Поверхность валика обкладывалась, иногда обмазывалась желтой глиной. Т.о., создавалось ядро будущей стены. Остальной массив вала наращивался битой глиной, выложенной паховыми блоками и кирпичами. Для большей прочности и связки слои кирпичей имели комбинированную кладку: наклонно на узких гранях и горизонтально, плашмя. Т.е. вал в большей части был сложен из тяжелой материковой глины. Склоны его облицовывались сырцовыми кирпичами. Нижние слои таких кирпичей зафиксированы вдоль западной подошвы вала.

Высота вала-стены может быть рассчитана по объему грунта стекшего в ров. На всех профилях видно, что со стороны вала в ров спускается мощный затек глины. Толщина его достигает одного метра (рис.1). Если этот грунт вернуть назад на вал, то высота его увеличится на метр. Т.о., можно утверждать, что первоначальная высота вала-стены была не менее 2 м. Ширина основания вала 7-8 м, ширина верха – 4 м.

Стенки рва со стороны вала копались ступеньками, с внутренней стороны ров имеет крутой профиль. Ширина рва по верху – 4,8 м, ширина по дну – 1,5 м. Глубина рва от древней поверхности – 2,8 м. Дно ровное. Заполнение рвов свидетельствует о его неоднократном обновлении. В последний раз затекший ров был заложен на глубине 1 м двумя горизонтально положенными слоями сырцовых кирпичей. Они закреплены черным раствором (рис.1).

Для безопасности по краю площадки, вдоль внутреннего периметра рва делалось деревянное ограждение – заплот. Следы его фиксируются в виде ямок от столбов. Ограждение, видимо, ремонтировалось, т.к. на участках, примыкающих к углам кварталов, расчищено по 3-4 ряда столбовых ямок. Вкапывались столбы диаметром 20-30 см. В некоторых из них сохранилась древесная труха.

Конструкция входов. Во рву и валу оставлялись разрывы для входа. Несмотря на неоднократные перестройки, по профилям и планам можно наметить первоначальную конструкцию прохода. До раскопок проход в северный квартал шириной 5 м фиксировался в виде всхолмления между двумя концами рва. В древности вход имел ширину 2,3 м и был оформлен системой столбов. К предвратным конструкциям относится линия мощных столбов, ведущая от западного края рва вглубь северной площадки. Расчищено 5 ямок от столбов квадратной формы размерами 0,4х0,4; 0,5х0,5 м. Они тянутся на расстоянии 4 м по линии СВ-ЮЗ. Столбы вкопаны на глубину 0,5 м. Проход в северный квартал был узким, шириной всего 0,5 м.

Существование проходов во рву каждого квартала предполагает их использование. Проход в северный квартал должен был соединять его с соседними кварталами и с внешним миром. Следовательно, при строительстве валов северного и южного кварталов сразу должны были оставаться межквартальные «коридоры».

Такой коридор мог соединять северный и южный кварталы. Расстояние между ними 14 м. Здесь вполне можно было построить стены, огораживающие каждый квартал, и оставить между ними проход. В этом случае внешние склоны вала-стены должны быть прочно закреплены. Возможно, обшиты деревом. Следы таких деревянных столбов диаметром 30 см обнаружены под северным валом восточного квартала. Они вкопаны на глубину 0,6 м. В то же время при взгляде на взаиморасположение кварталов и систему проходов, складывается впечатление, что каждый квартал был предельно автономен и мало связан с соседними. Например, в северный квартал можно было зайти со стороны озера. Мог существовать оборудованный коридор

между северным и южным кварталами. Но вот в восточный квартал, скорее всего, можно было войти только снаружи. Входы служили только для пеших перемещений, вряд ли здесь можно было передвигаться верхом.

На дне рвов у входов обнаружены ритуальные захоронения: челюсть лошади во рву северного квартала (кв. 21/П), передняя половина скелета лошади расчищена в восточном конце рва (кв. 23/Х). Череп лошади ориентирован на восток. Над черепом найдены две пары железных кольчатых удил и роговой стержневидный псалий. В заполнении рвов встречаются мелкие фрагменты керамики. Железные удила и роговой псалий определяют дату основания городища Бозок – VII-IX вв. (рис. 2).

Функционирование городища в этот период можно рассматривать как небольшую ставку-резиденцию, совмещающую функции жилого и культового центра. Архитектура вала и рва вызывают сомнение в выполнении ими функций военной защиты. Небольшие по размерам площадки кварталов окружены глубоким рвом и стоящим за ним валом. Поверхность кварталов дополнительно углублена до плотного материкового грунта, края площадки по всему периметру наклонно стесаны в сторону рва, так что внутренняя стенка рва на 0,5 м ниже внешней, при такой ситуации трудно представить возможности обороны. Площадки кварталов оказывались как бы «утоплены» внутри вала.

Более обоснованной выглядит трактовка их как территорий закрытых для массового обитания. Конструкции нижнего строительного горизонта северного квартала свидетельствуют в пользу использования ее как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов (Хабдулина, 2010, с. 138).

Основным строительным материалом на протяжении всего средневековья была глина, сформованная в кирпичи и сбитая в пахсовые блоки. Использование глины в строительстве не является чуждым для степной зоны Казахстана. Глинобитная технология здесь имеет древние, глубинные истоки. Применение ее в степях Казахстана началось с эпохи энеолита. Фундаменты стен полужемляночных жилищ поселения Ботай строились из увлажненной глины, которая намазывалась слоями. В ней закреплялись бревна стен. Крыша имела шатровую форму,

образованную уступчато-горизонтальной кладкой бревен, сверху покрывалась дерном, обмазывалась глиной (Зайберт, 2009, с. 271). В эпоху бронзы сфера применения глинобитной технологии расширяется. Из глины возводят оборонительные конструкции, подземные и наземные погребальные сооружения, в домах появились очаги, выложенные из кирпичиков.

Оборонительные сооружения Синташты и Аркаима построены путем засыпки и утрамбовки глиной деревянных клетей. Наружные стены валов укреплены обожженными глиняными блоками, вальками (Генинг и др., 1992, с. 33). В такой же технике возведен девятиступенчатый толос – «храм» у поселения Синташта высотой 9 м, диаметром основания 72 м (Генинг и др., 1992, с. 367). Сырцовыми кирпичами облицованы стены и пол усыпальниц петровской археологической культуры. Сверху погребальные сооружения имели сводчатые перекрытия. Первоначально открытие подземных сводчатых погребальных склепов из глины объяснялось связью и культурным заимствованием с регионов Передней и Средней Азии (Зданович, 1988, с. 136-137). Постепенно накопление аналогичных данных убеждает, что это было независимое изобретение, происхождение своим связанное с керамическим производством. Глина наиболее пластичный, теплосберегающий и распространенный природный материал, опыты с которым естественным образом приводили к разнообразному и успешному использованию его в самых различных сферах и, прежде всего, в строительстве.

Практика возведения культовых строений из сырцовой глины сохраняется и расширяется в раннем железном веке. Насыпи крупных курганов степной зоны Казахстана сложены из глиняных вальков, сформованных во влажном состоянии. Часто для этих целей использовалась пойменная глина разных оттенков и вязкости, что служило прочности наземных конструкций. Курганы с такой структурой насыпи исследованы нами на территории города Астаны, на улице Сыганак и в урочище Куйгенжар.

Валы городища Бозок имеют жесткую конструкцию с внутренним ядром и кирпичной облицовкой. В разрезе валов видна комбинированная кладка из кирпичей, слои которых положены

горизонтально и поставлены наклонно. Оба приема широко распространены в средневековом городском зодчестве.

Одним из архитектурно-планировочных принципов раннего средневековья было строительство по модели, как бы по заранее подготовленному проекту. Этот подход ведет свое начало с «протогородов» эпохи бронзы. Со времени, когда появилась необходимость размещения в определенной планировке и ограниченной территории различных по назначению и формам сооружений. Этот архитектурный прием ярко воплощен в планировке оборонительного пояса городища раннего железного века – Актау (Хабдулина, 1993, с. 120).

Следующий строительный прием характерный для конструкций Бозока – это отсутствие фундамента. Вал поставлен на слегка срезанную древнюю поверхность. Видимо, для выравнивания поверхности участки под валом покрывались тонким слоем глины. Небольшие канавки, заложенные сырцовыми кирпичами, которые можно интерпретировать как фундамент, зафиксированы в местах требующих особого внимания – по границе вала со стенками рва.

К строительной технике древнетюркского времени относится удаление почвенного грунта и верхнего слоя материка на внутренней площадке кварталов. Поверхности их заглублены до плотного материкового уровня и находятся на отметке 0,4-0,5 м ниже погребенной почвы. Таким же перепадом высот различаются внешние и внутренние стенки рвов. Края внутренней площадки полосой в 3 м наклонно срезаны в сторону рва и по контуру горизонтальной поверхности вкопаны столбы с интервалом примерно в 3-5 м. Диаметры столбов 0,2-0,3 м.

Городище Бозок – первый, достаточно хорошо исследованный объект древнетюркской архитектуры, расширяющий и уточняющий наши знания по строительному делу раннего средневековья степной зоны. Мы имеем возможность проследить как многовековой опыт использования глины, который был накоплен степным населением Сарыарки, сочетается в конструкциях городища Бозок с архитектурными приемами, привнесенными новыми племенами.

Список литературы

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: «КазАкпарат», 2009. – 576 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Ч.1. – Челябинск: Южно-Урал. книжное изд-во, 1992. – 408 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.

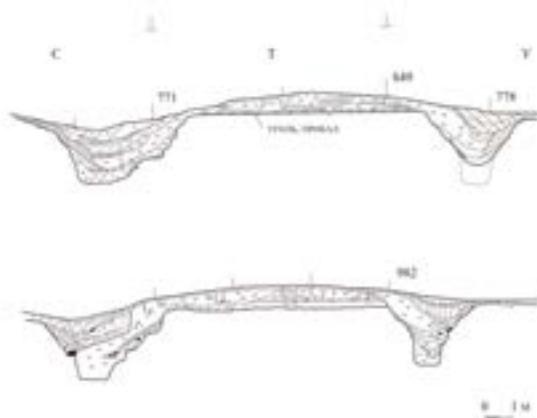
Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 112-143.

Хабдулина М.К. Древнетюркский культовый центр Бозок в системе средневековых культур Казахстана // Роль Гумбольтовских основополагающих познаний о глобальных взаимосвязях между человеком и природой в устойчивом развитии современного общества: Материалы международной конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2010. – С. 136-139.

Список иллюстраций

Рис.1. Городище Бозок. Разрезы рва и вала.

Рис. 2. Городище Бозок. Роговой псалий и железные удила.

Городище Бозок. Разрезы рва и вала.

Городище Бозок. Роговой псалей и железные удила.

Марал Хабдулина

БОЗОК – КАК ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ ЦЕНТР НА РЕКЕ ИШИМ*

Раскопки последних лет на городище Бозок открыли еще одну грань памятника – его культовый характер. Полученные материалы позволяют утверждать, что изначально городище возникает не только как ставка, военная резиденция, но и как культовый центр древнетюркской эпохи. И этот статус в разной форме сохранялся на протяжении всей истории городища.

Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны, среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Руины городища занимают останец восточного берега озера Бузукты. Площадь памятника вместе с сельскохозяйственной округой составляет более 30 га. Раскопки были начаты в 1999 году под руководством К.А. Акишева (Акишев, 2008, с. 20-24). За 11 полевых сезонов вскрыто более 8 тыс. кв. м. Открыты 10 жилищ средневековой эпохи, изучены остатки 5 мавзолеев, двух кирпичеобжигательных печей, исследована архитектура оборонительных сооружений. С городища Бозок получена представительная серия антропологического материала (62 скелета). Особое значение имеет открытая здесь агроирригационная планировка, свидетельствующая о занятии земледелием.

Памятник оказался сложным и многокомпонентным, состоит из жилых, производственных и культовых строений, возникших в разное время. Структурные компоненты объекта неоднократно перестраивались, обновлялись, достраивались, забрасывались. В пространственном размещении объектов выделяются четыре части. Первая и самая древняя часть – это три квадратной формы площадки, обнесенные рвами и валами. Севернее их находится комплекс жилищ-землянок с колодцем. Это второй структурный компонент городища. Южнее центральной части расположен некрополь городища Бозок, состоящий из руин мавзолея,

кирпичеобжигательной печи и мусульманских захоронений. Это третья часть археологического памятника.

С востока и севера к развалам городища прилегает агроирригационная планировка, расширяющая границы обжитой территории. Размеры ее по линии север-юг не выходят за пределы озера Бузукты. Ирригационные сооружения – это четвертая структурная часть городища Бозок.

Руины памятника имеют типично степной облик. Ничего монументального. Невысокие земляные валы (высотой 0,6-1 м) окружают ровные поверхности площадок квадратной формы. Конфигурация площадок четко выделяется за счет внутренних рвов. Во рвах фиксируются перемычки проходов.

Рельеф поверхности памятника сглажен и размыт многолетней распашкой. Распахивали и валы и рвы. Особенно пострадал восточный квартал городища. Он имеет самый невыразительный вал, на внутренней площадке видны полосы борозд. То, что памятник располагается среди болот, спасло его от уничтожения в годы целины.

Для городища Бозок, как и для многих степных поселений Евразии, характерен тонкий культурный слой и малочисленность поселенческих находок. Только тщательная методика исследования и фиксации позволяет делать выводы стратиграфического и хронологического порядка.

История городища Бозок охватывает довольно длительный период от VII до XIV-XV вв. (возможно, XVI-XVII вв.) Накопленный материал позволяет выделить три этапа в развитии городища: 1) VII-VIII вв.; 2) IX-XIII вв.; 3) XIV-XV (XVI-XVII) вв. В данной статье речь пойдет о первом этапе истории городища Бозок.

К этому времени относится самая древняя градообразующая часть памятника – три квадратной формы площадки, условно названные нами «кварталами». Кварталы смещены относительно друг друга и композиционно имеют вид трехлепестковой розетки. Общая площадь, занимаемая ими 12636 кв.м. Каждая площадка обнесена внутренним рвом и внешним валом. В настоящее время валы оплыли и соединились в общую ленту. Каждый квартал имеет вход, который фиксируется как перемычка во рву.

Восточный и южный кварталы имеют по два входа: с северной и южной сторон. Северный квартал самый крупный (63х63 м) имеет всего один вход с юга.

Из трех кварталов более полно исследована территория северного квартала. Восточный квартал прорезан двумя стратиграфическими траншеями шириной 3 м и небольшим раскопом в северной части исследованы конструкция вала и проход. Южный квартал раскопками не затронут.

Изучение планировки памятника, архитектура валов и рвов, наблюдения над стратиграфией напластований рвов и культурного слоя северного квартала позволяют говорить об особом статусе городища, изначально совмещавшего функции ставки-резиденции и культового центра древнетюркской эпохи. В последние годы эти наблюдения получили подтверждение в планировке конструкций нижнего строительного горизонта северного квартала, в открытии ритуального захоронения человека в центре северного квартала, в находке предметов конской узды во рву восточного квартала.

Датировка первого этапа истории городища Бозок раннесредневековым периодом (VII) VIII-IX (X) века основана на данных относительной стратиграфии, дате предметов конской узды и радиоуглеродной дате гуминовых кислот погребенной почвы, образцы которых взяты под валом.

Кратко остановимся на фактах, обосновывающих статус городища как *ставки-резиденции* древнетюркской эпохи. Они состоят из анализа географического размещения памятника и семантики ее планировки.

В выборе места обитания главную роль сыграл *геостратегический фактор*. Городище Бозок расположено в центре Сарыарки, в месте, где сходятся истоки рек северного сибирского бассейна (Ишим, Селеты, Шидерты) и среднеазиатского бассейна (Нура, Сарысу). В верховьях Ишима пересекается пучок торговых караванных и военно-миграционных путей древнего населения Евразии. Двигаясь по самой реке Ишим можно было добраться до таежной зоны Сибири, широтный отрезок Ишима являлся частью магистрали, соединявшей восточные регионы Евразии с западными. Многочисленные притоки, впадающие в Ишим, как

с юга, так и севера создавали множество удобных разветвлений торговых караванных путей. Через верховья Ишима проходит самая короткая ветка, соединявшая города Великого Шелкового пути с городами Западной Сибири. Этот меридиональный торговый путь известен по письменным источникам под названием Ханжол (Маргулан, 1997, с. 17). Здесь у брода возле Бозока можно было контролировать и организовывать все эти потоки.* Т.о., городище Бозок расположено в стратегически выгодном месте как с экономических (древний «таможенный» пункт), так и политических позиций (центр северной части Сарыарки).

Семантика планиграфии. Среди известных сегодня средневековых городищ Евразии нет памятника, имеющего такую форму трехчастной композиции в размещении градообразующих строений. Но именно эта планиграфия имеет особый смысл и является кодом, оставленным нам его строителями (Акишев, Хабдулина, 2004, с. 13-16). Деление на три части, каждая из которых имела свое название было характерно с глубокой древности для кочевых ставок и резиденций правителей тюрко – и монголоязычных кочевников. Центр назывался *орду*, правое крыло – *учук*, левое – *бузук*. Эти термины зафиксированы в орхонской рунике и употреблялись позднее в наименовании административных структур племенных союзов и раннегосударственных образований (Акишев, 2008, с.14-15). Отсюда федеративное деление Казахского ханства на три жуза, отсюда названия: Ак Орда, Кок Орда, Золотая Орда. Можно утверждать, что семантика пространственного размещения кварталов городища Бозок воспроизводит стандартную элитную ставку VIII-IX вв. Косвенным доводом может служить название озера «Бузукты», зафиксированное на крупномасштабных картах Целиноградского района. Возможно, озеро было названо в честь одной из первых резиденций огузов-кипчаков на пути их неудержимого движения на запад. Несмотря на прошедшие сотни лет термин *бузук* сохранился в местном гидрониме и дошел до наших дней.

*Обычно места интенсивного освоения отмечены скоплением археологических памятников. В этом смысле, городище Бозок не было единственным. По аэрофотоснимку в 2 км южнее располагались руины караван-сарая прямоугольной формы, к сожалению, уничтоженные в 60-годы XX в. при строительстве автодороги Целиноград-Кургальджина. По сведениям краеведов на окраине Целинограда из обрыва правого берега реки Ишим торчали керамические трубы, как свидетельство средневекового водопровода, следовательно, какого-то древнего города, ныне застроенного и уничтоженного. Само городище Бозок сохранилось благодаря расположению среди болот, хотя поверхность его и подверглась распашке в 70-е годы XX в.

В древности любое освоенное человеком пространство становилось сакрализованным, застройка его велась по особым рациональным и иррациональным законам. Исключением не является территория городища Бозок. Само расположение его близко к береговой кромке озера можно считать рациональным. Основание крепостной стены проходит буквально в 20- 30 м от воды и в то же время внутренние площадки закрыты монолитом крепостных стен с запада, т.е., со стороны озера. Проходы, судя по их топографии, являлись внутренними коммуникациями, обслуживали сообщение между «кварталами» и были мало приспособлены для хозяйственных нужд. Т.о, доставка воды внутрь кварталов была сопряжена со значительными трудностями.

Факты, обосновывающие статус городища как *культового центра*, слагаются из «болотной» топографии памятника; необычной планировки оборонительных укреплений (внутренний ров, внешний вал); относительной стратиграфии, фиксирующей неоднократное обновление рва и вала; планировки и содержания нижнего строительного горизонта северного квартала; открытию жертвенного захоронения лошади во рву и ритуального захоронения человека в центре северной площадки.

Эти факты подкрепляются находкой конской узды в жертвенном комплексе и радиоуглеродной датой гумуса погребенной почвы, законсервированной под валом.

Городище Бозок имеет необычную для Сарыарки топографию. Создатели его постарались «запрятаться» среди болот в низинной пойменной долине Ишима. Следование озерно-болотному ландшафту не было редкостью в средние века, как и в более древние эпохи (Акишев, Хабдулина, 2008, с. 28). Возможно, этим преследовалась цель защитить себя надежными естественными преградами. Однако в данном случае скрытность и труднодоступность дополнительно подчеркивают культовый статус городища, посещение которого, видимо, было связано с определенными регламентированными действиями обрядового характера.

Архитектура валов, заполнение рва и конструкции нижнего строительного горизонта северной площадки рисуют картину

использования этой территории как сакрального пространства, а не места массового обитания.

Строительство всех трех кварталов велось одновременно. До начала работ была произведена разметка будущих кварталов. Раскопками северного квартала установлено, что внутренняя площадка углублялась до плотного материкового грунта, с ее поверхности убирался гумус и часть материкового слоя. Полоса шириной 3-3,5 м, примыкающая по всему периметру к внутренней стенке рва, наклонно стесывалась на глубину до 50-70 см.* И уже с этого уровня начинали копать ров. Таким образом, получался перепад высот верхнего уровня стенок рва. Его внутренняя стенка была изначально на 0,5-0,7 м ниже внешней стенки.

Древняя поверхность оставлялась только под валом-стеной. На нее выстилался слой чистой глины. Потом начинали копать ров и из верхнего гумусного грунта выкладывали небольшой валик шириной 3 м, высота 0,4 м. Поверхность валика обкладывалась, иногда обмазывалась желтой глиной. Т.о., создавалось ядро будущей стены, которое постепенно наращивалось в объеме. Из глины рва формовали кирпичи и укрепляли ими склоны вала. Внутри массив стены наращивался битой глиной (пахсой). Высота вала-стены может быть рассчитана по объему грунта стекшего в ров. На всех профилях видно, что со стороны вала в ров спускается мощный затек глины (рис. 3). Толщина его достигает одного метра. Если этот грунт вернуть назад на вал, то высота его увеличится на метр. С учетом современных размеров вала можно утверждать, что первоначальная высота вала-стены была не менее 2 м. Ширина основания вала 7-8 м, ширина верха – 4 м. Вал уплощен по верху, в сечении имеет трапециевидную форму.

Вдоль внутреннего периметра вала проходил ров глубиной 2,6-2,8 м, шириной по верху – 4,8 м, у дна – 1,5 м. Дно уплощенное, стенки со стороны вала спускаются ступеньками, с внутренней стороны ров имеет крутой профиль (рис. 3). В середине южной стороны квартала был оставлен проход шириной 2,3 м. Эти конструкции окружали внутреннюю площадку размерами 35х35 м. По краю внутренняя площадка была ограждена деревянным заплотом. Следы его фиксируются в виде ямок от столбов, стоящих на расстоянии 3,5-5,0 м друг от друга. Вкапывались

*Все глубины даются от уровня древней поверхности.

столбы диаметром 20-30 см. В некоторых из них сохранилась древесная труха. Ограждение, видимо, ремонтировалось, т.к. на участках, примыкающих к углам кварталов, расчищено по 3-4 ряда столбовых ямок.

Рвы, валы, проходы были построены изначально и связаны с конструкциями нижнего горизонта северного квартала. На внутренней площадке северного квартала открыты два строительных горизонта. Мощность культурного слоя 0,6-0,7 м. Строительные горизонты разделены стерильным слоем глины толщиной 15-20 см. Конструкции нижнего горизонта представлены круглой канавкой с могильной ямой в центре, линиями столбов, перегораживающих территорию квартала в широтном направлении и дуговидной канавкой, расчищенной в юго-восточном углу (рис.1).

В центре северной площадки расчищена круглая канавка диаметром 7 м. Канавка имеет ширину 1,0-1,3 м, глубину 0,2 м. Очертания канавки обведены столбовыми ямками, в некоторых из них сохранились основания деревянных столбов. В северо-восточной стороне кольцевой канавки фиксируется разрыв. В 2 м от него расчищен мощный столб диаметром 0,5 м, неоднократно подвергавшийся ремонту – вокруг него вкопаны дополнительно еще четыре столбика.

В центре канавки обнаружена могильная яма, ориентированная по линии запад-восток. На дне ее расчищено погребение человека, скорчено на левом боку, головой на запад. Кости плохой сохранности, полуистлевшие. Руки согнуты в локтях и положены перпендикулярно туловищу. Кисти рук отрублены и положены под костями предплечья, пальцами к животу. Никаких вещей нет. Глубина ямы от древней поверхности 0,7 м, от верха квартала 1,2 м.

Круглая канавка, обведенная столбовыми ямками, похожа на основание юртообразной постройки. По ширине канавки и столбовым ямкам можно судить о конструкции стен. Это могла быть довольно мощная стена из глины скрепленная деревянным каркасом. Разрыв в северо-восточной стороне подкрепляет идею входа в юрту с востока. В 2 м напротив входа на глубину 0,5 м был вкопан столб, который, возможно, являлся основанием стоявшей

здесь деревянной стелы (?).

В юго-восточном углу внутренней площадки северного квартала зафиксирована еще одна канавка дуговидной формы. Она расположена на склоне ко рву. Назначение ее непонятно. Возможно, это водоотводная конструкция.

На пространстве между кольцевой канавкой и входом в квартал зафиксированы две поперечные линии сдвоенных столбовых ямок. Расстояние между ними 4 м. Северная из них (в 10 м от входа) пересекает квартал от западного края до восточного. Представлена столбовыми ямками овальной формы (0,3x0,2; 0,4x0,3 м), в заполнении которых обнаружены парные основания двух деревянных столбиков. Вторая линия короткая, расположена в 6 м напротив входа. Судя по прямоугольной форме ямок, это были столбы из бруса размерами 20x10 см. Они тянутся двумя параллельными рядами на расстоянии 1,3 м. В некоторых ямках сохранилась древесная труха. Эта линия ремонтировалась, есть ямки накладывающиеся друг на друга. В целом, похоже эта была конструкция в виде турлучной стенки, поставленной перед входом в квартал.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Внутренняя площадка северного квартала площадью более 1200 кв. м наглухо закрыта со всех сторон высокой и мощной стеной вала, глубоким и широким рвом и деревянным заплотом. Вход шириной 2,3 м оставлен в середине южной стороны. В центре площадки стояло юртообразное строение. В 2 м от входа в него был вкопан деревянный «столб» (стела?). Юртообразное строение отгорожено с юга двумя рядами попарно вкопанных деревянных столбов. Если первый от входа в квартал ряд был коротким, и его можно было обойти с запада и востока, то второй ряд пересекал всю площадку от края до края. В центре юртообразного строения обнаружено ритуальное захоронение человека с отрубленными и перемещенными кистями рук.

К этой планировочной структуре внутренней площадки надо добавить нестандартную планировку вала и рва и отмеченные выше детали строительства квартала. Конструкция вала и рва вызывают сомнения в выполнении ими функций защиты. Небольшие по размерам площадки кварталов окружены

глубоким рвом и стоящим за ним валом. Поверхность кварталов дополнительно углублена до плотного материкового грунта, края площадки по всему периметру наклонно стесаны в сторону рва, так что внутренняя стенка рва на 0,5 м ниже внешней, при такой ситуации трудно представить возможности обороны. Площадки кварталов оказывались как бы «утоплены» внутри вала. С точки зрения оборонительной тактики такая планировка малоэффективна. Вероятно, в ней следует искать дополнительный смысл.

Более обоснованной выглядит трактовка их как территорий закрытых для массового обитания. Конструкции нижнего строительного горизонта северного квартала могут свидетельствовать в пользу использования ее как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов. Возможно, стоявшая здесь юрта была обитаема. То, что в центре ее обнаружено ритуальное захоронение человека, дает дополнительный аргумент в пользу культовой окраски назначения северного квартала.

Заполнение рвов и стратиграфия культурного слоя северной площадки свидетельствуют о длительности использования, неоднократном обновлении, и расчистке этой площадки. Это документируется следами ремонта деревянных строений и стратиграфией рвов. По профилям рва видно, что после своего первоначального строительства, ров копался еще два раза. Через какой-то промежуток времени рвы были расчищены на глубину до 2,0-2,2 м. Причем контуры его были немного смещены. Это обновление особенно хорошо видно в профилях рва восточного квартала. Здесь, даже сверху наклонно срезана стенка вала. Длительное время ров стоял полым. Постепенно он заплывает грунтом с двух сторон. Со стороны вала спускается мощный язык глины. Со стороны внутренней площадки – серый суглинок. В третий раз уже заплывший ров закладывается по центру кирпичами в два слоя. Они видны в профилях на глубине 1,0 м от верха. Желтые глиняные кирпичи уложены горизонтально, закреплены черным гумусно-илистым раствором. Постепенно выше этого уровня формируется гумус, перемежающийся линзами глины. Вдоль южной стороны площадки на втором

этапе в заплывший ров были впущены столбы. Они фиксируются в профилях (Акишев, Хабдулина, с. 36-37, рис. 2).

Хронологические отрезки, разделяющие обновление рвов, установить трудно. У нас есть две даты, первая из которых позволяет определить дату строительства трех кварталов, вторая, возможно, относится к одному из этапов расчистки рва.

Первая дата получена по гумусу погребенной почвы, оставленной только под валом. На городище сделаны стратиграфические разрезы валов, под которыми были отобраны образцы погребенных почв. Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот погребенной почвы, сделанное в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии Сибирского отделения РАН, дало дату 1500 ± 50 л.н. (СОАН - 7680)* (анализы выполнены Орловой Л.А.). Калибровка даты дала временной промежуток между 503 и 644 гг.н.э. (95,4% вероятности). Эта дата отражает время формирования диагностирующих признаков гумуса, дальнейшее генетическое развитие которых было прервано консервацией этих почвенных горизонтов. Т.к., погребенная почва является «открыто-закрытой системой», то радиоуглеродные даты, полученные по гуминовым кислотам почвы, принято интерпретировать как минимальный возраст погребенных почв. Поэтому время начала строительства валов городища Бозок следует отнести ко времени на 50-100 лет позже относительно радиоуглеродной даты, т.е., к VII-VIII вв.

В 2009 г. во рву восточного квартала на глубине 1,8 м расчищено ритуальное захоронение лошади. Захоронение сделано у входа в квартал. Над черепом лошади обнаружены две пары железных удила и один роговой псалий. Удила аккуратно положены друг на друга, псалий лежал сверху. Мы можем оценивать этот комплекс как жертвенный, специально закопанный у входа при строительстве рва и вала. Подобные случаи – частое явление в практике населения степной зоны с глубокой древности. Их можно трактовать как строительные жертвы. В данном случае важно, что вместе со скелетом лошади обнаружены предметы узды (рис.7) и важно, что жертвенный комплекс расчищен на глубине 1,8 м. Т.е., он был сделан позже начального строительства трех площадок. Предметы конской узды позволяют датировать этот этап в пределах VII-IX вв.

*Анализы выполнены Орловой Л.А., за что исследователи Бозока приносят ей благодарность

Псалий стержневидный, роговой, двудырчатый длиной 12,2 см. Псалий слегка изогнутой формы изготовлен из роговой спицы косули (Бородовский, 1997, с. 82). Кончик рога отсечен. В основании рога сохранена розетка. Выступающий край розетки спилен с одной стороны и поверхность псалия уплощена в этом месте (рис.2, 1).

Роговые стержневидные псалии известны с эпохи раннего железа и применялись до IX-X вв. Аналогичный псалий найден в Туве, в могильнике Кокэль, курган 23, датированном VI-VII вв. (Вайнштейн, 1966, с. 340, табл. VI, 3.), на Алтае в могильнике Кудыргэ.

Верхние удила железные двусоставные однокольчатые, длиной 13 см (рис.2,2). Грызла удила круглые в сечении имеют длину около 6-7 см. Звенья удила заканчиваются кольцами миндалевидной формы 4,2x3,5 см. На одном из звеньев удила сверху прикипело (?) железное кольцо диаметром 3 см. Соотношение его с удилами – непонятно. Нижние удила двусоставные однокольчатые, длина каждого звена 11,5 см (рис.2,3). Грызла удила круглые в сечении. Конструкция удила непонятна. На каждом звене фиксируется железное кольцо диаметром 2,6 см. Кольца прикипели сверху (или специально приклепаны?) на стержень грызла. Они находятся примерно на одинаковом расстоянии (5,5; 6,0 см) от центральных колец удила. Назначение их непонятно. Они словно выполняют роль упоров.

Удила однокольчатые с роговыми двудырчатыми псалиями относятся к удилам катандинского типа (Гаврилова, 1965.). В сводке древнетюркских комплексов они выделены Г.В. Кубаревым в тип 3 (Кубарев, 2005, с. 120-121).

Таким образом, полученные данные позволяют отнести время появления и функционирования городища Бозок к древнетюркской эпохе. Если исходить из радиоуглеродной даты гумуса погребенной почвы, то можно высказать предположение, что строительство кварталов началось в VII-VIII вв. Один из этапов последующего обновления рва датируется находкой конской узды в жертвенном захоронении лошади – VIII-IX вв.

По архитектурно-планировочной композиции, по совокупности компонентов, конструкций и их деталей, городище Бозок

обнаруживает сходство с рядом раннесредневековых памятников евразийских степей. Следует, прежде всего, рассмотреть нестандартную планировку оборонительных укреплений. Истоки ее уводят к гуннским городам Центральной Азии. В настоящее время здесь открыто свыше десятка городищ, имеющих, как и Бозок, квадратную форму и систему укреплений из внутреннего рва и внешнего вала. Повторяется и ограждение жилой площадки деревянным заплотом. Это Иволгинские городища, городище Баян Ундер (Кызласов, 2006, с. 144, 154-155). Кроме городов гуннов такая планировка оборонительных укреплений распространена в конструкции городищ одинцовской культуры Верхнего Приобья VII-VIII вв. В более позднее время она изредка встречается в архитектуре укреплений болгарских и древнерусских городов (Казаков, 2002, с. 32).

Архитектурно-планировочная композиция городища Бозок наиболее яркое сходство находит в культово-мемориальных комплексах древних тюрков VI-VIII вв. Памятники этого типа открыты в Центральной Азии – княжеские поминальные храмы и в Восточной Европе – памятники так называемого «перещепинско-вознесенского типа» (Амброз, 1981, с. 14). Исходная генетическая идея принадлежит княжеским поминальным храмам древних тюрков. Среди них выделяются простые сооружения в виде прямоугольных насыпей, обнесенных рвом и валом, на внутренней поверхности которых иногда встречаются каменные оградки (Войтов, 1976, с. 74-75.) и каганские храмы, архитектура которых известна по памятникам Кюльтегину, Бильге-кагану (рис.3). Сопутствующими деталями каганских храмов являются аллеи скульптур, балбалов, каменные черепахи. Ареал распространения каганских поминальных храмов на западе доходит до Верхнего Прииртышья. Здесь отмечены находки руин таких комплексов и найдена каменная скульптура человека в сидячей позе (Войтов, 1974, с. 227).

К этому типу памятников относится поминальный храм Сарыг-Булун, раскопанный Л.Р. Кызласовым в 1959 г. в Туве (Кызласов, 1969, с. 33). Сарыг-Булун сходен с Бозоком не только по внешним архитектурным деталям, но и присутствию на его территории «храма-юрты», деревянного столба (стелы?). Поминальный

комплекс Сарыг-Булун представлял собой четырехугольную площадку, окруженную валом и внутренним рвом. Размеры вала 36х29 м. С запада внутренняя насыпь имела выступ, на поверхности которого были раскопаны остатки деревянного «храма» в виде восьмиугольной юрты. Автор раскопок, Л.Р. Кызласов считал, что юрта-святилище предназначалась для поминальных обрядов. В центре площадки возле столбовой ямки найдены разрозненные предметы и кувшин среднеазиатского облика. Во рву обнаружены две каменные статуи людей в сидячей позе (рис.4). Памятник датирован VI-VIII вв.

На западе евразийских степей вычленяется группа памятников «перещепинско-вознесенского типа», планировочная композиция и структура которых находит аналогии в поминальных храмах каганов второго Восточнотюркского каганата (Амброз, 1982). Памятники датируются по вещам концом VII-VIII вв. Функциональное назначение их до конца не выяснено. Поэтому их называют то городищами, то погребально-поминальными комплексами. Наиболее ярким объектом является Вознесенка на Нижнем Днепре. Вознесенка была раскопана в 1930 г. Памятник имеет вид прямоугольной площадки размерами 62х31 м, окруженной каменно-земляным валом (рис.5, 2). В восточной части обнаружено выложенное камнем кольцо диаметром 8-9 м. Рядом с ним две ямы, забитые десятками единиц предметов вооружения, конской узды, пережженными костями лошади. Комплекс вещей датирует памятник первой половиной VIII века. Для нас интерес представляет круглое кольцо, обнаруженное на внутреннем пространстве площадки, которое, как пишет С.А. Плетнева, могло быть: «...основанием легкого сооружения типа шатра или юрты» (Плетнева, 2003, с. 39).

Неоднократно отмечалось, что архитектура поминальных храмов Нижнего Днепра, особенно Вознесенки, имеет аналогии в Сарыг-Булуне, теперь к ним можно добавить и Бозок. Общим является обнесение площадок валом-стеной, расположение на площадке постройки типа «юрты», установка деревянной стелы (в Сарыг-Булуне и Бозоке).

Сама идея поминального храма закрепились и получила трансформированное претворение в памятниках погребально-

поминального типа. К их числу относится курган 1 могильника Калтышино, раскопанный в Кузнецкой котловине (Савинов, 1997, с. 77-99.). Архитектурные детали, планировка и комплекс культовых сооружений демонстрируют генетическое родство с мемориалами древних тюрков. Курган 1 Калтышино по вещам датирован X-XI вв. Общим с Бозоком является деревянная погребальная постройка, возведенная на древней поверхности, яма от деревянного столба для установки стелы (изваяния?) (рис. 5,1).

Таким образом, такие детали архитектуры городища Бозок, как планиграфия оборонительных укреплений, «юрта», вертикально вкопанный столб находят аналогии в конструкции культово-мемориальных комплексов древнетюркской эпохи.

Еще одна категория объектов, с которыми городище Бозок имеет сходство – это болгарские и славянские святилища конца первого и начала второго тысячелетий н.э. По архитектурному замыслу наиболее близкой аналогией является болгарское святилище Тигашевского городища. Общим являются топография (заболоченность округи), размеры, неоднократность перестроек, планировка укреплений, расположение и ширина прохода, система деревянных оград и идол в центре площадки. В центре Тигашевского святилища в яме глубиной более 1 м сохранилось основание деревянного идола (изваяния) (Руденко, 2004 с. 61-62). Внутреннее пространство святилища обнесено концентрическими рядами деревянных оград. По мнению А.П. Смирнова, это был крупный племенной культовый центр. «Двойное, а может быть, и тройное деление святилища позволяет думать, что центр его, святая святых, мог быть доступен только жрецам. Народ, вероятно, располагался в пространстве между оградами и на свободной площади вокруг первой ограды» (Смирнов, 1961, с. 141).

На внутренней площадке болгарского святилища раскопаны жертвенные ямы с черепами животных, обломками керамики и полуземляночное «жилище» каркасной конструкции. В центре круглой постройки северного квартала городища Бозок обнаружено ритуальное захоронение человека. Человеческие жертвоприношения не являлись редкостью в практике

поминального культа разных эпох. В письменных источниках описываются жертвоприношения гуннов, тюрков. Культовые погребения в домах общинного пользования известны на славянских городищах IX-X вв (Тимощук, 1990, 35). Это были города, выполнявшие функции племенных святилищ. У западных славян такие общинные дома назывались *контин*. В них проводились общие сборы и различные ритуальные действия. Славянские святилища окружались рвами и валами, в центре их стояли деревянные идолы. Человеческие жертвоприношения характерны и для половецких святилищ X-XII вв., представляющих собой «святилище-яму» с деревянным изваянием.

Погребение человека с частичными останками коня обнаружено в центре городища Иски Казань. Погребение сделано в скорченном положении на правом боку, головой на ССВ. Из вещей найдено только пряслице черного цвета (Фахрутдинов, 1984, с. 97). Р.Г. Фахрутдинов не исключает культовый характер захоронения.

В настоящее время накоплен материал, свидетельствующий о разнообразии видов святилищ и культовых мест древнего и средневекового населения Евразии. Некоторые из них регионально и хронологически систематизированы (Руденко, 2008, с. 178-184, 402-408; Шутова, 2003, с.63-65). Существование у гуннов и тюрков специально отведенных мест для жертвоприношений и обрядов зафиксировано и письменными источниками. У гуннов Центральной Азии одна из столиц – г. Лунчэн – являлся храмовым, религиозным центром, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений (Кызласов, 2006, с. 145). У кавказских гуннов, по сведениям христианских хроник, были языческие храмы, капища, священные рощи – места поклонений и жертвоприношений небу, земле и воде (Кляшторный, 2002, с. 266-268).

В археологическом выражении к таким священным культовым местам относятся кольцевые городища гуннов II-I вв. до н.э., исследованные в Южной Сибири (Кызласов, 2008, с.108-135). Они обнесены мощными глинобитными стенами, глубокими рвами, культурный слой на внутренних площадках не обнаружен. В урало-казахстанских степях С.Г. Боталовым выделены

погребально-поминальные объекты гунно-сарматов, облик которых и находки подтверждают культовый статус памятников (Боталов, с. 178-184.).

Архитектурно-планировочная композиция, совокупность строений нижнего горизонта северного квартала, семантика планиграфии позволяют трактовать происхождение Бозока в общей канве исторических событий эпохи тюркских каганатов.

Городище Бозок своим местоположением связывает в единую цепь культово-мемориальные комплексы восточного и западного окраин евразийской степи, отмечает маршруты продвижений тюркоязычных кочевников на пути освоения ими новых пространств. Городище Бозок отражает первоначальный этап освоения тюркоязычными кочевниками евразийского пространства. Их первые ставки-резиденции на новых землях совмещали функции жилого и сакрального центров. Многовековое последующее использование территории Бозока свидетельствует о сохранении в памяти поколений особого статуса этого места как сакрального пространства древних тюрков.

Список литературы

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003 гг.)// Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 28.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Средневековое городище Бозок: семантика планиграфии и функции// Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II региональной научно-практической конференции. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004. – С. 13-16.

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С.14-15.

Акишев К.А.. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок (1999-2001 гг.)// Бозок в панораме средневековых

культур Евразии: материалы международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С.20-24.

Амброз А.А. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв.// Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981 – С. 14.

Амброз А.А. О Вознесенском комплексе на Днепре: вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. – М.: Наука, 1982.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) . – Новосибирск: Изд-во Института археол. и этнографии СО РАН. 1997. – С. 82

Боталов С.Г. Указ.соч. – С. 178-184.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины 1 тысячелетия в Западной Туве// Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. т.П. – М.-Л.: Наука, 1966. – с. 340, табл. VI, 3.

Войтов В.Е. Древнетюркские памятники на Хануе // СА. 1976, №4. – С. 74-75.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965.

Казаков А.А. К вопросу о функциональном назначении линии вал-ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы конференции. – Барнаул: Алтайский Гос.ун-т, 1997. – С. 183-187; Губайдулин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – С. 32.

Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Изд-во «Рухият», 2002. – С. 266-268.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. – Новосибирск, 2005. – с. 120-121.

Кызласов И.Л. Укрепления кольцевых городищ Хакассии // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С.108-135

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 144, 154-155.

Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Мир казаха – Алматы: Институт развития Каз-на, 1997. – С. 17.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII вв. Учебное пособие. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – С. 39.

Руденко К.А. Булгарские святилища XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит, 2004. – С.61-62.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино 1 (Новые материалы по археологии начала Птыс.н.э.)//Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат. 1997. – С. 77-99.

Смирнов А.П. Железный век чувашского Поволжья. МИА. № 95. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 140-145;

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв. – М.: Наука, 1990. – С. 35

Фахрутдинов Р.Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов)// СА. 1984. № 4 – С. 97.

Список иллюстраций

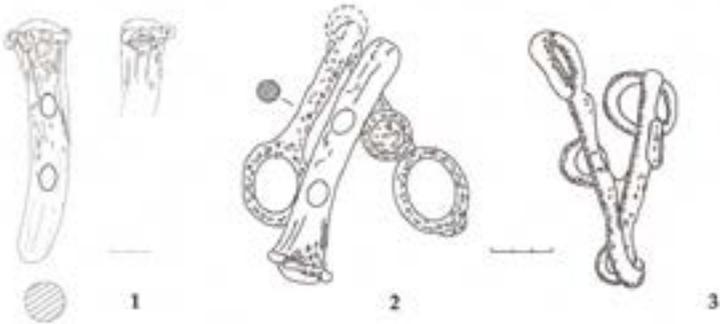
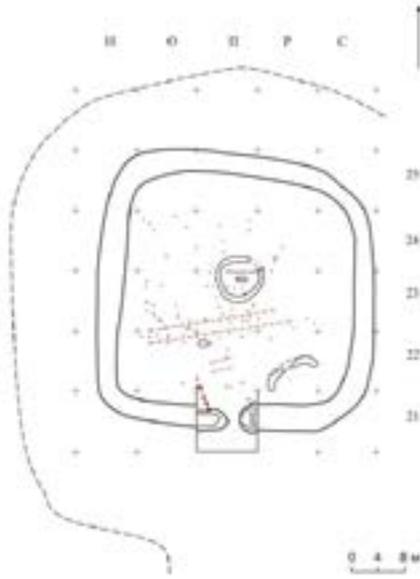
Рис. 1. Городище Бозок. План строений нижнего горизонта.

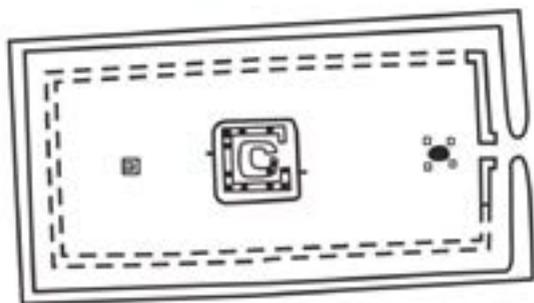
Рис. 2. Городище Бозок. Предметы конской узда: 1) роговой псалий; 2) верхние удила; 3) нижние удила.

Рис. 3. Аналогии городищу Бозок. 1) Поминальный храм Культегина; 2) Кара-Гольский мемориал (по М. Жолдасбекову, К. Сарткожаулы, 2006)

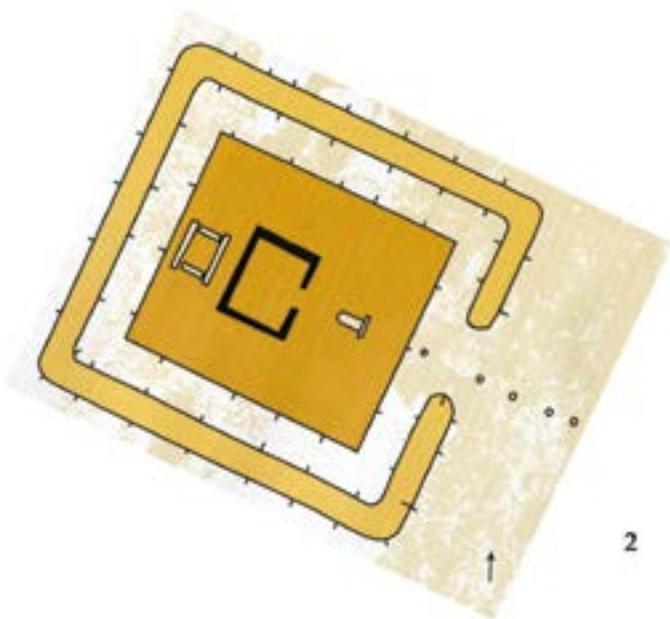
Рис. 4. Аналогии городищу Бозок. Тува. Сарыг-Булун. План и находки.

Рис. 5. Аналогии городищу Бозок. 1) Могильник Калтышино, К.1; 2) Вознесенка

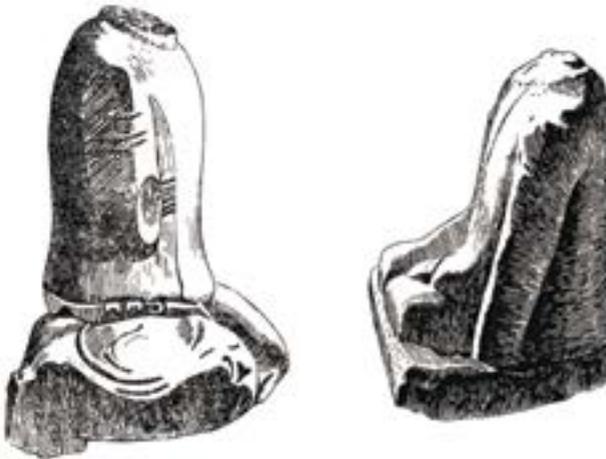
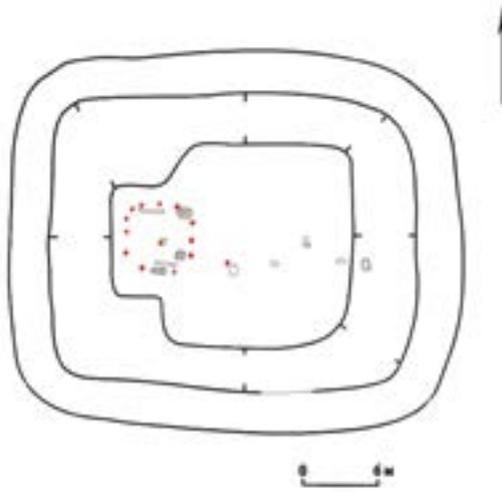

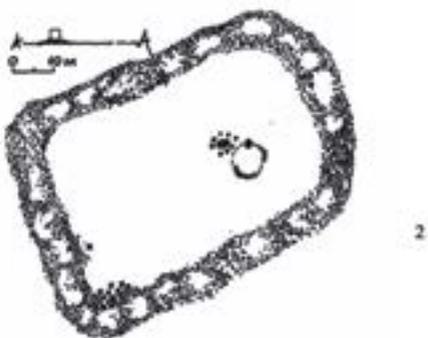
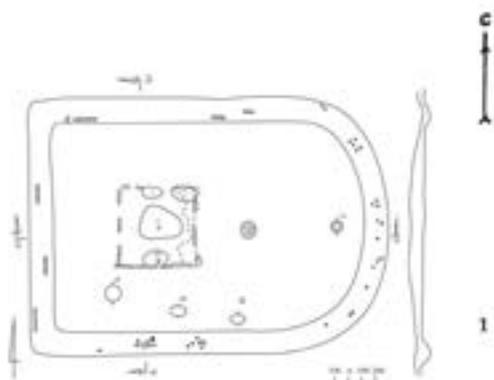

1

2

Марал Хабдулина

**ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ БОЗОК
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)***

В верхнем Приишимье, на южной окраине города Астаны расположено средневековое городище Бозок. Памятник находится среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Площадь памятника 30 га. Раскопки памятника были начаты в 1999 году. За 12 полевых сезонов вскрыто 8 тыс. кв. м. Культурные слои датируют памятник VIII-XV (XVI) вв. В золотоордынский период XIII-XV вв. на заброшенных руинах предшествующего времени формируется мусульманский некрополь, строятся мавзолеи, кирпичеобжигательные печи. И здесь же открыты грунтовые погребения (7). Погребальный обряд и сопровождающие вещи датируют их XIV в.

Грунтовые погребения на поверхности никак не обозначены, открыты случайно, при исследовании строений городища. В расположении их нет никакой системы. В северной части городища (территория раскопа IV) при исследовании жилищ-землянок в разные годы было открыто 3 погребения** (рис.1).

Пять погребений обнаружено с напольной стороны за пределами южного квартала, на ровной степной поверхности (территория раскопов V-VI). В этой части памятника на территории общей площадью 405 кв. м зафиксировано 4 могильные ямы, одна из них – кенотаф. Расстояние между могилами от 9 до 15 м (рис.1).

Могилы подпрямоугольной формы, ориентированы в основном по линии З-В. В одном случае зафиксирована ориентировка С-Ю. Среди 7 могил – два подбоя, сделанные в южной стенке, в двух ямах зафиксированы заплечики вдоль длинных стен для поперечного перекрытия, остальные четыре могилы простые грунтовые. Могилы просторные, размеры по дну в среднем 2,0 x 0,7 м, глубина от 0,7 до 1,7 м. Общим признаком является использование бересты во внутримогильной

* Опубликовано: VI International Academic Conference "Ancient cultural of the Northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia". – Huhhot: Institute of Cultural Relics and Archaeology, Inner Mongolia, China. III. 2015. – Pp. 496-506.

** Нумерация могил дана по мере нахождения.

конструкции в виде подстилки, покрытия погребения, возможно, берестяного гробовища. В трех могилах обнаружены остатки деревянных гробовищ. В двух они имели вид рамы, одно гробовище с дощатым дном, стенки скреплены при помощи железных скоб, гвоздей. Во всех могилах при наличии гроба есть и береста, которой, закрывали сверху захоронение.

Поза погребенных – вытянуто на спине, головой на запад (в трех могилах), на СЗ (2), головой на север в одном случае. Общим признаком погребального обряда является ритуальная пища в виде трубчатой кости овцы с одним астрагалом. Как правило, кость поставлена вертикально – в головах или в районе бедра (справа). Еще два позвонка овцы находятся под или рядом с тазовыми костями человека. Такие находки встречены в пяти из семи могил. Трубчатая кость овцы не обнаружена в ограбленном погребении.

Наиболее богатым вещевым набором выделяются два погребения в глубоких ямах с заплечиками и деревянных гробовищах. Одно из них, судя по сопровождающим предметам, мужское, второе – женское. От гробовищ сохранились доски толщиной 10 см, крышка не фиксируется. Размеры гробовища одинаковы 1,8х 0,6 м.

В северной части городища Бозок (раскоп IV) обнаружено три погребения № 4,5,6 (Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 58-65).

Раскоп IV, погребение 4. Впущено в разрушившуюся и оплывшую стену жилища № 3. Яма прямоугольной формы размерами 2, 1 х 0, 64 м, глубиной 0, 7 м от уровня дневной поверхности. Скелет человека находился в вытянутом положении на спине, головой на ЗСЗ. Кисти рук положены на тазовых костях. Ноги слегка согнуты в коленях. Сопроводительный инвентарь состоит из 7 наконечников стрел, остатков берестяного колчана длиной 60 см, шириной 14 см, железного ножа, кресала с прилипшим кремнем, фрагмента стремени арочной формы. Вдоль правой бедренной кости обнаружена трубчатая кость и 3 позвонка овцы (Акишев, Хасенова, Мотов, 2008: рис.5). Типы наконечников стрел, тип кресала и их аналогии в курганах, датированных монетами, определяют время этого захоронения – XIV век (Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с. 53).

Раскоп IV, погребение 5. Мужское погребение обнаружено в квадрате 40/Г (рис.1). Сверху могила оказалась перекрыта развалом стены жилища № 4. На уровне материка выделялась светло-серым заполнением. Контуры ямы были обведены узкой полосой черных углистых кирпичей. Яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Заплечики вдоль длинных стен появились на глубине 1,0 м. На этом же уровне лежал железный наконечник стрелы и, видимо, на перекрытии к южному торцу могилы был прислонен железный предмет, от которого остался только отпечаток на поверхности стены (рис. 2 - 4). Заполнение ямы было глинистым и в нем встречались мелкие крошки и фрагменты красного жженого кирпича.

Дно могилы находится в 65 см от отметки перекрытия. Дерево перекрытия обвалилось, и рухнувший грунт сместил часть вещей. Погребение находилось в гробовище из тонких досок, без крышки. В ногах сделана ниша, в которой за пределами гроба лежали кольчуга (свернутая), остатки седла, одно стремя и подпружная пряжка. Справа вдоль длинной стенки выше досок гроба была оставлена ступенька. На ней стоял железный ковш с боковой горизонтальной ручкой, положен колчан из кожи и бересты со стрелами (4 шт.) и фиксировался круг от венчика кожаной или деревянной емкости (?). Напротив левого колена под стенкой могилы стояла трубчатая кость овцы с астрагалом. Два позвонка овцы были найдены слева, в районе тазовых костей человека (рис. 2 - 1).

Погребенный лежал головой на СЗ, с прижатыми к туловищу руками. Лицевая часть черепа до макушки была покрыта тонким слоем органики черного цвета (кожаная маска?). На теменной части черепа над черным налетом органики фиксировались остатки горизонтальных волокон дерева толщиной 5 см, длиной 10 см. Возможно, основание головного убора. На поверхности ребер и нижней челюсти зафиксированы волокна тонкого дерева с взаимно-поперечным плетением (может щит?).

Перед нами позднесредневековое погребение с полным воинским набором. Дата определяется комплектом наконечников стрел и предметами конского снаряжения (рис. 2- 2, 3, 6). Наконечники стрел (5 экз.) представлены четырьмя типами:

четыре из них плоские, черешковые с уступом, один трехгранный черешковый. Среди плоских два относятся к типу ассиметрично-ромбических, длина пера 5,7 – 6,0 см. Один крупный, ромбовидный, длина пера 8,5 см, ширина 4,8 см, один плоский вытянуто-треугольной формы пера длиной 3,6 см. Трехгранный наконечник относится к редкому типу боеголовковых, имеет выделенную головку треугольной формы, удлиненную шейку. Размеры пера 2,5x1,7 см (рис. 2 - 2). Комплект наконечников стрел характерен для колчанов XIII-XIV вв. (Худяков, 1991, с. 105-114).

Дата захоронения подтверждается конструкцией стремени арочной формы с широкой массивной подножкой и отверстием, пробитым в уплощенной дужке (рис. 2 - 6). Подобный тип распространяется с начала II тысячелетия (Савинов, 1984, с. 134; Неверов 1998, с. 150). По мнению, Д.Г. Савинова исходной формой послужили стремени сrostкинской культуры (Савинов, 1977, с. 38). В древностях Алтая и, в целом, евразийских степей они датируются XIII-XIV вв. (Могильников, 1981, с. 197).

Седло не сохранилось, фиксируется дерево и обрывки черной кожи. Части его слиплись с грудой колец кольчуги. Расчищена подпружная пряжка, которая обернута кожей. Пряжка овальной формы (4,5x4,0 см) изготовлена из овального в сечении прута (рис. 2 - 3). Кольчуга сделана из железных колец диаметром 1,2 см, толщиной 0,3 см. Плетение стандартное: одно склепанное кольцо соединяет четыре сваренных.

Кольчуги найдены в хазарских древностях Восточной Европы, в релкинской культуре Южной Сибири (Измайлов, 1997, с. 111; Соловьев, 1987, с. 59). Свернутые кольчуги в ногах или головах часто встречаются в половецких могилах Подонья и Приднепровья (Ефимов, 1999, с. 93; Пятышева, 1964, с. 14). Одна такая находка происходит из богатого захоронения Чингульского кургана (Отрощенко, Рассамакин, 1986, с. 34). В Центральном Казахстане находка кольчуги встречена в разрушенном кургане у с. Вишневка Целиноградского района (Кадырбаев, 1975, с. 131).

Высокий социальный статус погребенного на городище Бозок подчеркнут присутствием в сопроводительном инвентаре железного ковша. Из-за влажности грунта сохранить

ковш не удалось, осталась только полевая зарисовка. Ковш диаметром 16-17 см имел толстые стенки, внутренняя емкость подпрямоугольной формы. Длинная тонкая ручка имела фигурное расширение в месте крепления. Конец ручки раскован и загнут вниз. На стержне ручки фиксируются волокна дерева, вероятно, от деревянной рукояти. Общая длина предмета 32 см, высота ковша 4 см.

Еще один предмет зафиксирован в виде отпечатка на плоскости южной стенки могилы, Судя по уровню, предмет оставлен на перекрытии. Назначение вещи неизвестно. Возможно, это клевец. Общая высота отпечатка 27 см. Он имеет стержень длиной 17 см, шириной 3 см. Сверху – дуговидное «навершие» длиной 13 см. Внизу стержень словно вставлен в кольцо, расположенное горизонтально. Диаметр кольца 6 см (рис. 2 - 4). Отпечаток, конечно, не передает истинную конструкцию вещи. Надо указать, что по общему абрису предмет похож на инструмент (крюк) для шнуровки и развязывания ремней сбруи. Встречается в комплексах XIII-XIV вв. аскизской культуры (Гаврилова, 1965, с. 75, рис. 13 - 5; Кызласов, 1983, с. 61-62). Этот инструмент, по описанию И.Л. Кызласова, представляет собой железный стержень с петелькой на конце и крюковидной рукоятью (часто имеющей вид конской головки с изогнутой шеей) (Кызласов, 1978, с. 130).

Стилизованное изображение этого предмета, по мнению Д.Г. Савинова, зафиксировано на поясе двух половецких каменных изваяний в Восточной Европе (Савинов, 1984а, с. 115). Включение этого предмета в аксессуар воинского облачения свидетельствует о его довольно широком распространении и использовании в быту.

Интерес представляет покрытие лицевой части черепа органикой. Эта деталь похожа на кожаную маску. В кыпчакских, болгарских, древнерусских погребениях Восточной Европы встречаются металлические маски (Пятышева, 1964; Отрощенко, Рассемакин, 1986; Измайлов, 1997, с. 122-123). Сведения о кожаных масках в защитном вооружении средневековых кочевников известны в венгерских древностях.

Раскоп IV, погребение 6 обнаружено в квадрате 39/Д (рис.1). Могильная яма на уровне материка выделялась светло-серым заполнением, имела подпрямоугольную форму размерами 2,2x0,8 м. Ориентирована СЗ-ЮВ. У северо-западного торца ямы зафиксирована столбовая ямка диаметром 20 см. Возможно, какие-то внешние признаки у этих могил были. Могильная яма засыпана материковым грунтом, очертания фиксировались по узкой полоске гумуса, отбивающей контуры стенок ямы. На глубине 0,8 м зафиксированы продольные плахи перекрытия. Дно могилы находилось на глубине 1 м, размеры по дну 2,0x0,7 м. Скелет расположен не по центру ямы, а смещен под продольную восточную стенку. Западная половина ямы осталась свободной. Ориентировано погребение головой на СЗ. Кисти рук лежат на тазовых костях. Череп запрокинут на темя. Кости скелета и западная половина ямы покрыты берестой. Вдоль тела с восточной стороны фиксируются фрагменты деревянных плашек. В лаборатории при осмотре костей скелета антропологом А.В. Колбиной в одном из позвонков был обнаружен железный наконечник стрелы XIV в. (Колбина, 2014, с. 385).

Остальные четыре могилы открыты в южной напольной части памятника (раскопы V-VI) (рис.1). Среди них выделяется погребение (№1) с богатым набором инвентаря, расположенное в квадрате 13/С, прямо напротив входа в южный квартал. Описание погребения, реконструкция костюма опубликованы (Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 58-62; Хасенова, 2011, с. 447-454). Дату погребения (XIV в.) определяют предметы украшений, головной убор и серебряная чаша.

В южной части городища Бозок в разные годы вскрыты еще три грунтовых погребения. В 4 м южнее описанного выше погребения, обнаружено захоронение подростка в подбое.

Раскоп V, погребение 7 (кв. 13/С) на уровне материка фиксировалось в виде светлого пятна прямоугольной формы, размерами 1,3x0,5 м. Яма ориентирована по линии запад-восток. На глубине 0,9 м под южную стенку стал уходить подбой (рис.3). На дне подбоя – 1,5 м расчищено захоронение подростка, вытянуто на спине, головой на запад, лицевая часть черепа повернута на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. В головах лежали три

позвонка барана. У левого колена 7 альчииков. Справа у груди лежал железный нож (рис. 3 - 2) в деревянных ножнах голубого цвета. Справа на предплечье обнаружены две стеклянные глазчатые бусы.

Бусы стеклянные, темно-синего цвета имеют шаровидную форму и три белых глазка с черными зрачками. Диаметр бусин 1,6 см (рис. 3 - 3). Глазчатые бусы известны с раннего железного века, распространены в эпоху раннего средневековья. Найдены в кимакских погребениях, в большом количестве – в джетыясарской культуре (Арсланова, 1998, с. 97-110; Левина, Довгалюк, 1995, с. 206-210). По мнению исследователей, бусы раннего средневековья – привозные, относятся к различным школам стеклоделия (Византия, Египет). Видимо, эти центры поставляли в евразийскую степь бусы и в XIII-XIV вв.

Следующее погребение в подбое было обнаружено в 15 м восточнее в квадрате 13/У (рис.1).

Раскоп VI, погребение 2 фиксировалось на дневной поверхности в виде небольшого возвышения. При вскрытии выяснилось, что могила расположена вне контуров возвышения. Могила была потревожена и сверху в пределах грабительского перекопа расчищена передняя половина туши коня. В результате раскопок установлено следующее.

Погребение человека было сделано в подбое. Входная яма размерами 2,28x0,6x1,2 м ориентирована по линии З-В. Подбой выкопан вдоль южной стенки, уровень его на 5 см ниже дна входной ямы. Пол входной ямы зазолен, либо в результате присыпки дна золой, либо это след какого-то покрытия. В подбое размерами 2,0x1,0x1,2 м был погребен мужчина головой на запад. В нетронутом виде на дне ямы сохранилась кисть левой руки человека. Позднее в могилу сделан вкоп размерами 1,1x0,9 м, глубиной 0,9 м. Он затронул западную половину могилы. Кости человека были собраны кучей под западную стенку грабительской ямы. Череп найден в разломанном виде. Грабительская яма засыпана и над ней на глубине 0,4 м положен расчлененный скелет лошади. Передняя половина туши коня была уложена на правом боку по линии СЗ-ЮВ, голова при этом

повернута назад и уложена на левый бок параллельно спинному хребту. В заполнении грабительской ямы на глубине 0,6 м найдены два фрагмента глазурованной керамики.

Раскоп VI, погребение 3 расположено в квадрате 14/Ф, в 9 м восточнее погребения 1 (рис.1) (Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 56-57).

Погребение датируется набором наконечников стрел, состоящим из одного крупного и пяти мелких плоских черешковых наконечников (рис. 4 - 3, 5). Крупный наконечник относится к типу ассиметрично-ромбических с тупоугольным острием и пологими плечиками с упором. Длина наконечника 5,6 см, ширина пера 2, 3 см. Остальные наконечники – миниатюрные, высота головки от 2,0 до 2,6 см, ширина 1,2 – 1,8 см. Среди них есть один наконечник типа срезня, один – томар с ровным острием, три наконечника ассиметрично-ромбические с остроугольным острием, пологими плечиками с упором. Ранние плоские черешковые наконечники стрел появляются в конце 1 тысячелетия до н.э. и характеризуются небольшими размерами. Присутствие в нашем наборе одного крупного наконечника позволяет датировать комплект монгольским временем.

Железный нож типа стилета имеет длину более 20 см (рис. 4 - 6). Ножи являются распространенным предметом сопроводительного инвентаря поздних кочевников Казахстана. Они найдены в курганных захоронениях в одном комплекте с наконечниками стрел. Это уже упоминавшиеся погребения могильников Тасмола IV, Жартас, Королевка, Ждановский, Домбаул (Могильников, 1981, с. 245, рис. 72; Усманова, 1986, с. 102). Размеры и узкое лезвие позволяют отнести нож из погребения 2 городища Бозок к типу боевого ножа и датировать XIII-XIV вв. (Соловьев, 1987, с. 85).

Среди сопровождающих вещей найдены панцирные пластинки прямоугольной и подквадратной форм с одной закругленной стороной (рис. 4 - 4). Пластинки в количестве шести штук слиплись между собой. На поверхности их крепежные отверстия не видны. Пластины мелкие по размеру 2,6x1,6 см. Судя по взаиморасположению внахлест, они относятся к типу чешуйчатого панциря (Соловьев, 1987, с. 52). Мелкие пластинки,

аналогичные нашему, нашивались на рукава и оплечья, крупные закрывали туловище (Горелик, 1993, с. 109).

Сопроводительный инвентарь грунтовых погребений городища Бозок не оставляет сомнений в датировке их золотоордынским временем XIII-XIV вв. Топография и детали погребального обряда свидетельствуют, что все погребения были сделаны в короткий отрезок времени какой-то группой населения, проживающей в окрестностях Бозока. Маловероятно, что в течение сотен (или даже сотни) лет руины городища оставались местом скрытых захоронений. Предметы вооружения и конского снаряжения относятся к типам широко распространенным в евразийских степях в монгольское время. Однако можно выделить комплекс признаков, позволяющих определить более узкую дату - XIV в.

На основании анализа материалов грунтовых могил городища Бозок хронологическими индикаторами погребений первой половины XIV в. можно считать: 1) деревянные гробовища, сбитые железными гвоздями; 2) ритуальную тризну из берцовой кости барана с асыком; 3) серебряную чашу. В случае сочетания хотя бы двух из этих признаков, погребение можно отнести к первой половине XIV в. Среди грунтовых погребений городища Бозок есть два погребения, узкая датировка которых затруднительна. Они сделаны в подбое, лежат головой на запад. Одно из них (раскоп VI, п. № 2) возможно относится к категории ритуально вскрытых (обезвреженных). Второе – это погребение подростка, сопровождающие его вещи датируются широко. Единственная деталь, сближающая его с погребениями XIV в. – это три позвонка барана, положенные в головах.

К последней сводке золотоордынских погребений, опубликованных в 1981 г. и насчитывающих 18 курганов (Могильников, 1981, с. 194), мы можем, кроме материалов городища Бозок, прибавить еще 5 погребальных комплексов, имеющих вещевой инвентарь. Это Шидерты, Узунбулак, Лисаковский, Домбаул, Тузусай (Мерц, Тишкин, 2000; Исмагил, Худяков, 2001, с. 183-192; Бисембаев, Усманова, Боталов, 1986, с. 409; Григорьев, Чанг, Түртелотт, 2007, с.129-131). В эту сводку мы не включаем материалы Западного Казахстана, т.к. они относятся к столичному региону Улуса Жоши, и отражают особый статус

жителей, имевших более высокий уровень жизни и тяготеющих к городам. Погребения городища Бозок и новые материалы, опубликованные в последние десятилетия, значительно расширяют и дополняют источниковую базу по истории и культуре позднесредневековых кочевников Казахстана.

Список литературы

Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 56-65.

Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX-X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. – Алматы-Москва, 1998. – С. 97 – 110.

Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI – начало XIII вв.) // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: Аркаим, 2006. – С.409-413.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 143с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». 1993. – 349 с.

Григорьев Ф.П., Чанг К., Туртеллот П. Погребение женщины позднекочевнического времени на поселении Тузусай// История и археология Семиречья. Вып.3. – Алматы: Родничок, 2007. – С. 129-141.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь»// Донская археология. – 1999. – № 3-4. – С. 93-108.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань-Магадан, 1997. – 212 с.

Исмагил Р.Б., Худяков Ю.С. Находки монгольского времени из Северного Казахстана// Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Вып.2. – Казань, 2001. – С. 183-192.

Кадырбаев М.К. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 130-140

Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола// По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 42-53.

Колбина А.В. Антропологическая характеристика погребенного из средневекового захоронения некрополя городища Бозок // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения археолога К.А. Акишева. – Астана: «Сарыарка», 2014. – С. 378-387

Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. – 1978. – № 1. – С. 122-141

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. САИ. ЕЗ-18. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск У. Джетыасарская культура. – Часть 5. – М., 1995. – С. 202-228

Максимова А.Г. Погребение воина XIV века// Вестник АН КазССР. –1965. – №6. – С. 85-91

Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры// Труды ИИАЭ. – Алма-Ата, 1959. –Т. 7. – С. 248-261.

Массон М.Е. Серебряные монеты XIV века из погребений могильника в бассейне реки Нуры// Труды ИИАЭ. – Алма-Ата, 1959. – Т. 7. – С. 262-265.

Мерц В.К., Тишкин А.А. Погребение монгольского времени на берегу р. Шидерты в Казахстане// Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АлГУ, 2000. – С. 238-242.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 194-200.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 129-151.

Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология. – 53. – Киев, 1986. – С. 14-36.

Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. – М.: ГИМ. 1964. – 24 с.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 30-48.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 175 с.

Савинов Д.Г. Сибирские реалии половецких каменных изваяний // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1984а – С. 115-121.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1987. – 193 с.

Усманова Э.Р. Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1986. – С. 99-105.

Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Издание, посвященное 75-летию юбилею Б.Н. Нурмуханбетова. – Алматы: Ғылым, 2011. – С. 447-454.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ие, 1991 – 190 с.

Список иллюстраций

Рис.1. Городище Бозок. Расположение грунтовых могил.

Рис.2. Городище Бозок. Раскоп IV, погребение 5.

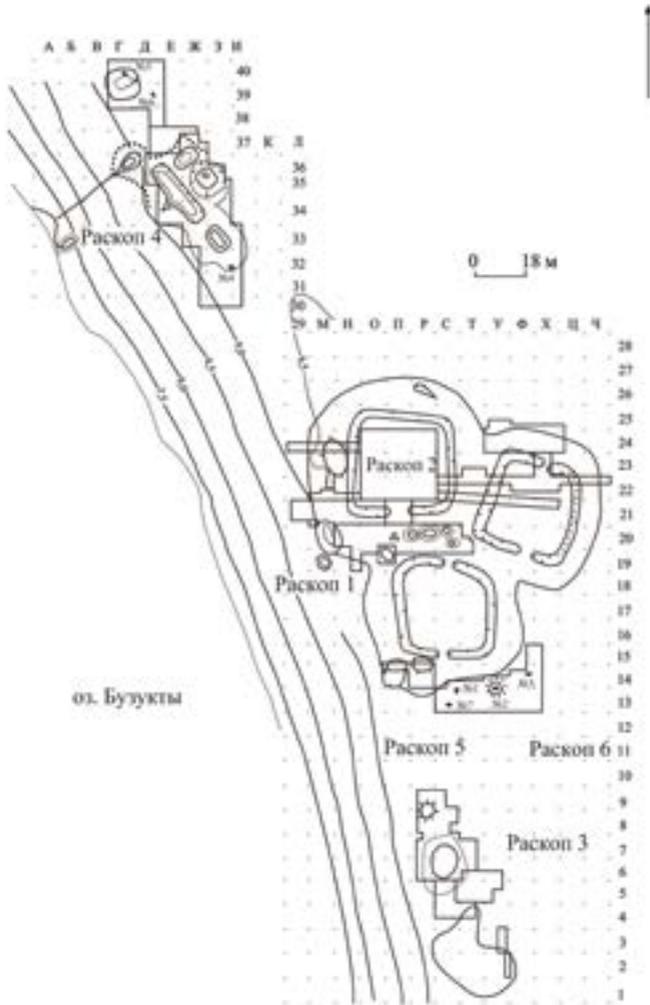
1 – план и разрез могильной ямы: 1- ковш, 2- кольца, 3 – наконечники стрел, 4 – берестяной колчан, 5 – отпечаток кожного сосуда, 6 – берцовая кость овцы, 7 – свернутая кольчуга, 8 – стремя, подпружное кольцо; 2-6 – вещи, все из железа;

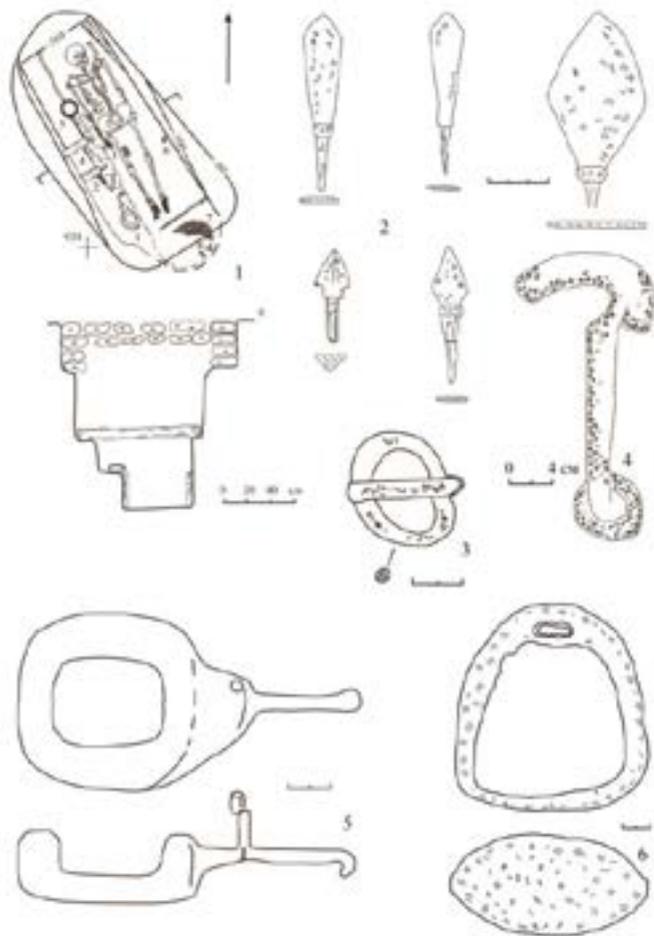
Рис.3. Городище Бозок. Раскоп V, погребение 7.

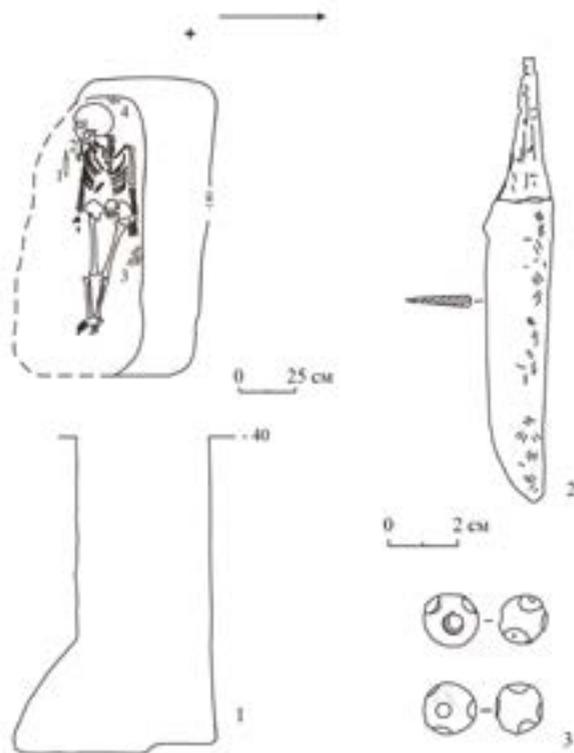
1 – план и разрез могильной ямы: 1- альчики, 2- бусы, 3-нож, 4- позвонки овцы; 2 – железный нож, 3 – бусы глазчатые.

Рис.4. Городище Бозок. Раскоп VI, погребение 3.

1 – план и разрез могильной ямы: 1-нож, 2- наконечники стрел, 3- панцирные пластинки, 4- берцовая кость овцы; 2-6 – вещи, все из железа

Марал Хабдулина, Денис Гаврилов

ОРОСИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ГОРОДИЩА БОЗОК: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Орошение почв в аридных условиях – это один из самых древнейших и распространенных способов повышения качества сельскохозяйственных земель.

Орошение значительно изменяет гидротермические условия функционирования почв, смещая их на одну или две природные зоны к северу, что обуславливает довольно успешное использование данного способа мелиорации земель на протяжении нескольких тысячелетий.

Орошение сельскохозяйственных земель в различных регионах мира является показателем определенного уровня развития общества, особенностей его организации, наличия определенных навыков и традиций хозяйствования, а также особенности приспособления человека к ограниченным природным ресурсам в условиях необходимости обеспечения сельскохозяйственной земледельческой продукции.

Оросительные работы значительно преобразуют ландшафт, так как для них требуется изменение характеристик рельефа, происходящие в процессе строительства оросительной системы (планировка территории, нарезка каналов, создание водохранилищ), так и при эксплуатации (ирригационная эрозия или кольмотаж (наносы), оползни, суффозия, уплотнение). При археологических обследованиях сельскохозяйственных земель проявление в рельефе признаков четкой агропланировки является одним из самых надежных свидетельств наличия земледельческих навыков у прошлых обществ (Андрианов, 1969; Сунгчугашев, 1990; Грошев, 1996; Прудникова, 2020 и др.). Поэтому использование традиционных археологических методов изучения (топографическая съемка, фотофиксация, поиск аналогий с подобными объектами в соседних хроно-пространствах и т.д.) для данных признаков является наиболее распространенным. Но изучение

свидетельств орошения, появившиеся при функционировании оросительной системы в почве, выходят за пределы возможностей археологии, поэтому помощь естественнонаучных методов (почвоведение, фитолитология, ботаника и т.д.) здесь неоценима. К сожалению, подобных исследований пока мало (Борисов, Коробов, 2013; Li et al., 2017; Sandor et al., 2021; и др.)

Так при изучении территории, прилегающей к городищу Бозок, были обнаружены следы такой агропланировки, что послужило толчком к изучению данного объекта с использованием разных методов исследования – археологических и почвенных.

Изучение топографии оросительной системы

Оросительные системы строго структурированы и состоят из элементов, имеющих свое функциональное назначение (Гулямов, 1957, Грошев, 1996). Среди них выделяются источник орошения, магистральный канал, распределительные каналы, каналы (арыки), валики (плотины) и орошаемые поля.

Наличие вида природного источника воды и характер распределения воды в годовом цикле диктовал площадь орошаемых земель, а также определял тип орошения – лиманное, каирное, саво-булачное, болотное (озерное), кяризное (по Грошеву, 1996). Кроме источника воды, обязательным условием для строительства оросительной системы является небольшой уклон местности, что обеспечивало самостоятельный сток воды и тем самым уменьшение затрат на обеспечение работоспособности системы.

Оросительная система городища Бозок построена на естественном возвышении у берега озера Бузыкты. Рельеф местности имеет слабый уклон от берегового вала озера к восточной и юго-восточной границам памятника, что благоприятствовало естественному течению вод вниз по склону при небольших затратах по управлению ее потоком.

На берегу озера имеется искусственно созданный котлован, к которому примыкает магистральный канал (рис.1). Данное место служило водозабором для орошения.

При внимательном рассмотрении топографического плана можно выделить два канала, предназначенных для подачи вод в оросительную систему – самый крупный канал в северной части

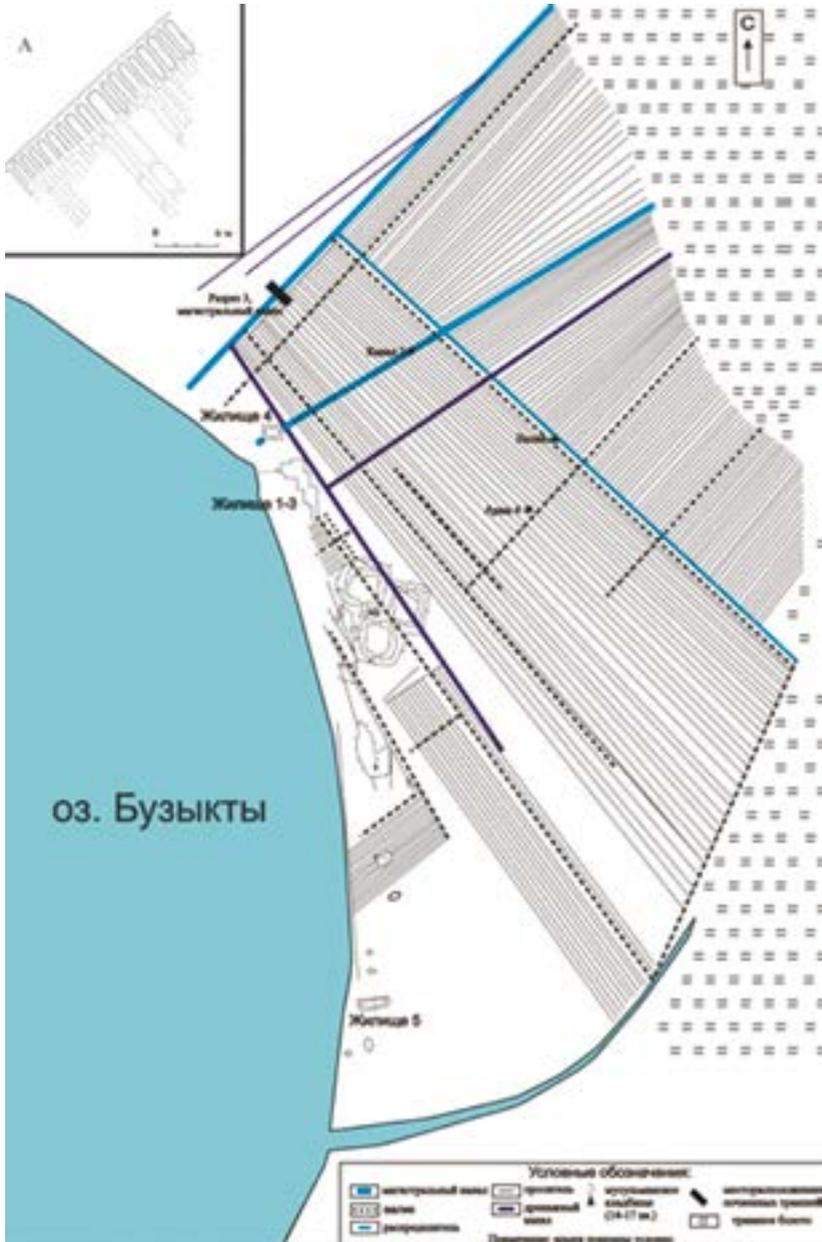

Рис.1. План оросительной системы городища Бозок. Масштаб 1:5 000. А – план грядок.

системы, имеющий направление северо-восток – юго-запад, и канал, расположенный немного южнее относительно первого, на котором находится котлован жилища №4. По этнографическим и письменным данным (Гулямов, 1957) известно, что для дифференцированной подачи воды на разные участки полей и сохранения от размыва магистральных каналов применялся способ точечного забора воды. Таким образом, наличие двух магистральных каналов есть результат инженерной мысли строителей.

Магистральные каналы согласно их расположению в оросительной системе и рельефу местности, определяющему направление стока, по назначению можно разделить на два вида: дренажно-оросительный и оросительный. Северный канал хорошо выражен в рельефе и более углублен, чем другие каналы, что говорит о большом объеме воды, который мог пройти через него. Этот факт позволяет предположить, что он служил для сброса излишков воды из озера в период половодья. Второй магистральный канал, расположенный гипсометрически ниже относительно первого и примыкающий к искусственно вырытому котловану на берегу озера, уже непосредственно выполнял функцию подачи воды на основную площадь полей, расположенных в центральной и южной частях системы.

Распределительные каналы первого и второго порядка согласно особенностям рельефа могут быть также как и магистральные каналы, классифицированы по назначению на оросительные и дренажные.

От магистрального канала под углом 90° в юго-восточном направлении отходит распределительный канал, подающий воду в северо-восточную часть системы. Общий уклон местности с северо-запада на юго-восток позволял воде самотеком стекать вниз в понижение, откуда излишки вновь возвращались в озеро. Остается неясным выбор строителями угла, под которым расположен распределительный канал относительно магистрального. Для уменьшения размыва места соединения каналов логичнее было бы угол сделать менее 90° .

В западной части оросительной системы расположен канал, который начинается у самой высокой точки местности – развалин

стен городища и заканчивается на месте соединения его с северным магистральным каналом. От этого же канала отходят два канала второго порядка, которые направлены под прямым углом в сторону болота на северо-восток. Данная часть оросительной системы была построена с целью спуска излишек воды во время паводка, т.е. предназначена для дренажа.

В агропланировке орошаемых полей раннего и развитого средневековья на юге Казахстана выделяются валики, которые строились по периметру полей и служили для регулировки режима увлажнения почв. Такие огражденные поля имели различные размеры 6x8-10x13 м (рисовые чеки, городище Актобе), 12x15-17x20 м (виноградники, бахчевые культуры, городище Карремерген), 30x40-50x60 м (зерновые культуры, городища Сауран и Актобе) (Грошев, 1996). Полив, огражденных валиком, полей производился затоплением. В оросителе с помощью земляной перемычки поднимался уровень воды, которая заполняла ближайшее поле, затем вода поступала в следующий ряд и т.д. В конечной стадии вода из полей сбрасывалась в понижения. Таким образом, достигались нужные характеристики увлажнения почв.

В оросительной системе городища Бозок также фиксируется подобный прием полива полей. Наиболее влаголюбивые культуры выращивались в северной части оросительной системы на поле размером 50x150 м. Здесь в рельефе четко читаются «грядки», размером 3,40-3,90 x 4,50-4,80 м (рис.1а). Нижерасположенное поле размером 350x175 м было менее увлажнено.

Вся оросительная система покрыта густой сетью арыков (оросителей). Оросители имеют два направления: СЗ – ЮВ и СВ – ЮЗ. Длина оросителей колеблется от 100 до 780 м. Расстояние между арыками в северной части ирригационной системы составляет 3,1-3,4 м. В нижней части ирригационной системы после поперечно проходящего валика расстояние между арыками уменьшается до 1,7 м, т.е. каждый арык распадается на два ниже текущих арыка. Такая густая сеть мелких оросителей характерна для ирригации Средней Азии IX-X вв. (Гулямов, 1957; Адрианов, 1969; Грошев, 1996), что соответствует предполагаемому периоду строительства бозокской оросительной системы (XI-XII вв.).

Археологическое исследование

Датировка ирригационной планировки. Возникает вопрос: к какому периоду истории памятника относится агроирригационная планировка? Первоначально хорошая сохранность и выраженность в рельефе заставили обратиться к версии, что эти огороды и ирригационные сооружения были сделаны в первой половине XX века. Возможно, на заре колхозного строительства. Для проверки этого предположения мы просмотрели архивы г. Акмолы, но не обнаружили информацию о проведении в этом районе каких-либо мелиоративных работ. По материалам почвенной карты земель совхоза Воздвиженский (территория, прилегающая к озеру Бузыкты административно входила в Воздвиженский совхоз), которая была составлена на основе сельхозаэро съемки 1956 г., территория, примыкающая к озеру, обозначена как пастбищная, с луговой и лугово-болотистой растительностью, с большим процентом солончака в почвенном покрове. Помимо этого в реестре гидрографических объектов Воздвиженского сельского округа 1932 – 1962 гг. село Ильинка, оз. Бузыкты не упоминаются. Таким образом, можно утверждать, что в XX веке территория, прилегающая к оз. Бузыкты, не входила в хозяйственное освоение.

О том, что это не относится к XIX в. свидетельствует известный краевед, директор Акмолинского музея Л.Ф. Семенов (Тихонов, 2011, с.152). В 1928 г. во время экспедиционных работ он посетил городище Бозок, сделал описание, зарисовал план трех кварталов и обратил внимание на арыки и «грядки». Как он пишет, расспросы местного населения о происхождении этих «огородов» ничего не дали (Семенов, 1930, с. 78-79). Таким образом, ирригационная планировка относится к средневековью и связана с историей городища Бозок.

Трудность датировки оросительной системы обусловлена хронологической неоднородностью структурных частей памятника, занимающего общую площадь 40 га. Обживание этой территории продолжалось не менее восьми столетий, с (VII) VIII по XVI вв. Структурные компоненты городища появились в разное время, неоднократно перестраивались, забрасывались, достраивались.

Сразу следует исключить VIII-IX вв. Топографический план оросительной системы показывает, что ее сооружения перекрывают восточную половину центральной градообразующей площадки памятника. Через центральную площадку проходят две ветки ирригационных сооружений: распределительный (дренажный) канал пересекает часть восточного квартала, параллельно ему, тянется вал, проложенный по диагонали северного квартала (рис. 1). Следовательно, ирригационная система построена только после полного прекращения функционирования центральных кварталов поселения и орошения валов.

Судя по топографии, оросительная система появилась ранее или одновременно с жилищами-землянками. Котлованы жилищ расположены на оросительной системе, что делает их более молодыми сооружениями относительно ирригационной системы. Но наблюдаемая общность строительных традиций жилой и ирригационной технологий известной по средневековым памятникам Приаралья и Южного Казахстана позволяет относить жителей бозокских жилищ и Южного Казахстана к одному культурно-историческому периоду – X-XII вв. Планировка и интерьер жилищ Бозока находят аналогии в домостроительстве земледельческих регионов Южного Казахстана и Приаралья. Это П-образные суфы, напольные очаги, пристенные каминь, линейно-гребенчатая планировка жилищ. Такие детали, как земляночная конструкция жилищ, печь, сложенная из жженого кирпича, вызваны суровыми природными условиями Центрального Казахстана.

Дата жилищ X-XIII вв. Анализ данных по оросительной системе проливает свет и на уточнение датировки некоторых этапов функционирования памятника. Такие факты, как использование чигирного устройства, которое получило широкое распространение на юге Казахстана в IX-XI вв. и наличие сети мелких оросителей характерных для ирригации Средней Азии IX-X вв. – позволяют сузить дату оросительной системы городища Бозок до XI-XII вв.

Таким образом, в XI-XII вв. в Верхнем Приишимье появляется небольшой оазис жизнедеятельности, известный по городам огузов Приаралья. Для них характерно расселение среди болот,

возведение оросительных сооружений, занятие земледелием, рыболовством и скотоводством (Толстов, 1947, с. 71). Рыболовством занимались и обитатели городища Бозок. На полу жилищ возле очага найдены кости рыб, чешуя, бусы из позвонков рыб. О скотоводстве свидетельствуют находки костей овцы и лошади в заполнении жилищ.

Косвенным свидетельством земледелия является находка фрагмента каменного жернова на полу жилища №1.

Ирригация городища Бозок имеет отличительную особенность от оросительной системы Средней Азии. В южных регионах в IX-XI вв. агропланировка перешла уже к укрупнению сети и строительству сложной системы, которая связывала несколько поселений. Оросительная система городища Бозок относилась только к одному населённому пункту и имела сравнительно небольшие площади орошаемых земель, что заставляет сделать вывод о том, что земледельческая община городища вела индивидуальное хозяйство.

Бозокская оросительная система на момент своего функционирования вобрала в себя все новшества того времени. По мнению Б.В. Андрианова (1969), применение сложноветвистой системы в средние века было связано со стремлением земледельцев уменьшить заиляемость каналов, сократить объём работы по очистке и в то же время оросить новые участки в пределах ирригационных бассейнов и тем самым повысить коэффициент использования орошаемых земель. А применения чигири сокращало расход воды на 30-50%, уменьшило опасность засоления и заболачивания почв и увеличило объёмы сбора урожая.

Палеопочвенное исследование

Объекты и методы исследования. Для доказательства занятия средневековым населением земледелием были изучены почвы оросительной системы и погребенная почва под валом городища (VII-VIII вв.), рассматриваемая в данном исследовании как фоновая.

Древнеорошаемые почвы согласно Классификации почв России (2004) представлены двумя группами почв: 1) погребенный агробразём текстурно-карбонатный засоленный и 2) дневные агробразёмы солонцовые гидророметаморфизованные засоленные почвы валов, грядок, магистральных каналов и арыков.

Показатели свойств почвы изучались следующими методами: содержание общего органического углерода (по И.В.Тюрину), реакция почвенной среды (потенциометрически в водной суспензии), содержание и распределение карбонатов по профилю (газоволюметрическим методом), гранулометрический состав (по Н.А. Качинскому), определение обменного водорода по Гедройцу и состав обменных катионов (Na^+ , K^+ , Ca^{2+} , Mg^{2+}) по методу Пфеффера в модификации Молодцова и Игнатовой (Аринушкина, 1970; Воробьева, 1998). Также был изучен групповой и фракционный состав гумуса – по методу В.В. Пономаревой и Т.А. Плотниковой (1968). Магнитная восприимчивость была измерена на Kappabridg KLY-2 и пересчитана на 1 г мелкозема.

Дополнительно был исследован микробиоморфный состав почвенных образцов для поиска признаков агрогенной обработки почвы, выращивания культурных растений переувлажнения почвы в прошлом при орошении (Гольева, 2001, 2008). Результаты микробиоморфного анализа были обработаны методами многомерной статистики (метод главных компонент, дискриминантный и корреляционный анализы) в программе Past 2.0.

Фоновая почва

При обследовании северного квартала городища была вскрыта толща отложений, представляющая собой палеопочву (глубина 57–145 см), перекрытую искусственно созданным валом, мощность которого в настоящее время составляет около 40 см. На поверхности этого вала сформирована маломощная слабо-развитая светло-гумусовая почва (разрез I).

В целом, отложения представляют собой легкосуглинистые (в редких случаях супесчаные) осадки с абсолютным преобладанием песчаных гранулометрических фракций и относительно невысокой долей фракций пыли. Легкосуглинистая часть отложений характеризуется равномерным содержанием илистой фракции (14-16%) (рис. 2).

Палеопочва является аналогом чернозёма текстурно-карбонатного и имеет следующее морфологическое строение:

[AUca] – 0-19 см - темно-серый с буроватым оттенком, сухой, пылевато-комковатый, легкосуглинистый, уплотненный, слабовскипающий от 10% HCl с поверхности, карбонаты в виде пропитки, пронизанный корнями, переход ясный;

[AUca/CAT] – 19-40 см – бурого цвета со темно-серыми языками, заполненных гумусированной массой, сухой, комковатый, легкосуглинистый, карбонатный (белоглазка), уплотненный, пронизанный корнями, переход постепенный, граница языковатая;

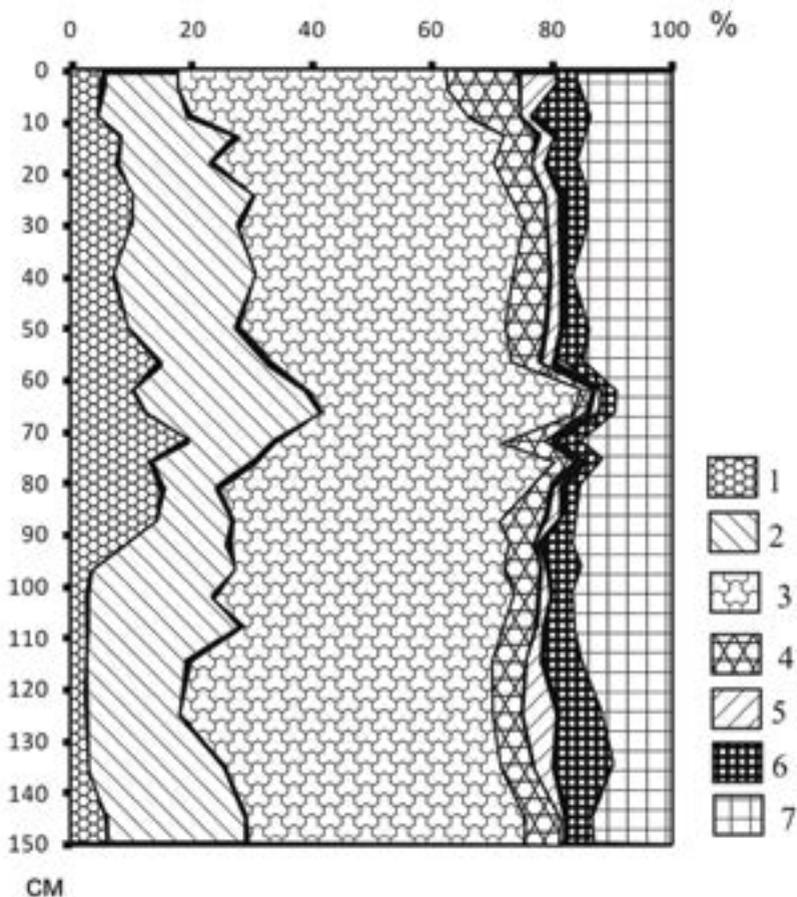

Рис 2. Гранулометрический состав отложений разреза I городища Бозок (глубина от поверхности разреза). Обозначения: 1 – потеря от HCl; размер частиц, мм: 2 – 1–0,25; 3 – 0,25–0,05; 4 – 0,05–0,01; 5 – 0,01–0,005; 6 – 1,005–0,001; 7 – менее 0,001.

[CAT] – 40-88 см – бурый, сухой, комковатый, неоднородный по гранулометрическому составу – легкосуглинистый с прослоями супеси, плотный, сильновскипающий от 10% HCl, карбонатный в виде белоглазки, встречаются корни растений.

Формула профиля: [AUca] (0-19 см) – [AU/ CAT] (19-40 см) – [CAT] (40-88 см).

Морфометрические измерения гумусового горизонта показали, что его мощность варьирует, что обусловлено, скорее всего, скальпированием части гумусового горизонта человеком при сооружении валов (табл.1). Данные измерения позволили выбрать участок с наибольшей степенью сохранности гумусового горизонта погребенной почвы (квадрат С-22) для более детального изучения.

Таблица 1.

Результаты морфометрических измерений гумусового горизонта палеопочвы VIII-IX вв.

Квадрат	Мощность, см	Квадрат	Мощность, см
С-22	19	Т-22	12
Т-22	6	О-25	14
Ч-22	13	Ц-22	10

Общие физико-химические свойства. Почва сформирована на неоднородном по происхождению русловом и пойменном аллювии, что и объясняет супесчаный гранулометрический состав гумусового горизонта и более тяжелый – суглинистый в нижней части профиля почвы (рис.1.).

Распределение общего органического углерода (Сорг.) в палеопочве характеризуется аккумулятивным типом: в гумусовом горизонте – около 1%, а в минеральных горизонтах – менее 0,7% (табл. 2). Магнитная восприимчивость в этой палеопочве изменяется параллельно Сорг., колеблется в гумусовом горизонте в пределах 1,98–1,11·10⁻⁶СГСЕ/г, постепенно снижаясь до глубины одного метра и затем, практически, флуктуирует в очень малом диапазоне.

Таблица 2.

Некоторые физико-химические свойства палеопочвы VIII-IX вв. (разрез I)

Горизонт	Глубина*, см	$C_{\text{орг}}$, %	$\gamma \cdot 10^{-4}$ (г/гсух)	pH _{водн}	CaCO ₃ , %	ΣTK , % к $C_{\text{орг}}$	$\Sigma \text{ФК}$, % к $C_{\text{орг}}$	$C_{\text{гк}}:C_{\text{фк}}$
[AUca]	0-5	0,97	1,98	8,2	1,3	28,2	16,8	1,68
	5-10	0,71	1,97	8,2	0,4	27,9	20,4	1,36
	10-15	0,64	1,71	8,2	1,1	26,2	20,4	1,28
	15-19	0,56	1,11	8,3	1,3	21,4	22,4	0,95
[AUca] [CAT]	19-24	0,55	1,09	8,3	1,1	18,2	24,1	0,75
	24-29	0,43	0,91	8,4	2,2	16,9	34,4	0,49
	29-34	0,41	0,87	8,4	9,9	15,7	35,0	0,45
	34-39	0,40	0,75	8,5	11,9	16,9	36,9	0,46
[CAT]	39-44	0,36	0,68	8,6	12,9	16,7	38,7	0,43
	44-50	0,27	0,65	8,5	12,9	18,8	49,9	0,38
	50-57	0,26	0,67	8,6	14,4	16,2	59,5	0,27
	57-67	0,20	0,69	8,5	10,4	16,7	58,8	0,28
	67-77	0,16	0,98	8,6	9,7	14,5	58,7	0,25
	77-87	0,16	0,72	8,7	14,2	16,9	61,7	0,27

* глубина от погребенной поверхности;

** здесь и далее «—» означает «не определялось»

Образование этой почвы происходило при относительно повышенном увлажнении, в которое обусловило выщелачивание карбонатов в более глубокие горизонты, так, что верхняя часть профиля содержит небольшое их количество, а максимум приходится на глубину 39–67 см, и поскольку в гумусовом горизонте они встречаются в виде пропитки, можно полагать, что палеопочва формировалась в теплых и умеренно влажных условиях.

Несколько повышенное содержание карбонатов кальция в верхней части гумусового горизонта (0-5 см) относительно нижележащих образцов следует связать с диагенетическим проникновением солей их из вала городища.

Реакция среды во всех горизонтах палеопочвы лежит в щелочном диапазоне (pH_{водн}. 8,2–8,7), увеличиваясь с глубиной.

Гумусовый профиль. Гумус от гуматного типа в кровле палеопочвы ($C_{\text{гк}}:C_{\text{фк}}=1,68$), и фульватно-гуматного – глубже, постепенно меняется на гуматно-фульватный и с глубины около 80 см фульвокислоты почти в два, а затем и в три раза преобладают над гуминовыми кислотами, так что абсолютные

величины $C_{гк} : C_{фк}$ постепенно снижаются до 0,25–0,27 (табл. 2).

Почва имеет характеристики гумусового профиля, типичного для степных почв (табл. 2): постепенное уменьшение ГК с глубиной, увеличение ФК в том же направлении, «ножничное» внутри-профильное распределение основных компонентов. Подобный состав системы гумусовых веществ характеризует черноземный тип почвообразования при теплых и умеренно влажных условиях (Пономарева, Плотникова, 1980).

Минимальное время погребения палеопочвы определено по данным ^{14}C - датирования гуминовых кислот (1500 ± 45 (СОАН–7680) – 529–648 г. н.э. (IntCal20)) и результатам археологических исследований как VIII–IX вв. н.э.

Микробиоморфное исследование. Изучение микробиоморфного комплекса почвы VIII–IX вв. было проведено в образцах из гумусового горизонта, отобранных в квадратах 22/Н. Глубины указаны от уровня погребенной поверхности. Результаты исследования представлены в таблицах 3 и 4.

Разрез II, квадрат 22/Н

Образец Vz 334, глубина 0–1 см; Микробиоморфная фракция характеризуется средним содержанием аморфной органики и низким детрита. Фитолитов много, единично встречены спиккулы губок. Пыльцы мало.

Вывод по просмотренному образцу. Относительно низкий количественный состав всех компонентов не соответствует поверхностному положению образца. Это однозначно указывает на сильную эродированность почвенно-растительного покрова перед созданием насыпи вала.

Образец Vz 333, глубина 4–5 см; Микробиоморфная фракция имеет близкие характеристики с вышележащим образцом, но суммарное содержание групп фитолитов выше относительно вышележащего образца. В фитолитном спектре значительную долю занимают фитолиты степных злаков. Спиккулы губок единичны.

Вывод по просмотренному образцу. Повышенное содержание фитолитов позволяет предположить большую продуктивность произрастающего на этом месте степного фитоценоза относительно вышележащего образца.

Образец Vz 332, глубина 9-10 см; Содержание всех видов микробиоморф низкое. Фитолитный спектр соответствует характеристикам степного фитоценоза.

Вывод по просмотренному образцу. Образец отражает переход гумусового горизонта к минеральному.

Образец Vz_331, глубина 14-55 см; В образце не обнаружены микробиоморфы.

Вывод по просмотренному образцу. Это минеральный горизонт.

Общий вывод по просмотренной колонке образцов

Относительно среднее содержание фитолитов в верхнем образце и присутствие в нем пыльцы, а так же более повышенное содержание аморфной органики позволяет сказать, что степной фитоценоз на момент погребения почвы был сильно деградирован. Возможно, человек использовал этот участок для выпаса скота, что могло привести к деградации растительного покрова. Малая мощность гумусового горизонта (10 см) подтверждают сильную эродированность поверхности почвы.

Разрез III, квадрат 25/0

Образец Vz 342, глубина 0-1 см; Микробиоморфная фракция характеризуется средним содержанием аморфной органики. Единично обнаружены кутикулы растительной ткани, пыльца и спикулы губок. Фитолитов относительно много. Диатомовых водорослей мало.

Вывод по просмотренному образцу. Согласно полученным данным на поверхности почвы произрастал относительно малопродуктивный степной фитоценоз. Почва, скорее всего, формировалась в кратковременно-переувлажненных условиях.

Образец Vz 341, глубина 4-5 см; Состав микробиоморфной фракции аналогичен вышележащему образцу. Содержание фитолитов резко снижается.

Вывод по просмотренному образцу. Образец представляет собой переход от гумусового к минеральному горизонту.

Образец Vz 340, глубина 9-10 см; В образце не обнаружены микробиоморфы.

Вывод по просмотренному образцу. Это минеральный горизонт.

Общий вывод по просмотренной колонке образцов

Относительно низкое содержание фитоцитов в верхнем образце с образцом Vz_334 и присутствие в нем пыльцы и кутикул, позволяет прийти к выводу о том, что и в данном образце фиксируется угнетенное состояние фитоценоза на момент сооружения стен городища и сильная эродированность поверхности почвы.

Реконструкция условий почвообразования

Согласно морфологическим данным профильное строение палеопочвы (гумусово-аккумулятивный и иллювиально-карбонатный горизонты) отвечает ряду почв степного почвообразования. Вскипанием с поверхности от 10% HCl и пропиточные формы карбонатов в гумусовом горизонте отражают теплые засушливые условия почвообразования. Строение гумусового профиля палеопочвы так же подтверждает степной тип гумусообразования (СГК:СФК 1,68).

Микробиоморфные исследования хорошо согласуются с вышерассмотренными данными и подтверждают их. При чем, сильная деградация растительного покрова и почвенная эрозия являются, скорее всего, следствием активной пастбищной нагрузки, имевшая место до момента сооружения валов городища. Признаков орошения почвы не обнаружено.

Древнеорошаемые почвы

Агрообразём текстурно-карбонатный засоленный погребен под развалом стены жилища №3, строительство которого датируется периодом 1000-800 л.н. (790±35, СОАН 7328).

Палеопочва имеет следующее *морфологическое строение*:

[РВ](s) – 0-7 см – темно-серый, свежий, пылевато-комковатый, легкосуглинистый, слабоуплотненный, не вскипающий от 10% HCl, засоленный, с включениями корней растений, переход ясный;

[РВ/САТ](s) – 7-28 см – бурый с темно-серым оттенком к низу, свежий, комковатый, среднесуглинистый, слабоуплотненный, карбонатный (псевдомицелии), слабо вскипающий от 10% HCl с 18 см, засоленный, переход постепенный, граница языковатая;

[САТ] – 28-70 см – светло-бурый с заходящими внутрь горизонта

гумусовыми языками, влажный, комковатый, среднесуглинистый, слабоуплотненный, карбонаты в виде белоглазки, засоленный, с кротовинами;

Формула профиля: [PB] (0-7см) – [PB/CAT](s) (7-28см) – [CAT](s) (28-70см).

Общие физико-химические свойства. Распределение органического углерода по профилю характеризуется аккумулятивным типом и постепенным уменьшением Сорг. с глубиной – от 2,5% в гор. [PB](s) до 0,2% в гор. [CAT] (табл.5).

Таблица 5.

Некоторые физико-химические характеристики погребенного агрообразёма текстурно-карбонатного засоленного

Горизонт	Глубина*, см	Сорг., %	$\gamma \cdot 10^{-6}$ СГСЕ/г	pH водн.	CaCO ₃ , %	Σ К, % к Сорг.	Σ ФК, % к Сорг.	С _{ср.} С _{ср.}
[AUca]	0-5	0,97	1,98	8,2	1,3	28,2	16,8	1,68
	5-10	0,71	1,97	8,2	0,4	27,9	20,4	1,36
	10-15	0,64	1,71	8,2	1,1	26,2	20,4	1,28
	15-19	0,56	1,11	8,3	1,3	21,4	22,4	0,95
[AUca/CAT]	19-24	0,55	1,09	8,3	1,1	18,2	24,1	0,75
	24-29	0,43	0,91	8,4	2,2	16,9	34,4	0,49
	29-34	0,41	0,87	8,4	9,9	15,7	35,0	0,45
	34-39	0,40	0,75	8,5	11,9	16,9	36,9	0,46
[CAT]	39-44	0,36	0,68	8,6	12,9	16,7	38,7	0,43
	44-50	0,27	0,65	8,5	12,9	18,8	49,9	0,38
	50-57	0,26	0,67	8,6	14,4	16,2	59,5	0,27
	57-67	0,20	0,69	8,5	10,4	16,7	58,8	0,28
	67-77	0,16	0,98	8,6	9,7	14,5	58,7	0,25
	77-87	0,16	0,72	8,7	14,2	16,9	61,7	0,27

*глубина от поверхности палеопочвы

Магнитная восприимчивость имеет повышенные значения в горизонтах [PB](s) и [PB/ CAT](s); где она достигает 1,11–1,97·10⁻⁶СГСЕ/г, составляя в [CAT] около 0,80·10⁻⁶СГСЕ/г. Нижняя часть горизонта [CAT] в этой почве, как и в других погребенных почвах городища Бозок, характеризуется близкими значениями (0,7–0,9·10⁻⁶СГСЕ/г.).

Реакция почвенной среды характеризуется как сильно щелочная (рНводн. 8,5–9,1), максимум СаСО₃ приходится на глубину 30-70 см от поверхности палеопочвы, верхняя 20-см часть которой выщелочена от карбонатов.

Почвенный профиль засолен. Тип засоления сульфатно-хлоридный. В распределении плотного остатка по профилю наблюдается два пика, приуроченные к верхней границе погребенной поверхности гумусового горизонта и переходной зоне между гумусовым и текстурно-карбонатным горизонтами (Табл.6). Данную особенность следует связать с этапами внутривершинной аккумуляции солей в период экспонирования палеопочвы и период ее погребения. Скорее всего, во время оросительных работ почва была выщелочена от солей до верхней границы текстурно-карбонатного горизонта, причем степень засоления была значительно ниже, чем современный уровень.

Таблица 6.

Анализ водной вытяжки агрообразцы текстурно-карбонатного засоленного древнеорошаемого (разрез 2-2009)

Горизонт	Глубина, см	Плотный остаток, %	HCO ₃ ⁻	Cl ⁻	SO ₄ ⁻	Ca ²⁺	Mg ²⁺	Na ⁺ +K	Cl ⁻ :SO ₄ ⁻
PB(s)	0-2	2,23	0,56	4,1 4	24,7 1	11,2 5	6,65	11,51	0,1
	2-7	2,05	0,56	3,8 6	22,8 4	9,60	7,80	9,86	0,1
[PB-CAT(s)]	7-13	1,94	0,56	4,4 0	21,1 1	7,80	7,90	10,37	0,2
	13-18	1,45	0,56	4,7 4	14,0 5	3,60	5,90	9,85	0,2
	18-23	1,51	0,56	5,5 0	15,0 1	3,50	6,20	11,37	0,3
	23-28	2,17	0,56	6,5 6	22,9 0	8,20	9,10	12,72	0,2
[CAT](s)	28-38	1,92	0,44	7,0 5	19,3 0	8,80	6,70	11,29	0,3
	38-48	1,85	0,44	7,3 0	18,9 7	9,30	6,10	11,31	0,3
	48-58	1,36	0,44	6,1 0	13,2 0	5,70	4,10	9,94	0,3
	58-68	0,99	0,52	5,0 0	9,03	3,30	3,60	7,65	0,4

Гумусовый профиль. Гумусово-аккумулятивная толща отличается гуматным типом гумуса (Сгк:Сфк=1,56-1,95), который к низу профиля меняется на фульватно-гуматный и затем фульватный. Доля гуминовых кислот имеет тенденцию уменьшения с глубиной, фульвокислот – увеличения. Профильное «ножничное»

распределение основных компонентов гумуса, так же как абсолютные величины соотношения углерода гуминовых кислот к углероду фульвокислот, характерно для автоморфных степных почв. Регрессивно-аккумулятивное распределение Сорг. и пилообразное распределение групп гумусовых кислот свидетельствует о нарушенности гумусового горизонта в ходе вспашки (Табл.5.).

Микробиоморфное изучение. Для диагностики орошения почв был изучен микробиоморфный состав гумусового и подгумусовых горизонтов почвы, где особое внимание было уделено признакам обводнения (диатомовые водоросли, спикулы губок, фитолиты тростника) и вспашки (регрессивное распределение микробиоморф).

Ниже приводится описание микробиоморфных комплексов образцов.

P-IV, квадрат 33/Ж., северо-западный угол.

Образец Vz 345, глубина 29-30 см; Образец довольно сильно обогащен микробиоморфной фракцией. Обнаружено много целых спикул губок и несколько экземпляров диатомовых водорослей. В фитолитном спектре представлены фитолиты степных злаков и фитолиты тростника (Рис.3, А). Небольшая их доля обуглена.

Вывод по рассмотренному образцу. В образце имеются два разных фитолитных комплекса – степные злаки автоморфных условий обитания и фитолиты тростника (аквальные условия). Микробиоморфная фракция содержит спикулы губок и диатомовые водоросли, также свидетельствующие о дополнительном увлажнении профиля почвы. Совмещенные аридные и гидроморфные фитолитные комплексы и присутствие спикул губок и диатомовых водорослей объясняется дополнительным увлажнением профиля почвы во время оросительных работ. Это подтверждается и остатками оросительной системы, на месте которой были построены котлованы жилищ (XI-XII вв.).

Образец Vz 344, глубина 34-35 см; Микробиоморфная фракция по характеристикам близка к предыдущему образцу. Но отличает его большее обогащение образца диатомовыми водорослями и угольками. Содержание фитолитов в образце несколько понижено относительно вышележащего образца.

Обнаружена единичная кутикула просо (*Panicum* sp.) (?) (Рис.3, Б) (Houyuan Lu et.al., 2009)

Вывод по просмотренному образцу. Образец также отражает дополнительное увлажнение автоморфной степной почвы при орошении.

Образец Vz 343, глубина 39-40 см; Микробиоморная фракция характеризуется аналогичными признаками как вышележащие образцы. Но содержание фитолитов, спикул губок и диатомовых водорослей выше. Фитолиты тростника не обнаружены.

Вывод по просмотренному образцу. На данном этапе почва функционировала также в условиях дополнительного увлажнения.

Общий вывод по просмотренной колонке образцов

Данный почвенный профиль испытывал дополнительное увлажнение водами из мелководного водоема, свидетельства чего имеются в каждом из изученных образцов: диатомовые водоросли, спикулы губок и фитолиты тростника. Кроме того, регрессивное распределение фитолитов по профилю позволяет подтвердить факт дополнительной механической обработки почвы при сельскохозяйственных работах.

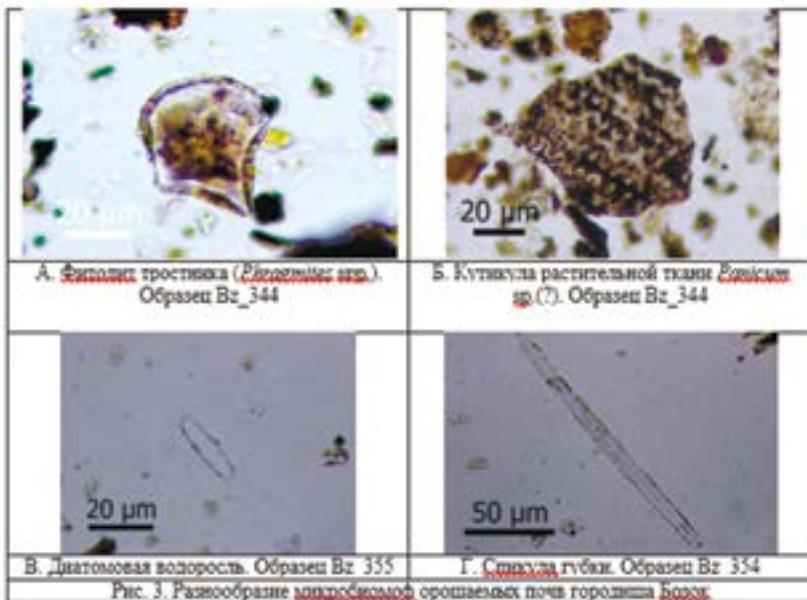
Агрообразёмы солонцовые гидрметаморфизованные засоленные древнеорошаемые преобладают в почвенном покрове территории микрорайона. Агрообразем солонцовый имеет следующее строение (рис.4): PBagr-SEls-BSN-BCAqs, где PBagr – светло-гумусовый аккумулятивный агротурбированный горизонт, комковато-зернистый, легкосуглинистый, мощностью – 8-15 см; SEls – элювиальный горизонт, осветленный, орехово-призматический, тяжелосуглинистый, засоленный, мощностью – 10-20 см; BSNs,CA,as – солонцовый, темно-серый с каштановым оттенком, комковатый, тяжелосуглинистый, засоленный, карбонатный, гипсосодержащий, мощностью до 20 см (в микропонижениях («каналы») солонцовый горизонт выражен более четко, благодаря крупно столбчатой структуре) и BCAqsas – аккумулятивно-карбонатный горизонт, постепенно переходящий в почвообразующую породу (Cqca,s).

Анализ физико-химических свойств агрообразема солонцового показывает четкую дифференциацию профиля. Распределение

органического углерода (Сорг.) по профилю имеет регрессивно–аккумулятивный характер (Табл. 7). Реакция среды почвенного раствора в горизонте РВаgr слабкокислая или нейтральная, резко меняясь на щелочную в солонцовом горизонте. Профиль агрообразема солонцового дифференцирован по илистой фракции, наблюдается его вымывание из элювиального горизонта и накопление в солонцовом. Также этот горизонт отличается изменением и почвенно-поглощающего комплекса – наблюдается его увеличение и резкое снижение доли Са²⁺ и увеличение Na⁺.

Таблица 7.

Некоторые физико-химические свойства агрообразёма солонцового гидрометаморфизованного засоленного древнеорошаемого

Территория городища слабо дренирована за счет подпорки грунтовых вод со стороны окружающих водоемов (р. Ишим, оз. Бузыкты и озера Талдыколь, Аулиетай), что в условиях аридного климата обуславливает процесс засоления почв. Анализ водной вытяжки показал, что верхняя граница залегания солей приходится на элювиальный горизонт, где плотный остаток составляет 0,7

Рис.4. Оросительная система.

А) Агрообразцы
солонцовый
гидрометаморфизованный
засоленный
древнеорошаемый
(магистральный канал,
разрез 3-2009)

Б) Обычный вид (вид с запада (берег озера) на восток)

Таблица 8.

Анализ водной вытяжки агрообразцы солонцового гидрометаморфизованного засоленного древнеорошаемого (магистральный канал, разрез 3-2009)

Горизонт	Глубина в см	С орг. %	pH H ₂ O	CaCO ₃ -%	Обливины осадочная							Σ % от Σ обливины осадочной	<0,01 %
					Ca	Mg	Na	K	Σ				
					мг/л(мл) кг								
ВВар	0-2	3,24	5,95	0	11,3	0,5	0,7	1,0	34	4,5	30,3		
	2-8	1,36	6,76	0	6,2	0,4	1,9	0,9	9,4	19,9	30,3		
ВВн	9-15	0,94	7,69	0	4,4	0,9	3,6	0,7	9,6	37,4	24,4		
ВВобсн &	15-16	0,88	8,17	0	3,2	1,1	6,3	1,0	11,7	54,2	44,4		
	16-21	0,77	8,35	0	3,4	1,4	8,3	1,0	14,2	58,7	35,6		
	21-27	0,46	8,56	0,8	2,4	1,2	4,8	0,8	11,2	60,5	38,0		
	27-33	0,35	8,70	6,3	2,6	1,28	6,3	0,7	10,9	57,7	39,9		
ВСАосн	33-38	0,24	8,82	15,6	2,9	1,0	4,7	0,8	9,2	51,0	28,5		
	38-44	0,19	8,91	13,5	2,6	1,0	4,2	0,4	8,3	50,9	26,3		
	44-54	0,16	8,87	10,5	2,9	0,9	4,4	0,4	8,5	51,6	31,2		
	54-64	0,15	8,68	9,3	3,2	0,9	3,6	0,4	8,1	45,1	37,3		
	64-74	0,15	8,40	9,3	3,7	1,0	3,9	0,4	9,0	48,5	27,4		
	74-84	0,10	8,34	6,3	4,0	0,9	3,9	0,4	9,0	43,1	30,3		

Горизонт г	Глубина в, см	Пластовый остаток, %	HCO ₃ ⁻	Cl ⁻	SO ₄ ⁻²	Ca ²⁺	Mg ²⁺	Na ⁺ +K ⁺	Cl ⁻ :SO ₄ ⁻²
DРавн	0-2	0,21	0,24	0,20	0,44	0,44	0,26	0,18	0,5
	2-8	0,22	0,34	0,66	1,54	0,19	0,13	2,22	0,4
СВн	8-15	0,68	0,36	3,20	6,33	1,30	2,00	6,59	0,5
BCСвн 4	15-16	2,14	0,56	9,25	20,1 9	5,50	6,60	17,90	0,5
	16-21	9,93	0,72	10,6 0	28,7 3	11,1 0	8,65	20,30	0,4
	21-27	2,79	0,60	9,60	28,3 8	12,7 0	8,40	17,48	0,3
	27-33	2,71	0,60	9,50	27,4 0	12,5 0	9,00	16,00	0,3
BCСвн 4	33-38	2,51	0,52	9,50	24,8 2	11,3 0	8,80	14,74	0,4
	38-44	2,22	0,52	9,40	20,6 7	8,70	8,00	13,89	0,5
	44-54	1,63	0,52	8,20	14,7 2	4,80	6,40	12,24	0,6
	54-64	1,27	0,52	6,30	11,5 1	3,50	4,70	10,13	0,5
	64-74	1,41	0,52	5,30	14,1 7	5,30	5,20	9,49	0,4
	74-84	1,16	0,52	3,60	12,2 8	5,80	4,40	6,20	0,3

%. Максимум солей приурочен к солонцовой толще, захватывая верхнюю часть горизонта ВСА. Сумма солей здесь достигает 1,9-2,2%. Тип засоления по всему профилю – хлоридно-сульфатный с присутствием гипса (табл.8).

При строительстве ирригационной системы пологий рельеф был расчленен и образован бугристо-западинный микрорельеф. Эта особенность обуславливает перераспределение атмосферных осадков, пестроту промачивания и разную степень засоленности почв. Высоко расположенные в рельефе бугры («грядки») получают больше тепла, но их пологие склоны способствуют перераспределению атмосферных осадков в западины («каналы»), в которых происходит вымывание солей вниз по профилю с параллельно идущим процессом подтягивания солей к буграм. Слабый уклон местности от берегового вала к границам территории памятника приводит к перераспределению солей в пространстве: их вымыванию с возвышенных выровненных участков по микропонижениям («каналам») к буграм («грядкам») и далее снова по микропонижениям к микрозападинам у

периферии территории памятника (Ковда, 1946; Корсунов, Красеха, 1990).

Микробиоморфное изучение. Микробиоморфные комплексы дневных древнеорошаемых почв были изучены на дренажных, оросительных каналах и валиках.

Канал 2. Восточная стенка

В восточной части оросительной системы был изучен канал, использовавшийся для подачи воды в отдельный арыки.

Образец Vz 357, глубина 4-5 см; Образец сильно обогащен микробиоморфной фракцией. Обнаружено много спикул губок и диатомовых водорослей, при чем среди последних преобладают целые экземпляры. В фитолитном спектре доминируют фитолиты степных злаков, но, кроме того, обнаружено относительно большое количество фитолитов тростника и сорной растительности. Аморфной органики и детрита много. Кутикулы растительной ткани единичны.

Вывод по рассмотренному образцу. В образце обнаружены совмещенные фитолитные комплексы – фитолитный комплекс степного фитоценоза (автоморфные условия), фитолиты тростника (аквальные условия) и фитолиты сорной растительности (признаки ведения сельскохозяйственных работ). Микробиоморфная фракция содержит много спикулы губок и диатомовых водорослей, являющихся признаками дополнительного увлажнения профиля почвы.

Образец Vz 356, глубина 9-10 см; Количество микробиоморфов больше относительно вышележащего образца. Состав и соотношение микробиоморф аналогичен предыдущему образцу.

Вывод по рассмотренному образцу. Относительное повышение содержания микробиоморф, скорее всего, связано с изменением режимов увлажнения почвенного профиля от непромывного к периодически промывному. Состав и соотношение групп микробиоморф также свидетельствует о проведении мелиоративных работах.

Образец Vz 355, глубина 14-15 см; В образце содержится мало аморфной органики, пыльцы и споров грибов. Фитолитов и диатомовых водорослей много (Рис.3, В, Г). Фитолитный комплекс схож с другими вышележащими образцами.

Вывод по просмотренному образцу. Вывод аналогичен предыдущему образцу.

Образцы Bz 354 (19-20), Bz 353 (24-25) Bz 352 (29-30):

Микробиоморфы единичны. В нижнем образце обнаружены фитолиты тростника

Вывод по просмотренному образцу. Минеральный горизонт.

Арык №4. Шурф вблизи канала. Орошаемое поле.

Объект представляет собой орошаемый участок поля, окруженный с трех сторон валами.

Образец Bz 389, глубина 4-5 см; Образец сильно обогащен микробиморфной фракцией. Много обломков спикул губок и целых диатомовых водорослей. Фитолитный спектр идентичен спектрам образцов из гумусового горизонтов канала №2: фитолитный комплекс степного фитоценоза и фитолиты тростника.

Вывод по просмотренному образцу. Микробиоморфный комплекс отражает произрастание степной растительности до момента строительства оросительной системы и последующее орошение полей.

Образец Bz 388, глубина 9-10 см; В образце много микробиморф: спикул губок, диатомовых водорослей и фитолитов. Фитолитный комплекс степного фитоценоза и фитолиты тростника. Кутикулы растительной ткани единичны.

Вывод по просмотренному образцу. Вывод аналогичен предыдущему образцу. Кутикулы растительной ткани служат дополнительным доводом о синлитогенном образования данного почвенного горизонта или агротурбации, в результате которой кутикулы попали с поверхности почвы на глубину.

Образец Bz 386, глубина 19-20 см; Микробиоморфный комплекс близок относительно вышележащих образцов. Имеются фитолиты сорных растений.

Вывод по просмотренному образцу. Общий состав и соотношение групп микробиоморф близок к образцам почвы канала №2, что подтверждает близкие условия их функционирования.

Образец Bz 385, глубина 24-25 см; Образец слабо обогащен микробиоморфами.

Вывод по просмотренному образцу. Минеральный горизонт.

Магистральный канал

Образцы отобраны на днище магистрального канала, который выполнял функции по дренажу и орошению наиболее возвышенной части мелиоративной системы.

Образец Vz 378, глубина 4-5 см; Образец сильно обогащен микробиморфной фракцией, хотя общая концентрация ниже, чем в других разрезах. Много обломков спикул губок и целых диатомовых водорослей. Фитолитный спектр идентичен спектрам образцов из гумусового горизонтов канала №2 и полей.

Вывод по рассмотренному образцу. Микробиоморфный комплекс отражает произрастание степного фитоценоза до момента мелиоративных работ и последующее орошение полей. Относительная пониженная концентрация микробиоморфов в образце позволяет считать магистральный канал одним из источников накопления микробиоморфов на полях и каналах, расположенных в более пониженной части оросительной системы.

Образец Vz 377, глубина 9-10 см; Образец сильно обогащен микробиморфной фракцией. Много обломков спикул губок и целых диатомовых водорослей. Фитолитный спектр идентичен спектрам образцов из гумусового горизонтов канала №2: фитолитный комплекс степного фитоценоза и фитолиты тростника.

Вывод по рассмотренному образцу. Вывод аналогичен предыдущему образцу.

Образец Vz 376, глубина 14-15 см; Общая концентрация микробиоморфов близка к вышележащему образцу. Диатомовых водорослей и спикул губок мало. Фитолитный спектр степного фитоценоза и фитолиты тростника.

Вывод по рассмотренному образцу. Микробиоморфный комплекс позволяет подтвердить проведение оросительных работ на землях, прилегающих к территории памятника.

Образец Vz 375 (19-20), Vz 374 (24-25); Концентрация микробиморфов низкая.

Вывод по рассмотренному образцу. Минеральный горизонт.

Валик

Образцы отобраны с валиков, образованных из гумусового материала окружающих почв. Валики предназначены для регулирования потока вод с целью создания определенного

уровня увлажнения почв на разных гипсометрических уровнях оросительной системы.

Образец Vz 368, глубина 4-5 см; Образец обогащен микробиморфной фракцией, хотя их концентрация ниже в два раза, чем в каналах. Много целых диатомовых водорослей. Характеристики фитолитного спектра не выходят за рамки спектров образцов, взятых из других частей оросительной системы. Кутикулы единичны.

Вывод по рассмотренному образцу. Микробиморфный спектр орошаемой степной почвы.

Образец Vz 367 (9-10), Vz 366 (14-15), Vz 365 (19-20); Состав микробиморфной фракции близок к предыдущему образцу. Относительное повышенное содержание биоморф.

Вывод по рассмотренному образцу. Микробиморфный спектр орошаемой степной почвы. Регрессивное распределение микробиморф позволяет определить признаки вспашки, которая предшествовала строительству валика.

Образец Vz 364, глубина 24-25 см; Единичные фитоциты.

Вывод по рассмотренному образцу. Минеральный горизонт.

Общий вывод по рассмотренным колонкам образцов

В изученных образцах довольно большое содержание микробиморф, среди которых имеются признаки применения орошения земель: диатомовые водоросли, спикулы губок и фитоциты тростника.

Малое количество аморфной органики и пыльцы в образцах из нижней части гумусового и солонцового горизонтов относительно вышележащих образцов соответствует общей логике аккумулятивного распределения веществ по профилю почвы. Но большое содержание фитоцитов и диатомовых водорослей в нижних образцах гумусово-солонцовой части почвы находится в противоречии с логикой профильного распределения других биоморф. Данный факт следует объяснить постоянным накоплением в этой части профиля фитоцитов и диатомовых водорослей при периодическом перепахивании слоя, что приводило к снижению их концентрации в верхней части почвы и аккумуляции их внизу (Свирида, Гольева, 2016). При орошении происходил перенос микробиморф в пространстве -

из почв расположенных в верхних гипсометрических позициях (магистральный канал) в почвы каналов и орошаемых полей расположенных ниже. Кроме того, почти 900-летний период постмелиоративного этапа функционирования земель привел к новому накоплению микробиоморф, которое послужило причиной для относительно аккумулятивного распределения микробиоморф в отличие от орошаемых почв, находившихся в погребенном состоянии, в которых сохранилось регрессивно-аккумулятивное распределение микробиоморф.

Статистическая обработка результатов микробиоморфного анализа. Результаты дискриминантного анализа подтвердили различия в микробиоморфных комплексах почв по наличию признаков древнего орошения по Root 1 (λ Уилкса=0,02, $p<0,000$) (рис.5). В отрицательной области координат расположена фоновая *палеочерноземная почва*, а в противоположной – *древнеорошаемые почвы*. По результатам корреляционного анализа состава микробиоморфного комплекса и Root 1 при $p<0,05$ выявлена сильная взаимосвязь ($r=0,7-0,99$) группы древнеорошаемых почв с обнаруженными осколками спикул губок, целыми скелетами диатомовых водорослей, седловидными и веерообразными формами фитоцитов. Средняя корреляционная взаимосвязь ($r=0,5-0,69$) имеется с осколками скелетов диатомовых водорослей, удлинненными дендровидными формами фитоцитов и общей суммой фитоцитов и микробиоморф. Обнаруженные корреляционные связи диагностируют переувлажненные условия функционирования почв – это скелеты микроорганизмов спикулы губок, микроводоросли–диатомовые, а также веерообразные фитоциты тростника (*Phragmites* sp.). Дендровидные фитоциты часто определяют группу культурных злаков (?), которые при большом объеме выборки могут помочь в определении растений, которые возделывались на полях (Rosen, Weiner, 1994; Ball T., 1996; Rosen, 2000; Berlin et.al., 2003; Devos et.al., 2009, 2013a, b; Ball T. et.al., 2009; Houyuan et.al. 2009; Engovatova, Golyeva, 2012; Balbo et.al., 2014; Свирида, Гольева, 2016).

Микробиоморфный комплекс целинной палеочерноземной почвы имеет облик сухой степи. Наиболее отличительным при-

знаком фона от сельскохозяйственно используемых почв является наличие усеченных конусовидных форм фитолитов ($r=0,73$ при $p<0,005$).

Группа древнеорошаемых почв в разных функциональных частях оросительной системы согласно результатам дискриминантного анализа различаются по Root 2. Хотя микробиоморфный комплекс орошаемых почв отличен от фона (Root 1), но внутри группы резко выделяется микробиоморфный комплекс магистрального канала (Эль-позиция). В своеобразии микробиоморфного комплекса канала большой вклад вносит наличие кубовидных гладких форм фитолитов ($r=0,75$ при $p<0,005$), идентификация растений по которым пока вызывает затруднение. Остальные древнеорошаемые почвы отличаются более обогащенной микробиоморфной фракцией и относительно большое количество нецелых скелетов диатомовых водорослей, что объясняется транзитным положением почв в рельефе. Накопление мелкодисперсного материала (в т.ч. микробиоморф) в почвах из почв более повышенных форм рельефа происходило в результате водной

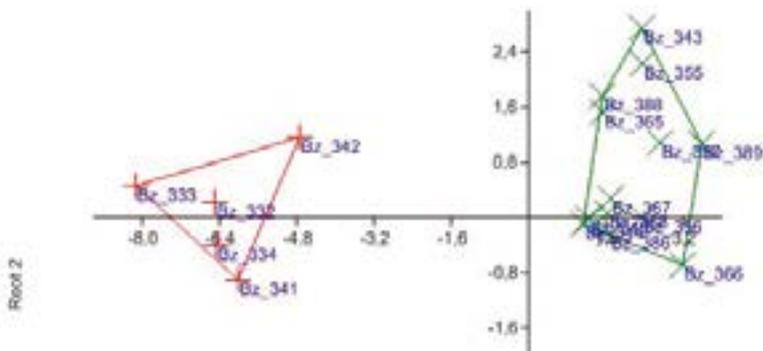

Рис. 5. Двухкоординатный график распределения микробиоморфных комплексов изученных образцов в пространстве двух корней. Обозначения: фон: Vz_333 – Vz_342 – погребенный палеочернозём текстурно-карбонатный; древнеорошаемые почвы: погребенный агрообразём текстурно-карбонатный (XI-XII вв.) – Vz_343 – Vz_345; дневные агрообразёмы солонцовые гидрометаморфизованные: Vz_355 – Vz_357 – распределительный канал второго порядка, Vz_376 – Vz_378 – магистральный канал; Vz_386 – Vz_389 – арык.

эрозии. Водная эрозия является обязательным следствием слабо контролируемого полива. Дополнительным аргументом в пользу излишнего переувлажнения и водной эрозии почв может послужить наличие фитолитов тростника, которые предпочитают расти в субаквальных условиях.

Заключение

Комплексное изучение оросительной системы археологического микрорайона городища Бозок подтвердило ранее сделанные выводы исследователей о наличии у скотоводческих племен Северного и Центрального Казахстана опыта по проведению мелиоративных работ (Маргулан, 1978, 1979; Грошев, 1996).

Дневные почвы и палеопочва X-XII вв. несут в себе признаки сельскохозяйственного использования территории микрорайона. Среди наиболее устойчивых признаков следует считать наличие свидетельств дополнительного полива земель водами из мелководного водоема (спикулы губок, диатомовые водоросли и фитолиты тростника) и вспашки (регрессивное распределение фитолитов по профилю).

Почти тысячелетняя история постмелиоративного периода функционирования почв не привела к стиранию признаков былого антропогенного преобразования почвенных профилей, что позволяет считать антропогенный фактор в степной зоне одним из ведущих факторов почвообразования для конца голоцена.

Антропогенное преобразование прилегающих земель к городищу Бозок (создание западинно-бугристого микрорельефа, сооружение линейных каналов, направленных с повышенных форм рельефа к понижениям) значительно определило дифференциацию современного почвенного покрова микрорайона в условиях увеличения гидроморфности почвообразования, засоления почв и развития локальных эрозионных процессов.

Таким, образом, междисциплинарное исследование позволило определить наличие очага развитой земледельческой культуры в X-XII вв. в Северном Казахстане.

Таблица 4. Полуколичественное содержание микробиоморф (городище Бозок, 2015 г.).

№ пробы	№ лоб.	Глубина м*, см	Цвет фации	Аморф или органика	Детрит	Кунжуты	Степные грибы	Пыльца	Корич.	Угольки	Фитолиты	Спoresы Диктиококков
F-I, квартал Ю-В. Фос.												
4	Вз. 24	5-1	бурая	---	-	-	-	-	-	-	---	Ед.-
3	Вз. 23	4-3	бурая	-	-	-	Ед.	Ед.	-	-	---	Ед.-
2	Вз. 22	9-10	бурая	-	-	-	-	-	-	-	-	Ед.-
1	Вз. 21	14-13	бурая	-	-	-	-	-	---	-	-	-
F-II, квартал Ю-В. Фос.												
3	Вз. 42	5-1	бурая	---	-	Ед.	-	Ед.	---	-	---	Ед.-
2	Вз. 41	4-3	бурая	---	-	-	---	Ед.	---	-	---	Ед. Ед.
1	Вз. 40	9-10	бурая	---	-	-	-	-	---	-	-	-
F-IV, квартал Ю-В. Северо-западной стелы												
3	Вз. 43	20-30	бурая	---	-	Ед.	-	-	---	---	---	- Ед.
2	Вз. 44	34-35	глинисто-бурая черная	-	-	Ед.	-	Ед.	-	---	---	Ед.-
1	Вз. 45	39-40	бурая	-	-	-	-	-	---	---	---	-
Кварт. I. Восточная стена												
11	Вз. 57	4-5	Черная	---	---	Ед.	-	-	-	-	---	---
10	Вз. 56	9-10	Черная	---	-	-	Ед.	-	Ед.	-	---	---
9	Вз. 55	14-15	Черная	-	-	-	-	Ед.	-	---	---	Ед.-
8	Вз. 54	19-20	бурая	-	-	-	-	-	-	Ед.	-	Ед.-
7	Вз. 53	24-25	бурая	-	-	-	-	-	-	-	Ед.	-
6	Вз. 52	29-30	глинисто-бурая	---	-	-	Ед.	-	---	Ед.	Ед.	Ед.-
Археи № 4. Шурф западной впадины квартала												
11	Вз. 69	4-5	Черная	---	-	-	-	-	-	---	---	---
10	Вз. 68	9-10	глинисто-бурая	---	-	Ед.	Ед.	-	-	-	---	---
8	Вз. 66	19-20	Черная	---	-	-	-	-	-	---	---	Ед.-
7	Вз. 65	24-25	бурая	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кварт.												
11	Вз. 65	4-5	Черная	---	-	Ед.	Ед.	-	-	-	---	Ед.-
10	Вз. 67	9-10	Черная	-	-	-	Ед.	Ед.	Ед.	-	---	Ед.-

Примечание: * – глубина от уровня погребенной поверхности; Ед. – единично; «+» – мало; «++» – среднее; «+++» – много.

Список литературы

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969. 253 с.

Антипов-Каратаев И.А., Филиппова В.Н. Влияние длительного орошения на почвы. М.: Изд-во АН ССР, 1955. 206 с.

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ, 1970. – 487 с.

Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: Таус, 2013. 272 с.

Воробьева Л.С. Химический анализ почв: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1998. 272 с.

Гаврилов Д.А., Хабдулина М.К. Древние орошаемые почвы Бозокского археологического района Северного Казахстана (11–12 вв.) // Археология, этнология и антропология Евразии. 2018, Т.46, №4, с.83-93. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.4.083-093>

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М.–Сыктывкар–Элиста, 2001. 140 с.

Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М.: УРСС, 2008. 256 с.

Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. Алматы, 1996. 357 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Издательство Академии Наук Узбекской ССР, 1957. 313 с.

Качинский Н.А. Механический и микроагрегатный состав почвы, методы его изучения. М., 1958. 192 с.

Классификация и диагностика почв России / Авторы и составители: Л.Л. Шишов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева, М.И. Герасимова. Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с.

Ковда В.А. Происхождение и режим засоленных почв. В 2х т. Т.1. М.- Л., 1946. 574 с.

Корсунов В.М., Красеха Е.Н. Пространственная организация почвенного покрова – Новосибирск, 1990. 200 с.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.3-37.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. – 360 с.

Пономарева В.В., Плотникова Т.А. Методика и некоторые результаты фракционирования гумуса черноземов // Почвоведение. 1968. №11. С. 69–76.

Прудникова Т.Н. Древнее земледелие и трансформация ландшафтов в Центральной Азии. Санкт-Петербург: ООО ИД «Сциентиа», 2020. 196 с.

Свирида Н.М., Гольева А.А. Диагностика средневековой распахки при помощи фитолитного анализа на примере археологических памятников Кукарки и Княжич Московской области // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. 2016. Т. 7. № 1 (13). С. 116-131. <https://doi.org/10.17816/edgsc71116-131>

Семенов Л.Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа// Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата: Казиздат, 1930. №1. С. 77-87.

Сунчугашев Я.И. Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии. – Абакан: Хак. отд. Крас. кн. изд-ва, 1990. – 96 с.

Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография, 1947, №3. С. 55-102.

Тихонов С.С. Полевые материалы 1929 года и изучение древностей Акмолинска // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 151-154

Тюрин И.В. К методике анализа для сравнительного изучения состава почвенного перегноя и гумуса // Труды Почв. Ин-та АН СССР. Т.38. 1951. С. 5–21.

Хабдулина М.К. Жилища средневекового городища Бозок (X-XII вв.) // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного Конгресса. Т.1. Казань, 2007. С.143-147.

Ball T., Ehlers R. and Standing M.D. Review of typologic and morphometric analysis of phytoliths produced by wheat and barley // *Breeding Science*. 2009. 59. P. 505–512. <https://doi.org/10.1270/jsbbs.59.505>

Ball T. Identifying Phytoliths Produced by the Inflorescence Bracts of Three Species of Wheat (*Triticum monococcum* L., *T. dicoccon* Schrank., and *T. aestivum* L.) Using Computer-Assisted Image and Statistical Analyses // *Journal of Archaeological Science*. 1996. 23. P. 619–632. <https://doi.org/10.1006/jasc.1996.0058>

Ball T., Chandler-Ezell K., Duncan N., Dickau R., Hart T.C., Iriarte J., Lentfer C., Logan A., Lu H., Madella M., Pearsall D. M., Piperno D., Rosen A. M., Vrydaghs L., Weisskopf A., Zhang J. Phytoliths as a tool for investigations of agricultural origins and dispersals around the world // *Journal of Archaeological Science*. 2015. 68. P. 32-45. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.08.010>

Berlin M.A., Ball T., Thompson R., Herbert Sh. C. Ptolemaic Agriculture, “Syrian Wheat”, and *Triticum aestivum* // *Journal of Archaeological Science*. 2003. 30. Is.3. P.115-121. <http://dx.doi.org/10.1006/jasc.2002.0812>

Devos Y., Nicosia C., Vrydaghs L., Modrie S. Studing urban stratigraphy: Dark earth and a microstratified sequence on the site of the Court of Hoogstraeten (Brussels, Belgium) // *Quaternary International*. 2013a. 315. P.147-166. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.07.024>

Devos Y., Wouters B., Vrydaghs L., Tys D., Bellens T. A micromorphological study on the origins of the early medieval trading centre of Antwerp (Belgium) // *Quaternary International*. 2013b. 315. P. 167-183. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.07.014>

Devos Y., Vrydaghs L., Degraeve A., Fechner K. An archaeological and phytolitarian study of the “Dark Earth” on the site of Rue de Dinant (Brussels, Belgium) // *Catena*. 2009. 78, Is. 3. P. 270-284. <https://doi.org/10.1016/j.catena.2009.02.013>

Engovatova A., Golyeva A. Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia): history, development, and landscape reconstruction // *Quaternary International*. 2012. 265. P. 54-62. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.02.039>

Houyuan Lu, Jianping Zhang, Naiqin Wu, Kam-biu Liu, Deke Xu,

Quan Li Phytoliths Analysis for the Discrimination of Foxtail Millet (*Setaria italica*) and Common Millet (*Panicum miliaceum*) // PLOS. 2009. February 12. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0004448>

Rosen A.M. Phytolith analysis in Near Eastern archaeology, in: S. Pike, S. Gitin (Eds.), *The Practical Impact of Science on Near Eastern and Aegean Archaeology*, Weiner Laboratory monograph 3, Archaeotype Publications, London, 2000. P. 9-15.

Rosen A.M., Weiner S. Identifying ancient irrigation: a new method using opaline phytoliths from emmer wheat // *Journal of Archaeological Science*. 1994. 21. P. 132-135. <https://doi.org/10.1006/jasc.1994.1013>

Sandor J.A., Huckleberry G., Hayashida F.M., et al. Soils in ancient irrigated agricultural terraces in the Atacama Desert, Chile // *Geoarchaeology*, 2021, 1–24. <https://doi.org/10.1002/gea.21834>

Li Y., Storozum M. J., Wang X., Guo W. Early irrigation and agropastoralism at Mohuchahangoukou (MGK), Xinjiang, China // *Archaeological Research in Asia*, 2017, Vol. 12. P.23-32. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2017.09.005>

Марал Хабдулина, Татьяна Кошман

К.А. АКИШЕВ О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ – ЗАПОВЕДНИКА «БОЗОК»*

Цель статьи осветить историю идеи создания музея-заповедника Бозок от этапа постепенного накопления археологического источника, свидетельствующего о глубокой древности освоения верховьев р. Есиль древнейшим и древним человеком до масштабных раскопок средневекового городища Бозок, предоставившего уникальный материал о более чем тысячелетнем возрасте современной столицы Казахстана городе Нур-Султан. Этот материал и стал основой необходимости сохранения исторической зоны Астаны – Нур-Султана через музеефикацию археологического памятника и формирования условий для развития культурного и интеллектуального туризма.

Статья состоит из трех разделов: 1) краткая история освоения территории столицы в древности и средневековье; 2) вклад К.А. Акишева в разработку концепции музея-заповедника Бозок (1999-2003 гг.); 3) продолжение археологических раскопок городища Бозок и предложения научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева к концепции музея под открытым небом Бозок.

Географически столица Казахстана, город Нур-Султан расположен в верховье р. Есиль. От устья на протяжении 500 км река течет с востока на запад. В урочище Жаркайын-агаш, в районе с. Есиль русло упирается в скалистые северные отроги гор Улутау и резко поворачивает на север. Дальше она течет меридионально и через 1700 км впадает в Иртыш, принадлежащий бассейну Северного Ледовитого океана. Река Есиль в широтном течении разделяет две крупные географические провинции Казахского мелкосопочника: Кокшетаускую возвышенность на севере и Тенгиз-Коргалжинскую впадину на юге. С Кокшетауской возвышенности в реку Есиль впадают ее основные притоки.

* Опубликовано: Музей, музеология, және мәдени мұра: ғылыми - тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17-18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан. – С. 6-18.

В верховье река Есиль течет то в узком скалистом ложе, то коренные берега ее расходятся на громадные расстояния. В этой широкой пойме русло реки петляя, образует многочисленные рукава и старицы. Старицы богаты рыбой, долина реки покрыта заливными лугами, берега окаймлены невысокими увалами. В районе г. Нур-Султана к Есилью наиболее близко подходит река Нура. Здесь их разделяет пространство в 40 км. В половодье воды двух рек сливались. Окрестности столицы имеют равнинный степной рельеф. Столь благодатные природные условия, возможность быстрого продвижения и комфортного обитания привлекали людей с глубокой древности.

Самые древние свидетельства обитания здесь людей относятся к каменному веку. Наиболее достоверная дата освоения человеком Нура-Есильского водораздела – 700 тыс. лет назад. По мнению исследователя палеолита В.С. Волошина, человек непрерывно обитал здесь на протяжении всего плейстоцена от 500 тыс. до 20 тыс. лет назад (Волошин, 2005, с. 13-14). В эпоху плейстоцена ранний человек охотился здесь на древних носорогов – эласмотериев, гиппарионов, гигантских оленей, шерстистых носорогов, мамонтов. Следы обитания в окрестностях Астаны мезолитического и неолитического человека – также многочисленны.

Следующий исторический период – эпоха бронзы на территории г. Нур-Султана представлена материалами могильников Куйгенжар, Балыкты. В 70-80-е годы XX в. в окрестностях Акмолы археологическая экспедиция Целиноградского историко-краеведческого музея вела раскопки поселения Елизаветинское, могильника Ижевское. Памятники эпохи бронзы датируются II тыс. до н.э. и относятся к знаменитой андроновской археологической культуре (Усманова, 2005).

С 1997 г. со времени переноса столицы в Акмолу-Астану на территории столицы и Акмолинской области археологические исследования ведет Есильская археологическая экспедиция Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Самым крупным объектом исследования является городище

Бозок (VIII-XVI вв.). В 2007, 2009 гг. на проспекте Сыгнак Есильской археологической экспедицией раскопан храм-святилище Сыгнак, в урочище Куйгенжар в 2002, 2005, 2018 гг. велись раскопки могильников эпохи бронзы и раннего железного века (Свиридов, Ярыгин, Сакенов, 2014; Хабдулина, 2016).

Средневековая эпоха в Астане-Нур-Султане представлена одним из самых известных археологических объектов степной зоны Казахстана – городищем Бозок. Материалы его представляют интерес для средневековой археологии Евразии. Для истории столицы открытие городища Бозок имеет значение с двух историко-культурных позиций: 1) как подтверждение избранности этого места в качестве урбанизированного центра более тысячи лет назад; 2) длительное сохранение его высокого статуса как особого сакрального пространства течение восьми столетий (VIII-XVI вв.).

Городище Бозок расположено в левой пойменной долине Есиля. Раскопки памятника велись с 1999 по 2014 г. Площадь городища 30 га. Руины его строений занимают возвышенный восточный берег оз. Бузукты. Структура городища включает две функционально различные единицы: жилищно-производственные строения и погребальные (культовые) сооружения. Эти объекты возникли не одновременно. Это было место, куда люди постоянно возвращались в течение столетий, обживали его, достраивали, либо хоронили, пристраивая могилы к стоявшим мавзолеям. В этом тоже заключается особая избранность этого места, его духовная аура, привлекавшая людей. В этом заключается менталитет степного населения, избиравшего для жизни места, освященные покровительством предков.

В результате наших раскопок в истории Бозока выделены три периода. Поселение возникает в VIII-IX вв. как военная ставка, административная резиденция кипчакского султана, контролировавшего важный узел торговых караванных трасс Степного шелкового пути. Второй этап в истории Бозока приходится на период возвышения в степях Казахстана

Кипчакского ханства (X-XII вв.). Третий период освоения этого места начинается в золотоордынскую эпоху (XIII-XIV вв.) и продолжается до Казахского ханства (XV-XVI вв.). Руины городища Бозок приобретают статус культового центра и становятся местом погребения элиты средневекового населения Нура-Есильского региона. Возможно, здесь был похоронен один из первых мусульманских миссионеров, могила которого стала святыней. На городище Бозок исследованы остатки пяти мавзолеев, построенных из сырцового и обожженного кирпича.

В настоящее время городище Бозок оказалось в черте городской застройки. Архитекторы учли городище Бозок и вписали его на главную ось застройки столицы: прошлое (Бозок), настоящее (центральная площадь с Ак-Ордой), будущее (университетский городок).

Одним из способов сохранения объектов, имеющих особую историческую и культурную ценность, является создание на их базе заповедных зон, культурно-исторических парков. К числу таких объектов относится средневековое городище Бозок. Особое значение памятника заключается в том, что Бозок – это прямой предок Акмолы-Астаны-Нур-Султана.

1) В 1998 году по инициативе Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева организована Есильская археологическая экспедиция с целью проведения научных исследований в междуречье Нура-Ишим – Иртыш. 29 июня 1999 года в Администрации Президента Республики Казахстан под председательством С.С. Калмурзаева проведено специальное совещание по вопросу организации Ишимской научной экспедиции под руководством академика К.А. Акишева.

Раскопки археологического памятника Бозок начались сразу же в 1999 г. Ишимской экспедицией Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Первоначально (1999 г.) памятник был назван городище Акжол. Позднее, после изучения дополнительных материалов о происхождении гидронима «Бузук», сохранившегося в названии озера, памятник в 2000 году переименован в городище Бузук. Название «Бозок»

археологический памятник получил в 2003 г. после встречи К.А. Акишева с Первым Президентом Н.А. Назарбаевым и обсуждения результатов пяти лет раскопок средневекового городища.

По результатам первого года раскопок научное исследование городища Акжол включено в перечень основных заданий и показателей на 2000-2003 годы программы фундаментальных исследований, имевших цель: «исследовать закономерности и особенности исторического процесса на территории Казахстана по археологическим источникам с целью возрождения и развития историко-культурного наследия Казахстана».

По мнению К.А. Акишева, открытие городища Бузук в окрестностях Астаны было перспективным для исследования происхождения исторического города Акмола (Акишев, 2008, с. 21). Среди материалов рукописного фонда известного археолога к 2001 году появляются следующие характеристики городища: «Бузук – это Мекка археологов степной Евразии», «Бузук – это узловой пункт на перекрестке Степного шёлкового пути», «Бузук – это резиденция и военная ставка огузо-кыпчакского вождя». Это говорит о том, что Бузук – это не просто городище, это самобытная культура и своеобразный архитектурно-планировочный облик средневекового города степной цивилизации Восточной Евразии.

К 2003 году К.А. Акишев осознает важность археологического объекта и обращается с письмом к Первому Президенту РК Н№ Назарбаеву о создании историко-археологического городка Бозок. В письме говорится: «Ишимская археологическая экспедиция за четыре года (1999 – 2002 гг.) провела масштабные раскопки остатков средневекового городища Бузук (X-XII вв.). Результаты научных исследований исторической топографии, семантики планиграфии и функции Бузока дают основание сделать важные выводы. Бузук – это город-крепость типа ордакента – сезонная административная резиденция правителя и военная ставка, возникшая на священном месте, где располагались три мавзолея с могилами предков и высокий минарет – башня, возведенные из качественно обожжённого кирпича квадратной формы. Вероятно,

минарет был орнаментирован тремя поясами, выложенными резной терракотой. Находки арабской серебряной монеты и китайского бронзового зеркала уточняют датировку города. Несомненно, Бозок, кроме военно-административного играл роль в духовной жизни населения как святыня, куда приходили на поклонение, устраивали праздники и тризны. Он основан на трассе Степного шелкового пути, соединявшего Китай с Русью и Византией, служил местом стоянок и ночлега караванов и путников, являлся также важным географическим ориентиром, что имело жизненное значение в редко населенной степи.

Реконструкция и популяризация исторического прошлого столицы имеет большое воспитательное значение для населения столицы и области. Музей под открытым небом, несомненно, будет интересен и привлечет иностранных туристов и гостей. По мнению К.А. Акишева данный комплекс должен был состоять из трех археологических объектов. Первый – центральная часть – ордакент с культовыми зданиями (мавзолеи, минарет), жилыми и административными строениями, типа шатра, юрт и шошала и военно-фортификационными сооружениями: рвы, валы, укрепленные деревянными щитами и телегами. Второй – производственные постройки для изготовления и формовки кирпича, кирпичеобжигательные печи. Третий объект – порталый мавзолей с захоронением в кирпичном склепе и надмогильным сооружением типа саганы, покрытой алебастровой штукатуркой и полихромной росписью. Предлагалась также постройка выставочного павильона для демонстрации новых археологических и этнографических коллекций, а также, декоративных киосков для продажи национальных сувениров.

В ответ на данное обращение Н.А. Назарбаев поддержал идею, предложенную К.А. Акишевым и рекомендовал столичному акимату «совместно с профессором К. Акишевым рассмотреть возможность сооружения объекта». По поручению Первого Президента РК (распоряжение № 805 от 26 февраля 2003 г.) начата подготовка по созданию историко-археологического музея-заповедника «Бозок». Проведены согласования между МОН, МКИОС РК, акиматом г. Астаны, Департаментом архитектуры и градостроительства.

В последующем многие известные исследователи поддержали идею о необходимости музеефикации объекта. Так, Э.Р. Усманова отметила, что Бозок принципиально самостоятелен в своей организации, а загадочность местоположения Бозока и есть первоначальная основа для музеефикации. Бозок, считает автор, это мемориальный ансамбль, соединяющий в себе две сущности – обыденную и священную и совершенно необходимо при музеефикации памятника сохранить этот древнетюркский мировоззренческий контекст [6, с. 99].

В октябре 2005 года Постановлением акимата г. Астаны городище Бозок было включено в Список памятников историко-культурного наследия местного значения.

В 2017 году городище Бозок вошло в число сакральных объектов Казахстана общенационального значения. В сборнике «Сакральных объектов Казахстана общенационального значения» говорится, что Бозок является одним из самых известных центров знаменитого Степного Шелкового пути, который в древности связывал Запад и Восток, и как продолжение традиций, Астана сегодня стала золотым мостом западной и восточной цивилизации» [7, с. 103].

2) Научно-исследовательский институт археологии имени К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева продолжил раскопки городища и на протяжении многих лет разрабатывал концепцию музея-заповедника «Бозок».

Исследование городища Бозок свидетельствует, что столица расположена на важном узле транспортных торговых и караванных магистралей. Начиная с эпохи бронзы, Центральный Казахстан вовлечен в систему экономических связей Старого света. В средние века через брод Караоткель проходили караваны, связывавшие экзотические страны Центральной Юго-Восточной Азии с далеким арктическим краем. Брод Караоткель пересекали и широтные торговые и миграционные пути, ведущие из Южной Сибири в Восточную Европу. Материалы, полученные в ходе раскопок городища Бозок, пополняют исторические знания по древней и средневековой Астане.

Особая роль отведена развитию г. Нур-Султан в «Стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентноспособных стран мира» В пункте 2.9. указано: «За короткое время Астана уже стала современным крупнейшим быстрорастущим городом страны. Ей под силу стать образцовой столицей на евразийском пространстве, и служить основой для обеспечения устойчивого развития страны... Надо уделить ключевое внимание обновлению имиджа города как привлекательного места для мирового бизнеса, делового туризма, проведения научных и культурных мероприятий международного значения...».

Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева в концепции музеефикации городища Бозок предлагало создание специализированного учреждения «Национальный историко-археологический музей-заповедник «Бозок». Запрашивалась территория 3x3 км с центром - озеро Бузукты. Эта территория включает 14 сопутствующих археолого-этнографических объектов.

Центром будущего музея под открытым небом должно стать озеро Бузукты, вокруг которого и будет разворачиваться сценарий сохранения и развития городища Бозок. Озеро должно превратиться в активный объект рекреационной зоны. Предлагается: 1) разработать меры по частичной очистке водоема от камыша; 2) обустроить западный берег; 3) создать здесь стоянку катеров для водных экскурсий; 4) организовать детский развлекательный центр;

Национальный парк рассматривается как комплексный туристический и научно-исследовательский центр. Авторы концепции понимают, что это должен быть интересный туристический объект, приносящий значительный доход. По мнению авторов концепции, это возможно через размещение на площади историко-археологического музея культовых, производственных и жилых объектов древней и средневековой степной архитектуры не только для осмотра, но и непосредственного погружения в быт и духовный мир древних эпох. Предлагается разработать несколько сценариев экскурсионных маршрутов с учетом возрастных, социокультурных, научных предпочтений туристов.

Территория музея-заповедника, авторами разделялась на несколько зон: заповедная, хозяйственная, рекреационная, буферная. При входе на территорию музея «Бозок» расположить аллею менгиров, земляные и плиточные могилы эпохи бронзы. Дальше курган с усами, тюркские оградки, кипчакские мазары и скальные мавзолеи.

Проект предусматривал этнографическую площадку на северо-западном берегу озера Бузукты с реконструированным *чигирем* (устройство для подачи воды) и этнографическим жилищем с вещами хозяйственного назначения: сани, телега, инструменты кузнечного ремесла.

Все комплексы Музея под открытым небом соединяются пешеходными тропами. Общая протяженность маршрута – 3 км. Кроме историко-археологических объектов планировалось создание площадок археологической реконструкции, на которых желающие могут окунуться непосредственно в мир культуры прошлого. Сделать и обжечь керамические сосуды, глиняные кирпичи, изготовить каменные орудия труда. С целью привлечения туристов предлагается создать площадки для организации праздников. Например, Наурыза, встреча Нового года.

Историко-археологический музей «Бозок» должен стать туристической и экскурсионной достопримечательностью столицы и научным центром по изучению, охране и пропаганде историко-культурного наследия.

Одним из условий накопления экономического потенциала и привлекательности страны является туризм. Возможность претворения в жизнь концепции музеефикации археологического объекта, расположенного в черте города Астаны-Нур-Султана, не требует дополнительных расходов на создание туристической инфраструктуры, облегчает привлечение инвестиций в развитие научного и познавательного туризма, обеспечивает поддержку занятости населения.

Сохранение памятника, консервация его структурных частей позволит продолжить научное осмысление результатов исследования городища. Музеефикация памятника – это первый опыт бережного отношения к истории тюркоязычных народов Степи. При умелой организации данный объект будет конкурентоспо-

собным и имеет неограниченные перспективы развития. Необходимо создание на его базе научно-методического совета по проблемам музеефикации и охраны историко-культурного наследия, издание научно-методической литературы. Совместно с кафедрами Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева планируется обучение специалистов музейного дела.

В 2018 г. Правительство РК приняло Постановление о создании на территории Казахстана трех музеев-заповедников: «Ботай», «Бозок», «Сарайшык». В настоящее время при Министерстве культуры и спорта создан РГКП «Государственный историко-культурный музей заповедник «Бозок». Начато формирование концепции и макета музея-заповедника, ведутся работы по отводу земель и закреплению статуса музея-заповедника.

Литература

Волошин В.С. Предыстория окрестностей Астаны // Историко-политическая роль Астаны: сборник докладов участников научно-практической конференции. – Астана: Аппарат акима г. Астаны, 2005. – С. 9-16.

Усманова Э.Р. Культура народонаселения Нура-Ишимского междуречья в контексте евразийских сообществ эпохи бронзы // Историко-политическая роль Астаны: сборник докладов участников научно-практической конференции. – Астана: Аппарат акима г. Астаны, 2005. – С. 23-32.

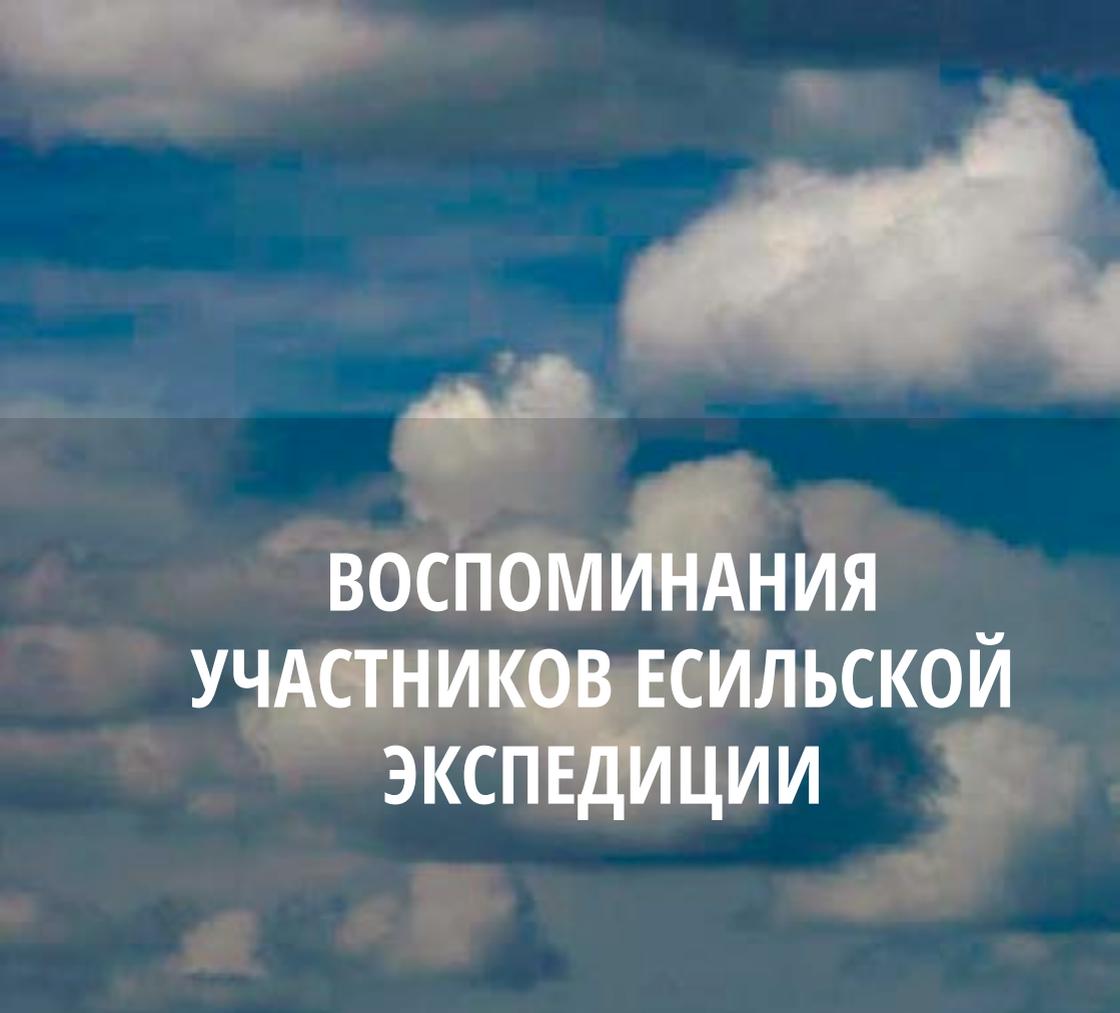
Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Сакенов С.К. Элитные курганы Акмолинской области // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева 22-24 апреля 2014 г. – Астана, 2014. – С. 576-596.

Хабдулина М.К. Храмы-святилища сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии / отв. ред. А. Онгарұлы. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. – С. 137-149.

Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок (1999 – 2001 гг.) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара. Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. – С. 20-24.

Усманова Э.Р. Знаковый код к пониманию музеефикации городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара. Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. – С. 99-100.

Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. – Астана: Фолиант, 2017. – 496 с.

**ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ ЕСИЛЬСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Эмма Усманова

НА БЕРЕГАХ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ...

Посвящается М. К. Хабдулиной

1973–1975 гг. Караганда, Дворец пионеров и школьников. Я пришла в кружок «Юный археолог». Кружки в давние социалистические времена были бесплатными и носили ярко выраженный просветительский характер. С нами, детьми, возились сотрудники и студенты-историки только что созданного Карагандинского университета в виду своего великого энтузиазма и желания обучить азам археологии. И, конечно забытое сегодня слово романтика как путеводная нить Ариадны, привела нас в археологический кружок, организованный Г. Б. Здановичем, сегодня всемирно известным ученым-археологом. Путешествие во времени и пространстве, вот что предлагала археология юным пытливым умам, которые дружно собрались в кружке, где я впервые и встретила с Марал Калымжановной Хабдулиной (далее в некоторых тезисах – МК). Она, выпускница Петропавловского педагогического института, работала лаборантом на историческом факультете Карагандинского государственного университета, попутно ведя занятия в детском археологическом кружке.

Признаюсь, я была несносным ребенком. Мне нравилось доводить МК до белого каления своими бесконечными вопросами. С вечно поднятой рукой, мой язык не уставал задавать вопросы, которых была масса. И честно, мне нравилось ставить в тупик своими вопросами МК, которая в красивых очках, в оправе, отдававшей перламутром, недоуменно смотрела на меня. Позже Марал призналась, что терпеть не могла меня в эти минуты, но терпеливо выслушивала и искала ответы. Уже тогда проявился педагогический дар МК – пестовать учеников и умение выслушивать их.

Фото 1. В. В. Варфоломеев, М. К. Хабдулина и Э. Р. Усманова. Караганда. Дворец пионеров и школьников, 1974 г.

Наши детские научные конференции – это проба пера и ума будущих ученых, ступень к науке. Мы готовились, старательно писали рефераты об острове Пасхи, допотопных цивилизациях. И наши детские научные студии обязательно обсуждались взрослыми студентами-археологами.

Впереди ждали первые экспедиции: Саргары, Алыпкаш, Петровка. Я помню родительский добрый и гостеприимный дом Хабдулиных в Сергеевке, который принимал нас пилигримов, идущих по дорогам тысячелетий. Добрая мама, которая всех кормила. Радушный отец, который прошел Великую Отечественную войну. Чудом остался жив – медсестра заметила, что он ранен, а не убит, и дотащила его до госпиталя. Кстати, родители Марал встречались на свиданиях около кургана Кенес, который впоследствии был исследован МК.

Навсегда в памяти и костер на берегу реки Жабайки, под искры которого МК читала стихотворение Николая Гумилева «Жираф». Эти поэтические строки вводили во Вселенную поиска и открытий.

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Фото 2. Маралочка. Северо-Казахстанская археологическая экспедиция, 1970-е гг.

1975–1980 гг. Карагандинский государственный университет, исторический факультет. Ура! Я поступила. Надо было учиться полевой, настоящей археологии. Детская романтика археологии отодвинулась в сторону, уступив место вдумчивому исследованию. А это полевые чертежи, сантиметры, метры, глубина, метры бровок и профилей. МК классно учила описывать памятник. О, скажу вам, скучное занятие для начинающего археолога. Нужны же сокровища, находки, сенсации. Но именно за таким тщательным анализом археологического памятника кроится формула открытия.

(Тезис от археолога Н. О. Ивановой, Челябинск). Заповедью для всех археологов в нашей экспедиции были слова Г. Б. Здановича, что раскапывая древний памятник – мы его разрушаем и то, как он зазвучит в исторической науке зависит от того насколько тщательно мы зафиксируем процесс исследований. Наверное, поэтому все археологи владеют фотокамерой и азами видеосъемки, а настоящими профессионалами в этом стали Таиров и Усманова.

Фото З. М. К. Хабдулина и Н. О. Ивановой, Челябинск, 1980-е гг.

Отчетливо помню свою первую студенческую конференцию в Уральске, УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Все мы вышли из УПАСКа. К слову, сказать, именно научная атмосфера этой студенческой конференции сформировала сегодняшнюю элиту Евразийской археологии бывшего Советского Союза.

МК требовала, чтобы чертежи на конференцию были отменного качества. В моей жизни это была первая конференция. Тогда же не было презентации в PowerPoint и других компьютерных программ. Чертить, рисовать – все ручное исполнение, hand made. Моя мама упростила своего друга из Политехнического института достать ватман высшего сорта с голубоватым отливом, что называлось тогда по блату (жаргонное слово, обозначающее связи, знакомства, используемые в личных целях...). И презентация наконечников стрел из могильника Алыпкаш была сделана на высшем уровне. К слову сказать, когда моя мама познакомилась с Марал, она так и сказала: «Какой умный, проникновенный и красивый взгляд у твоей учительницы».

Всем, кто учился и учится у Марал Калымжановны – сказочно повезло обучиться понимать линию полевого чертежа и рисунка, чертежей «волшебный узор».

*Эмиграционная стройность
и нег даана,
И шкуру его украшает
волшебный узор,
С которым равняться
осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге
широких озер.*

Фото 4. За камеральной обработкой. СКАЭ – 1970-е гг.

1980–1990 гг. Окончен университет. Пройдены первые уроки жизни. Организованы свои первые экспедиции и детский археологический кружок «Эх, раскопаем!» в Дзезказгане. После возвращения в родной университет, началась моя «Лисаковская Троя» – раскопки памятников Лисаковской округи, которые продолжаются уже 35 лет.

(Тезис от археолога Н. О. Ивановой, Челябинск). Мы перестали быть учителями и учениками, а стали друзьями на всю жизнь. Маралочка (так зовут ее друзья) удивительно комфортный человек – теплый, заботливый, ценит хорошую шутку, любит громко хохотать, не выносит ссор и дразн.

Праздником стали встречи с МК в Москве, в годы ее учебы в аспирантуре. Потом стали традиционными поездки в Петропавловск, на празднования Старого Нового года. Марал Калымжановна работала старшим преподавателем кафедры истории Петропавловского пединститута. Именно в своей родной Alma Mater, Марал Калымжановна впервые состоялась как замечательный и вдумчивый лектор, который продолжает делиться своим знанием истории со студентами и магистрантами. Мир знаний, который она открывает каждый день на своих лекциях, всегда грамотно оформлен и выстроен.

Фото5. М. К. Хабдулина в башкирском женском костюме. Фотосессия в историко-краеведческом музее. Челябинск, 1980-е гг.

На эти зимние встречи в Петропавловск приезжала из Челябинска Надежда Иванова, наш верный друг и коллега. Это были встречи со своими друзьями-коллегами по Северо-Казахстанской археологической экспедиции. Радостные и светлые дни, когда общение приносило незабываемую память дорог юности. Обсуждались исследования памятников, таких как Актау, Ботай, которые сформировали новые исторические ресурсы древностей по степной цивилизации. И конечно, с языка не сходил только что открытый Аркаим, куда началось паломничество в «страну городов» степной Евразии.

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

1990–2010 гг. Яркий период в истории археологии Казахстана. Новые государственные программы, направленные на изучение культурного наследия страны. Успешные открытия отечественных археологов. Марал в новой жизненной ипостаси – супруга и соратник известного казахстанского археолога К.А. Акишева. Двери дома когда-то строгого в общении К.А. Акишева открылись для встречи археологов разных поколений, в этом была заслуга Марал. Это был союз людей, встретившихся и полюбивших друг друга уже в зрелом возрасте. Отсюда и трепетное бережное отношение друг к другу и радость от каждого дня, проведенного вместе. Традиция открытого дома для молодых археологов была продолжена в Астане, когда начали исследовать эпохальный памятник Бозок – предтеча новой столицы. Надо отметить, что К.А. Акишев и М.К. Хабдулина положили начало формированию на базе Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева столичной археологической школы.

Как же красиво эстетически исследовался и копался многовековой комплекс Бозок. Это магический трехлистник кварталов, символ триад, на котором базируется весь миропорядок. Профанное и сакральное пространство древних жителей представило свои артефакты. «Бозочек» – так ласково прозвала Марал этот эталонно раскопанный комплекс.

На Бозоке проходили замечательно ею организованные встречи евразийских археологов. Такое интересное открытое археологическое, рядом с новой столицей. Выраженная символика древнего и современного. И читал поэму Николая Гумилева «Капитаны» в звездной степной тишине на берегу озера Бузук другой археолог – К.М. Байпаков.

*И кажется — в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.*

В исследовании комплекса Бозока проявился в полную силу незаурядный талант Марал как организатора, полевика и интерпретатора. Я не устаю повторять: «Студенты ЕНУ, слушайте умные лекции преподавателя М.К. Хабдулиной. Учитесь у нее как нужно вести полевые исследования. Ее школа – это союз уральской школы археологии, за которой стоят знаковые имена О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, К.В. Сальникова, Г.Б. Здановича и казахстанской, связанной с именем К.А Акишева. Поистине евразийский союз знаний и археологического профессионализма».

*Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.*

2010–2021 гг. Верю в неумолимость Времени, что волновало в юности, уже сейчас эмоционально меня не трогает. Мы почти не общаемся в это тендерное, забитое отчетами и скопусами, обреченное пандемией, время. У каждого свои научные заботы, социальные статусы. Надо успеть опубликовать накопленное. Практика показывает, что кто, если не ты, который раскопал, разберется с добытыми артефактами. И все-таки в памяти навсегда огромная луна, наклонившая над водами Сергеевского водохранилища. Мы сидим на его берегу, искусанные комарами, поем под гитару Саши Бухонина, читаем стихи и мечтаем. На Жабайке нанизываем бусы из шиповника и дарим их Марал на

Фото 6. Марал Хабдулина на Бозоке, 2004 г.

ее день рождения. Память все заботливо сохранила и упаковала навсегда в драгоценные ячейки камеры хранения мозга.

Изысканный жираф действительно оказался волшебным. Он повел меня по дорогам детской мечты. И все, о чем я спрашивала у Марал Калымжановны когда-то на кружке «Юный археолог» – сбылось. Удалось удивиться каменным исполинам острова Пасхи, побродить по лабиринтам Кносского дворца, поклониться пирамиде Хеопса, дотронуться до узорчатой поверхности храмов Петры, окунуть ноги в воды священного озера Титикака, взобраться на пирамиду Солнца в Теотиуакане, издали помахать Стоунхенджу, лицезреть саков Персеполя, которые вечно несут свои дары в день весеннего солнцестояния. И конечно, состоялась степная «Лисаковская Троя». Все удалось под властью Синего Неба.

Спасибо Вам, Марал Калымжановна, что помогли мне стать археологом. Вам здоровья и новых учеников. Пусть берегут Вас как научное достояние нашей археологической казахстанской археологии. Сегодня – Вы известный евразийский археолог. Прочтите на лекции в столичном университете имени Л. Н. Гумилева, стихи Н. С. Гумилева об изысканном жирафе. Он поведет к мечте, тех, у кого она есть. На сим кончаю, ученица из далеких 80-х годов – Эмма Усманова.

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
— Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Е.Е. Мустафина, председатель Казахстанского нефтегазового отраслевого профсоюза, г. Атырау

Поздравление—здравица от имени нашего подразделения детского кружка «Юный археолог», который носил веселое название «людоеды», в период между юбилейными датами 2011 – 2021 годами.

Хотелось бы поздравить Вас у степного костра, в пропитанной запахами полыни ночи, когда утихнет день и с ним – очередные неугомонные «индейцы», впервые, как и мы когда-то, выехавшие с Вами прикоснуться к истории. Но от первой встречи с Вами

нас разделяют почти 50 лет, и, по определению «Рыжего бизона» – Вити Ремхе, «всего» полглобуса. Не буду перечислять Ваших научных достижений – это лучше сделают Ваши коллеги и ученики. Среди калейдоскопа лиц и событий, промелькнувших за эти годы, Вы запомнились. Каким-то особым и привлекательным духом молодого специалиста, завидно много знавшего, и от того несколько отстраненного от шумных ребяческих выходов. Тем, что нам приносило особое удовольствие «доставать» Вас каверзными вопросами, а у Вас хватало такта их выносить. Какой-то внутренней интеллигентностью, которой хотелось подражать. Тем, что с Вами было интересно.

Фото 7. М. К. Хабдулина вместе со своим и друзьями по СКАЭ: Н. Татаринцева, О. Мартынюк, А. Кисленко. Аркаим, 2006 г.

Мы стали разными. Как и Вы, совершает свои открытия, стремясь связать прошлое и будущее, Эмма Усманова. Работал многие годы программистом в банковской системе России Виктор. Стараюсь, чтобы меньше бастовали и больше получали нефтяники Казахстана я – Елена Мустафина (Давыдова). Попутно – все продолжаем колесить по миру, и, если брать все «племя» объехали много – от Стоунхенджа, до всех горных систем бывшего Союза и Амазонии. И проходя свои дороги, воспитывая своих – учеников, детей, внуков, понимаем – как это много значит – остаться в чьем-то сердце. А значит – Вам есть чем гордиться в день юбилея, когда принято подводить какие-то итоги и строить планы на будущее! К нашим поздравлениям обязательно присоединился бы Коля Баринов – Килька, но он рано ушел за ту строку горизонта на свиданье с вечностью. Уверена, что Вас помнит самый оригинальный человек нашего детского племени – вождь Толик Мазниченко. Поверьте, пожелать хочется очень много, но, чтобы не сбиваться на привычный перечень, остановимся на том, что просто желаем Вам БЫТЬ! Самой собой, открытой миру, людям, новым открытиям и дорогам!

И ещё несколько слов за прошедшие 10 лет. Удивительно и не представляемо в юности – поздравлять с большой датой юбилея. Понимать, что это одна из граней счастья – знать людей, которые интересны, из тысяч встреч время оставляет в памяти не многих. И, мимолетно встретившись как-то в Астане, увидеть, что Вы не изменились. У каждого из нас свои дороги, начавшиеся в СКАЭ, и познакомившие нас. Так сложилось, все правильно. Но... хочется почему то побродить вместе с Вами по Ангкор-вату, если уж у костра встретится уже не получается. Поедем? Когда-то же пандемия закончится! А пока – здоровья! Интересных открытий! Пусть они будут!

Жамбыл Артықбаев

ӘРІ ҰСТАЗ, ӘРІ ҒАЛЫМ, ӘРІ АДАЛ ЖАР (МАРАЛ ЖЕҢГЕМ ТУРАЛЫ)

Қазақ қыздарының ішінде ғылымда жүргендері, әр түрлі ғылыми атақ иелері аз емес, бірақ археология ғылымында қыздар саусақпен санарлық еді. Қазіргі уақытта бірнеше университет осы мамандықты ашқалы көбейіп келеді. Ғылым- әлемдегі мамандықтардың ішіндегі ең ауыры, ол қазақтың «ғылым инемен құдық қазғандай» деген сөзімен анықталады, сонымен бірге ғылым еңбекпен ғана емес, тектегі мықты қасиетпен де келеді. Бүгінгі күні мерей тойын еліміз тойлауды бастаған, өзі болса шілденің шүлеңгір ыстығында экспедицияда жүрген Хабдулина Марал Қалымжанқызының, менің асыл жеңгемнің, атадан алған қасиеті де бар, еңбекқорлығы да жетерлік. Марал Қалымжанқызы тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ-нің Археология және этнология кафедрасының доценті, К.А. Ақышев атындағы археология ҒЗИ-ның директоры, ЕҰУ-нің Есіл археологиялық экспедициясының басшысы.

Марал Қалымжановна Солтүстік Қазақстан өңірінің тумасы, 1951 жылдың 15 шілдесінде Преснов ауданының Архангелка ауылында туған. Ауылының аты көрсетіп тұрғандай ортасы орысша, яғни тілі де орысша шыққан. 1972 жылы Петропавл қаласында К.Д. Ушинский атындағы пединституттың тарих-филология факультетінде оқыған. Марал Қалымжанқызы тарих мұғалімі дегенге қанағат қылмай ғылым жолына түсуді армандады. Бұл арман оны сол жылдары жаңа ғана ашылған Қарағанды университетіне алып келді. 1980-1982 жылдары КСРО ҒА Археология институтында аспирантурадан өтті. Челябин, Петропавл (Қызылжар) қалаларында жоғарғы оқу орындарында, ғылыми орталықтарда қызмет жасады. «Ерте темір дәуіріндегі Солтүстік Қазақстан» деген тақырыптағы кандидаттық диссертациясын 1992 жылы Ш.Ш.Уәлиханов атындағы тарих

және этнография институтының диссертациялық кеңесінде қорғады.

2000-шы жылдан бастап Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде қызмет жасайды.

Ұстаздық қызметі

Қазақстанда археологтар мен этнологтар аса көп болмағандықтан жеке өміріміз өзгелеріміздің көз алдында өтеді десек болады.

Марал Қалымжанқызының өмірін жалпы шолып бере алғанымен, көп жылдар Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде бірге қызмет жасаған себепті ұстаздығын көбірек білемін.

Ол білім деңгейі де, жауаптылығы да жоғары, өзіне де, өзгеге де талап қойғыш педагог. Бүкіл саналы өмірі жоғарғы оқу саласында өткендіктен ЖОО-ның жұмыс ережелерін, ғылыми зерттеу жұмыстары мен білім беру әдістерін ұштастырудың жолдарын жақсы игерген. Біраз уақыт (2011–2013 жж.) кафедраның меңгерушісі болып та қызмет атқарды. Бүгінгі күні Марал Қалымжанқызы Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Археология және этнология кафедрасында археология ғылымының негіздері, Қазақстан, Орталық Азия аймақтарының археологиясы бойынша толып жатқан пәндерден сабақ береді. Бұл оңай жұмыс емес, себебі біз көп сатылы білім береміз. Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Археология және этнология мамандығына түскен талантты балалар бакалаврдан бастайды, магистратурмен жалғастырады, ең соңында «философия докторы» (PhD) атағын алып шығады. Мектеп бітіріп келген шәкірт – сары уыз балапан- білімі мен тәжірибесін сатылай көтеріп бірнеше жылдан кейін тіс қаққан зерттеушіге айналады. Онымен бірге оқытушы да өсуі керек. Ғылым ешқашан бір орнында тұрмайды, сіз үй тіршілігінің, туыс-туғанның мәселесін шешемін деп жүрсеңіз ғылым көшінен қалып қоясыз.

Марал Қалымжанқызы өзінің оқытушылық жұмысын, шәкірт тәрбиесін бәрінен де жоғары қойған жақсы ұстаз. Шәкірттерінің әр табысы ұстазы үшін үлкен мақтаныш. Оның жанынан ең талапты студенттерді, магистранттарды көретін себебіміз де

содан. Әр жылы Марал Қалымжановқызы ондаған шәкірттері әр түрлі ғылыми конференциялар мен олимпиадалардан олжалы келіп жатады.

К.А.Ақышев атындағы ҒЗИ-ның кабинеті, лаборатория, арнайы кітапхана мен оқу залы археология мен этнология мамандықтарындағы студенттерге есігі ашық. Қашан барсаң қызу тіршілік, ортасында Марал Қалымжанқызы жүреді. Алатыны доценттің жарты жүктемесінің ақшасы болуы керек. Анда –санда:

- Жеңге, пенсияға шыққан адам үйінде отыру керек, мында нағып жүрсің, иди домой, не мешайся,- деп ұрсып қоямын. Оған жауабы дайын:

- Пусть вначале уйдет он,- деп деканат жаққа сұқ саусағын көрсетеді, ол жерде 70 жақындаған ағамыз отыр, затем он,- дейді де ректорат жақты көрсетеді, ол жерде де ағамыз, затем те деп атамыз бен ағамыз отырған Акүйге сілтейді. Орыс тілді және білімді қазақтардың мінезінің әмпей-жәмпейсіз, мәймөңкесіз, тік болатыны да жақсы. Кейде оқыс бірдемені де айтып қалады, әйел заты осылай деп қоямыз.

Оқытушылық саласындағы нәтижелі еңбегіне байланысты 2016 жылы М.К. Хабдулина «Ы. Алтынсарин» атындағы төс белгімен марапатталды. Мен былтырғы жылы кафедра жиналысында Марал Қалымжанқызына орден иесі болуға лайық жан дедім. Бұл ұсыныс жоғарыға жеткен болуы керек, нәтижесін тосамыз.

Ғалым

Марал Қалымжанқызы ғылымдағы қызметін өзі туып-өскен Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихынан бастады. ХХ ғасырдың 70-ші жылдары Петропавл (Қызылжар) қаласының іргесінде, Есіл жағалауында орналасқан ерте темір дәуірінің қалашығы Ақтау Марал Қалымжанқызының алғашқы нәтижелерінің бірі (Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. — Алматы: Ғылым, 1994, 31-45, 71 бб). Бұл шағын қалашықтың сырты 3-4 метрлік бекініс қорғанымен, оны жағалай терең ормен қоршалған. Қорған ішінде 10 балаған (жер кепе) үй орналасқан. Ақтау қалашығынан табылған қыш сынықтары мен қола заттар оны біздің заманымызға дейінгі IV-II ғасырларға жатқызуға мүмкіндік береді.

Оқырманға түсінікті болу үшін Ақтау қалашығының қола дәуірінің атақты Бегазы-Дандыбай мен Сақ дәуірі ұштасатын тұста өмір сүргенін ескерткеніміз дұрыс. Қалашықтан табылған әр түрлі заттар, соның ішінде қыш ыдыстардағы ою өрнек Сарыарқа аймағына ортақ заңдылықтармен жасалған. Кейін Марал Қалымжанқызы Қызылжар қаласы маңынан ерте темір дәуірінің, яғни сақтардың Борки (Бөрік) аталатын біздің жыл санауымызға дейінгі IX-VIII ғасырлардың қоныстарын зерттеді. Кейін келе бұл шаруаны ғылымда «Есіл- Шағалалы ерте темір дәуірі микроауданы» атау алған Кеңөткел сияқты қоныстарды, Сілеті бойындағы Тасқора қалашығын қазумен жалғастырды (Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Известия МН-АН РК. Сер. общ. наук. — Алматы, 1997. № 1. 3-9 бб; Хабдулина М. К. Поселение раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1. Древние эпохи. — Астана, 2003. 189-214 бб).

Барлық жарияланым саны 200- ден астам, оның ішінде Қазақстан археологиясына арналған 6 монография, 4 оқу құралы бар.

Бүгінгі күні Марал Қалымжанқызы өзінің шәкірттермен Сарыарқа кеңістігіндегі сакралдық маңызы бар археологиялық ескерткіштермен, Жошы ұлысы дәуірінің жерлеу және ғұрыптық археологиясымен көбірек айналысады. Есіл экспедициясын біз ежелгі Қараөткел – қазіргі Нұр-Сұлтаннан да, оның жанындағы Әз Тәуке ханның жазғы ордасы болған Күйгенжар маңындағы сақ қорғандарынан да, одан да әрі Қорғалжын қопасынан да, тіпті кезінде Кенесары ханға қорған болған, шалғайдағы Жарқайың ағаштан да көріп қаламыз.

-Жеңге, мына ит өлген жердегі экспедицияларыңды, қазба жұмыстарыңды тоқтат, бір күні айдалада жүріп өліп қаласың, ұяты бізге келеді, байқа, - деп ұрсамын.

–Байқаймын, байқаймын,- дейді.

Адал жар

Егер біз Марал Қалымжанқызының өмірін екі кезеңге бөлетін болсақ, оның екіншісі Кемал Ақышев ағаммен танысуынан басталады. Кемал ағаммен аталас болғандықтан Марал Қалымжанқызын «жеңге» деймін. Әуел баста жеңге деген сөзді онша түсінбеуші еді, қазір үйренді, кафедраның жиналыстарында өзіме тиісіп отыратын болды.

Кемал ағамыздың өмірі ХХ ғасырда қазақ халқы бастан өткерген ауыр тарихтың жылнамасы сияқты. 1924 жылы мамырда Баянауылда туған ағамыз 1932 жылғы алапат аштықтың кезінде әкеден де, шешеден айрылады. Әр қыстауда құр сұлдері тірі жүрген бірді-екілі жетімектің жиырма шақтысын Қ.И.Сәтбаев жинап алып, полуторка машинамен Қарсақбайға апарып тәрбиесіне алады. Бұл әңгімелерді Бұқар жырау кесенесіне барғанда маған Кемал ағамыздың өзі баяндап еді.

Одан кейін жүздеген мың қазақтың жас азаматтарының өмірін жалмаған, тылда адам төзбес қиыншылықтарды бастан кешірген соғыс. Соғыстан жаралы келген Кемал ағамыз геолог болу арманын қойып, тарихшы-археолог мамандығын таңдаған екен.

1990 жылдардың басында Марал Қалымжанқызы Кемал ағамызға тұрмысқа шықты. Мен өз басым жеңгемнің осы қадамын үлкен ерлік деп білемін. Екеуінің жас айырмашылығы да әжептеуір еді. Өзі, анама тұрмысқа шығатынымды айтқанда мені аяп жылады, ал әкем, ол кісі де соғыс көрген азамат екен, Кемал ағамен өте сыйлас болып кетті дейді. Қыз баланың бағы әкенің батасымен ашылады. Дұрыс жол – қыз баланың әкенің аялы алақанынан күйеуінің қамқорлығына көшуі. Виктория Токарева деген орыс жазушы әйелінің «Женщина восходит к Богу через мужчину. Для женщины самое главное – мужчина» деген сөзі еске түседі. Қазақ әйелінің «ерім-пірім» дегені де осы.

Одан көп ұзамай Кемал ағай мен Марал жеңгей қазақтың жаңа астанасы атанған көне Қараөткелге көшіп келді. Содан бері қаншама іс тындырылды, қаншама жаңалықтар ашылды.

Ел-жұртқа танылғаны астана іргесіндегі ортағасырлық Бозоқ қалашығы, ал ел біле қоймайтын, білсе де бағалауға зейіні жете қоймайтын зерттеулері қаншама ?

Соңғы жиырма жылдықтағы Марал Қалымжанқызының ғылыми жобаларын қарап көрейікші: 1998–1999 жылдары «Древняя Акмола и Приишимье: взлет истории и генезис культуры», 2000–2002 жылдары «Средневековые города Приишимья: генезис и эволюция», 2003–2005 жылдары «Протогорода и средневековые города в степных оазисах Сары-Арки: роль городов в развитии степной цивилизации и сложении государственных систем»; 2006-2008 жылдары «Археологические памятники степной трассы Великого Шелкового пути: моделирование историко-культурных процессов в Нура-Ишимском междуречье»; 2007-2009 жылдары «Древняя и средневековая Астана как центр культурогенеза степной Сары-Арки»; 2012-2014 жылдары «Археология тюрок Сары-Арки в контексте евразийства»; 2015-2017 жылдары «Бозокский археологический микрорайон: особенности и этапы формирования социально-пространственной структуры»; 2018-2020 жылдары «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика». 2020 жылдан бері айналысып жатқан тақырыбы «Симбиоз кочевой и оседлой культуры казахов как цивилизационный код степи». Әр жобаның соңғы тиынына дейін зерттеу жұмыстарына, қазбаның керек-жарағына, ғылымдағы шәкірттеріне жұмсайды.

Бұл жерде Марал Қалымжанқызының Кемал ағай аманатына беріктігін баса айту керек. Ғылыми жоба тақырыптарының қай-қайсын қарасаңыз да қазақ тарихы үшін ең өзекті мәселелер, қазақ өркениетінің алтын бесігі Сарыарқа алдыңғы нысанда тұрады. Қазақта еркекті азамат деп танып оған өмірін арнайтын қыздар бар, ал азаматтың арманын алға жалғайтындары күндіз шаммен іздесеңіз таба алмайтындай сирек кездеседі.

Фото 1. Гумилев атындағы ЕҰУ «Археология және этнология» кафедрасының мүшелері

Кемал ағай мен Марал Қалымжанқызының бірлескен тіршілігіндегі ең жарқын нәтижесі Бозоқ қазіргі күні ашық аспан астындағы музей кешенге айналуға айналуда. 2018 жылы 31 наурызда ҚР Үкіметінің қаулысымен «Бозоқ» мемлекеттік музей-қорығы атты қазыналық мекемесі ашылды. VIII–XVI ғасырлар аралығында өмір сүрген ортағасырлық қалашық айналасында сан мыңдаған жылдарға созылған қазақ тарихының басты нысандары жинақталмақ. Біз бұл алапат жұмыстың басы-қасында болған Марал Қалымжанқызына да, «Бозақ» музей кешенін ұйымдастырып жатқан әріптестерімізге де амандық, шығармашылық табыс тілейміз.

Амангелді Қашқымбаев

ҒАЛЫМ МАРАЛ ҚАЛЫМЖАНҚЫЗЫ ТУРАЛЫ СӨЗ ТОЛҒАУЫ

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің жанындағы Кемал Ақышев атындағы археологиялық ғылыми-зерттеу институтының директоры Марал Қалымжанқызы Хабдулинамен таныстығыма ширек ғасырға жуық уақыт болып қалыпты.

Танысқанымыз ойламаған жерден болды. 1990-шы жылдарды мен Сәкен Сейфуллин атындағы Ақмола мемлекеттік педагогикалық университетіне жұмысқа ауысқан болатынмын. Тарих факультетінде жұмыс жасап жүрген кезім. Ол бір қиын кез еді. Білімге деген, ғылымға деген қызығушылықтың төмендеген кезі. Жоғарғы мектептердегі білікті мамандардың басым тобы нарықтық қатынастарға бейімделіп, күн-көріс қамын көбірек ойлаған кезең. Соның ішінде қиналысқа білікті мамандар тапшылығына ұшыраған – тарих факультеті. Әсіресе қазақ тобы студенттеріне лекциялар оқитын тәжірибелі мамандардың қажеттілігі ерекше сезіле басталған уақыт.

Осындай ауыр кезеңдері Ақмола қаласына келген тарихшы мамандардың алдыңғы тобынан көрінгендердің бірі есімі әлемге белгілі тарихшы-археолог, профессор Кемал Ақышұлы болатын.

Кемал ағамен бірде есік алдында жолығып қалдым. Ол кезде біз Баян екуміз (жолдасым) университет жатақханасында тұрып жатқан кезіміз. Үйге шақырдым. Ағамыз ұсынысымды ойланбастан қабылдағаны есімде. Жанындағы сөзге араласпай, жай ғана күлімсіреп тұрған әйел адаммен таныстырды: Марал Қалымжанқызы, үйдегі жеңгеңіз болады...

Таныстық осылай болды. Солтүстік Қазақстан облысы, Пресновка ауданына қарасты Архангелка ауылының тумасы Марал Қалымжанқызы мектеп қабырғасында жүргенде геолог болуды армандаған екен. Басқа ұлттар өкілдері басым ортада жүрсе де, Кокшетау облысы Мәдениет ауылында туған, соғыс

және еңбек адагері, 1943 жылдың наурыз айынан бастап 1945 маусымына дейін от пен оқтың ортасында жүрген, 3-ші дәрежелі Даңқы ордені мен бірнеше әскери медальдардың иегері, майданнан оралғаннан соң сот жүйесінде жүріп, бар күш-жігерің әділеттілікке жұмсаған әкесі Қалымжан Садуақасұлы, төрт кластық білімі қана болсада қазақ-орыс классикалық әдебиетімен өте көп оқитын анасы Шәмшібану Салыққызы, Марал есіміне ие болған тұңғыш қызы мен оның соңынан дүниеге келген оның екі бауырлары мен Роза есімді сіңілісіне тамаша тәрбие берген. Хабдулиндер үйінде кітап қастерлі дәрежеде саналған. Марал – ата мен әже «мектебінен» өткенін де ерекше сезіммен еске алады.

Осылайша тәрбиеленген Маралдың бойына біткен екінші бір жағымды қасиет - оның білімге деген құштарлығында болатын. Мектеп табалдырығын алғаш аттап, әкелген ең алғашқы бағасы «үш» болып, анасын біршама ренішке қалдырған Марал мектепті күміс медальге аяқтаған. Барлық кластары сияқты геолог болуды ойлаған.

Алайда, бұл жолы Марал ата-анасы қолдауына ие бола алмады.

1968 жыл. Марал Қалымжанқызы Петропавловск қаласындағы К.Д. Ушинский атындағы педагогикалық институтының 1-курс студенті. КОКП (Кеңстер одағы Коммунисттер партиясы) кафедрасы арқылы «Буржуазная фальсификация истории освоения целины» тақырыбында алғашқы ғылыми жұмысына (реферат) кіріскен кезі

Десе де Марал Қалымжанқызына сол кездегі жас маман, болашақтағы үлкен ғалым, археолог Г.Б. Здановичтің лекциялары ұнайтын. Солтүстік Қазақстан облыстық өлкетану мұражайы жаныда ұйымдастырылған жас археологтар ұйымына мүше болу Маралдың археологиямен қызығушылығын одан әрі оята түскен.

Институтты ойдағыдай аяқтаған жас маман үшін еңбек жолы Көкшетау облыстық тарихи-өлкетану мұражайында басталды. Ата-анасының арқасында жас кезінен еңбекке, табандылық, ұқыптылық пен тәртіпке бейімделген Марал осы жерде де өзін көрсете білді. Қазақ ұлтының көне тарихы көзі болып танылатын солтүстіктегі ғасырлардан сақталып, енді, міне мұражай

Сур. 1. Кішкентай Марал атасының алдында

сөрелерінен орын тапқан көне адамдар пайдаланған заттар арқылы Маралға ерекше әсер етіп, талай сұрақтардың жауабын іздестіруге шақыратындай.

Солай бола тұрса да, Марал Қалымжановна үшін археология ғылымы саласына келу тез де оңай бола қойған жоқ. 1992 жылы «Ерте темір дәіріндегі Солтүстік Қазақстан» атты тақырыпта кандидаттық диссертация қорғағанға дейін, Марал Қалымжанқызы үш жылдан аса уақыт Қарағанды университетінің «Көне заман тарихы кафедрасында» лаборант, аға лаборант, оқытушы болып еңбек еткен. Археология ғылымына деген қызығушылығы барған сайын ойын меңдеген жас маман алғашқы ұстаздары, бара-келе археология мамандарының арасында танымалы болған Г. Зданович пен болашақ ғалым В. Зайберттің қолдауларыммен Челябинск университетіне ауысқан. Университеттегі археология кафедрасында лаборант болып орналасқан М. Хабдулина Орал-Қазақстан археологиялық экспедицияның құрамында Оңтүстік Орал мен Солтүстік Қазақстандағы зерттеу объектілерімен танысуға қол жеткізе алды. Сол уақыттары Марал қазақ даласын мекендеген көне заман тұрғындары пайдаланған шаруашылық заттарына

Сур. 2. Марал Хабдулинаның Майда әжесі

Сур. 3 Қалымжан Садуақасұлы, әкесі. 1970-жж.

эксперименталды тұрғыдан қарап, оларды лабораториялық өңдеуден өткізіп, міндетті түрде бейнелеу тәсілі арқылы есепке алып отыратын. Бұл тәсіл жас маман үшін археологиялық зерттеулердің методикасын тереңінен меңгерудің міндетті алғышарттары болатын.

1981 жылы КСРО Ғылым Академиясы археология институтының скиф-сарматтар археологиясы бөлімі аспирантураны аяқтаған М.Хабдулина Челябинскі университетіне қайта оралып, аға лаборант болып орналасады.

Арада тағы он жыл өткен. Бұл арада Марал Қалымжанқызы Петропавловскідегі педагогикалық институтында оқытушы. Ғылымнан да қол үзбеген ізденуші 1992 жылы «Ерте темір дәуіріндегі Солтүстік Қазақстан» атты тақырыпта (ғылыми жетекшісі т.ғ.д., профессор М.Г. Мошкова) Қазақстан Ғылым Академиясы «Шоқан Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты» ғылыми кеңесі отырысында диссертация қорғап, ғылыми атаққа қол жеткізді.

Алматы Марал Қалымжанқызының өміріне күтпеген өзгеріс енгізді. Ол өзінің бойынан басқа қасиетті аңғара бастағандай. Оған студенттерге лекциялар оқу ұнайтын. Ондаған далалық археологиялық экспедициялар барысында мол тәжірибе жинақтаған Марал үшін, лекциялар барысында теория мен практиканы байланыстыру қиынға соқпады. Оның үстіне тіл байлығы (тарих-филология факультетінде оқығандығының пайдасы!), табиғаттан бойына дарыған жанға жайлы қоңыр дауысы, тыңдаған адамды бірден баурап әкететінін сезіп, таңқалғандардың бірі – осы жолдардың авторы. Талай лекторларға зордың дарымай жүрген қасиет ойда жоқта Марал Қалымжанқызының бойынан байқала бастады.

Өткен ғасырдың 90-шы жылдары қазақ елінің ғылым мен мәдениет ордасына айналған Алматы қаласында екі адам кездескен еді. Кезінде екеуі де геолог болсақ деп армандаған. Бірін бұл мамандыққа еліктеткен қазақтың жан-жақты ғалымы Қаныш Имантайұлы болса, екіншісіне де Томск қаласына барып, кезінде Сатпаев білім алған оқу орнында білімін кеңейту, аты аңызға айнала бастаған ағасына еліктеу болды ма екен?! Екеуінен де геолог шықпады. Бірінің арманына қырғын соғыс

тосқауыл болса, келе бара ағасының ақылын тыңдап, тарих мамандығы, оның ішінде археология саласын таңдаса, екіншісі ата-анасының кеңесіне бағынып, педагогикалық мамандықтың ішінде тарихты таңдағанымен, тағдыр оны археологияға алып келді. Ол екі адамның бірі Еуразиялық археология ғылымында аты аңызға айналған, тарих ғылымдарының докторы, профессор Кемал Ақышұлы Ақышев та, екіншісі – ғылымының ашшысы мен тұшшысын енді ғана сезіне бастаған Марал Хабдулина.

Және де ең кереметі Кемал Ақышұлының Маралды әріптес ретінде емес, өмірлік серігім деп қалауында болар. «Кемал Ақышұлына мен ұнап қалғанымды алғашқы кездесулерімізден сезе бастаған едім – деген болатын Марал Қалымжанқызы, біздің Кемал ағамызбен қалай танысқан едіңіздер деген сұрағымызға, - бірақ ешқашанда маған оны бірден ашып айтқан емес».

Біз болсақ Кемал ағамен біршама жақын таныса алдық. Кафедрада бірге жұмыс істедік. Кемекең жастармен кездесіп, әңгімелескенді ұнататын. Біз ол кісімен 23-ші ақпан, 9-мамыр мерекелік күндері кездесіп жүрдік. «Я люблю тебя жизнь» деген өлеңді жақсы көретін. Жиналған жерде осы өлеңді бастайды... Бір-екі рет үйіне шақырды. Бізге сонда көп сөзге араласпай, үндемей ғана әңгіме шертуге лайықты жайды жасап жүретін Марал Қалымжанқызы. Жасаған тағамдары керемет дәмді. Жақында мені Марал Қалымжанқызы таңқалдырды. Тағамды әдемі де, дәмді жасауды кімнен үйрендіңіз деген сұрағыма, өзім үйрендім, Кемал Ақышұлымен танысқанға дейін мен ас үйде жүріп, тағам жасау дегенді білмейтінмін дегенді айтты. Уақыт көрсетіп отырғандай, Марал Қалымжанқызы Кемал Ақышевтің атағы мен дәрежесін пайдаланып докторлық диссертация қорғап, кеудесін қағып жүргеннің орнына басқа философияға бағынған сияқты

Москвада мынадай оқиға болған екен. Москвалық ғалымдардың бірі Маралмен таныса келе, оның Кемал Ақышұлының жары екенің білгенде, таңданғанын жасыра алмай: «Как, Вы являетесь супругой легендарного археолога евразийского мира?!» - деген екен. Москвалық ғалымға қатты әсер еткені – Маралдың ғылыми атағының кандидаттық дәрежеде болғаны болса керек.

Кемал Ақышұлы Марал Қалымжанқызының кандидаттық диссертациясына тікелей араласпаса да, қорғауға шығу барысында қол ұшын берген, Қазақ мемлекеттік университетіне жұмысқа орналаса алмай жүргенде де шет қалмаған. Осындай пендешілікке бара қалған ғалым өзінен біршама жас кіші бола тұра Маралдың «жарым бол!» деген ұсынысты тым тез қабылдауының себептеріне де басқаша қарай бастады ма – кім білсін?

Тек бара-келе Кемал Ақышұлы Маралдың бойынан өмірлікке таңдап алған жас жарының бойынан өзіне деген шынай адалдық сезімін байқап, Маралға басқаша қарай бастағандай.

Алғашқы кезде маған өте қиын болды деп еске алады Марал Қалымжанқызы. Табиғатынан тұйық, көп сөйлегенді онша жақтыра қоймайтын, Кемал Ақышұлына мен не үшін керек болдым екен деп те ойлаған кездерім болды. Археолог үйдің адамынан гәрі, сыртта көп жүреді. Мен де сол мамандықтың өкілімін. Алайда, ол маған қайда баратыны, қашан баратыны, қашан келетіні туралы айтпайтын. Жұмысына жақындатпайтын. Бірақ мен оған ренжіген жоқпын. Жасы өзімнен үлкен адамға тұрмысқа шығатынымды естігенде, анам қатты реніш білдірген болатын. Сондағы менің анама айтқаным: мен де он бестегі бала емеспін, өмірдегі өзім қалаған таңдауым бұл...

Тұрмысқа шыққаннан кейін менің өмірге деген көзқарастарым түбегейлі өзгерген болатын дейді Марал Қалымжанқызы. Ендігі уақытта мен үлкен ғалым болсам дегеннен бұрын, үй шаруашылығына көп назар аудара бастадым. Кемекеңе ұнайтын дәмді тағамдар жасауды үйрендім (Кемал аға үйіне шақырып, Маралдың аспаздық шеберлігіне біздің көзіміз талай жеткізген! – А.Қ.).

Болашақ докторлық туралы бір-екі рет сөз қозғадым. Кемекең ақырын ғана онымен бұл тақырыпта сөз қозғаудың орынсыз екенін сездірді. Мен де бұл әңгімеге қайта оралған жоқпын.

Осылайша жүрген уақытта Кемал Ақышұлы Маралды өзімен бірге экспедицияға алып шыққан. Осы уақыттан бастап ғалым ағамыздың Маралға ғалым ретінде басқаша қарап, жарының өмірлік тағайындау ас үйде отыру емес пе екен деген ойға келгендей. Осы сапардың барысында Марал мамандықтың теориясын әбден меңгерген, теорияны іс жүзінде іске асыра алатын археолог екенін Ұлы ғалымға көрсете алды.

Кемал ағамыз осы кезде керемет ойға келгендей: Марал арқылы тағдыр өзінің істері мен ойларын әрі қарай жалғастырушы ізбасарын таңдап беріп отыр. Марал да осыны түсінді. Оның ендігі жердегі бар жігері мен күші «Еуразия археологиясындағы аңыз адамына» айналған ғалым, әлемге аты танымал Кемал Ақышұлы Ақышевтің өмірлік серіктесі бола отырып, **ҰЛЫ ҒАЛЫМНЫҢ АЯҚТАЛМАҒАН ОЙЛАРЫН** іске асыру

Оны бүгінгі өмір көрсетіп отыр. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің жанындағы Кемал Ақышұлы атындағы археология ғылыми-зерттеу институтының директоры, тарих ғылымдарының кандидаты, Еуразия ұлттық университетінің профессоры, жүзден аса мақалалар мен ондаған ғылыми монографиялар мен оқу-әдістемелік құралдардың авторы Марал Қалымжанқызы Хабдулинаның өмірден құр алақан қалғаны жоқ. Оның өмірден сұрап алған ең ғажайып дәрежесі – жан-жолдасы, жары, ғалым, өмірінің соңына бар арманы Сарыарқаны зерттеу, осы жоспарды іске асыру үшін арқа төрінде археология мамандығын ашып, жастарды осы мамандыққа баулу қажет деп армандаған Кемал Ақышұлының іздерімен келе жатқан ғажайып адам – Марал Қалымжанқызына еңдешше сәттілік тілейік!

Татьяна Кошман

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ: НАУЧНЫЙ ВКЛАД М.К. ХАБДУЛИНОЙ В АРХЕОЛОГИЮ КАЗАХСТАНА

Научная жизнь известного казахстанского археолога Марал Калымжановны Хабдулиной наполнена интересными событиями и научными достижениями.

Марал Калымжановна Хабдулина родилась в 1951 году в небольшом селе Архангелка Пресновского (ныне Жамбылского) района Северо-Казахстанской области в большой семье.

Ответственное отношение к работе, стремление к знаниям формировались под влиянием родителей – отца Калымжана Садвокасовича, долгое время работавшего судьей в Северо-Казахстанской области, и матери Шамшибану Салиховны.

Будучи школьницей, она мечтала о геодезии, но по настоянию родителей в 1968 году поступает на исторический факультет Петропавловского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. Первое знакомство с археологией – это лекции тогда еще начинающего ученого – археолога Здановича Г.Б., выпускника Уральского государственного университета, а затем учебная археологическая практика. Интерес к археологическим открытиям приводит её в археологический кружок при Северо-Казахстанском областном историко-краеведческом музее, что дает возможность получения дополнительных знаний и углубленного изучения археологических материалов.

Конечно, выбор археологии в качестве научного направления не был быстрым и однозначным. На первом курсе института была попытка научной работы на кафедре истории КПСС по актуальной теме того времени «Буржуазная фальсификация целины», но это направление не смогло затмить интерес к археологии. В течение последующих лет обучения Марал Калымжановна продолжала проявлять интерес к археологии, участвуя в работе Северо-казахстанской археологической экспедиции.

В связи с открытием нового казахстанского вуза - Карагандинского государственного университета, руководство было заинтересовано в молодых, энергичных кадрах, а для Марал Калымжановны это была возможность испробовать свои силы. Она получила приглашение на работу в Караганду, где с 1973 по 1976 год работала в должности старшего лаборанта, а затем преподавателя кафедры истории древнего мира. Но и здесь она не забывает об археологии и продолжает участвовать в работе полевых экспедиций по изучению археологических памятников Центрального Казахстана.

Желание посвятить свою жизнь археологии приводит её в археологическую лабораторию Челябинского государственного университета. Работа на археологических объектах Южного Урала и Северного Казахстана в составе Урало-казахстанской археологической экспедиции расширили научные знания в области археологии и методики полевых исследований. Камеральная обработка сформировала умение тщательного анализа и скрупулезного описания и зарисовки археологических находок. Именно в это время определилась и оформилась научная тематика - археология эпохи бронзы.

В 1978-81 годы – время обучения в аспирантуре Отдела скифо-сарматской археологии института археологии АН СССР. В 1981 год по окончании аспирантуры Марал Калымжановна и возвращается в археологическую лабораторию Челябинского государственного университета на должность старшего научного сотрудника.

Последующие десять лет связаны с преподавательской деятельностью в Петропавловском педагогическом институте, где идет работа по подготовке кандидатской диссертации. В 1992 году она успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Северный Казахстан в эпоху раннего железного века» в Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова НАН РК под руководством доктора исторических наук, профессора М.Г. Мошковой.

Переломным моментом в личной жизни и научной деятельности оказался союз с известным казахстанским археологом К.А. Акишевым. Это союз единомышленников и

профессионалов. Совместная работа с К.А. Акишевым, участие в совместных экспедициях, позволили получить колоссальный опыт и научную основу подготовки проектной документации, организации полевых исследований и отчетной документации.

События переноса столицы республики в Астану и необходимость изучения региона Сарыарки приводит ученых в столицу, где местом работы становится ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Первым шагом К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной было создание Ишимской стационарной археологической экспедиции. В связи с этим первоочередной задачей была подготовка квалифицированных специалистов, учеников, которые смогли бы осуществить эти планы. Идет работа по открытию в университете специальности «археология и этнология». Её первые ученики – ныне преподаватели и научные сотрудники ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Национального музея Республики Казахстан и других научных центров. Так, заложены основы вузовской археологии столичного региона.

В 2000 году М.К. Хабдулина инициирует создание Лаборатории археологических реконструкций. В 2005 г. Лаборатория археологических реконструкций в знак признания заслуг ученого решением Ученого Совета университета реорганизована в Научно-исследовательский институт археологии им. К. А. Акишева. Бессменным директором института с первых дней становится Марал Калымжановна.

Основное теоретическое направление НИИ археологии им. К.А. Акишева – исследование проблем степной цивилизации. Это новая концепция, требующая теоретико-методологического обоснования в исторической науке постсоветской эпохи. В международном научном пространстве концепция цивилизации как направление теоретической мысли развивается с XIX в. Главной особенностью исторического процесса древнего и средневекового Казахстана является сосуществование, взаимосвязь двух историко-культурных типов: оседлого земледельческого и кочевого, скотоводческого.

Засухими строчками создания института стоит организаторский талант и способности М.К. Хабдулиной по формированию коллектива для реализации серьезных научных проектов, новых

подходов в организации полевых работ, развертывании грантовой деятельности института, хозяйственных работ, расширение международного сотрудничества с научно-образовательными центрами России (Институт истории археологии РАН, Институт почвоведения и агрохимии СО РАН и др.), а также с научными центрами дальнего зарубежья.

Благодаря активной работе сотрудников НИИ археологии им. К.А. Акишева были получены принципиально новые источники по средневековой истории Казахстана, позволившие удревнить возраст столицы Казахстана города Астаны более чем на тысячу лет и по-новому взглянуть на этно-культурную ситуацию столичного региона.

Именно в этот период Марал Калымжановна проявила свои организаторские и педагогические способности по развитию исследований на территории Сарыарки. Годы работы с поселениями эпохи бронзы позволили М.К. Хабдулиной создать научное исследование “Степное Приишимье в эпоху раннего железа” по истории раннего железного века Северного Казахстана (Хабдулина, 1994). Данная работа посвящена обобщению археологических источников по древней истории Северного Казахстана I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э., точнее интерпретации памятников степной части Северного Казахстана.

Большой вклад внесла М. Хабдулина в изучение средневекового городища Бозок. Это была последняя совместная научная работа с К.А. Акишевым. Раскопки на городище имеют сегодня большое научное значение. Исследование данного объекта позволили выработать новое фундаментальное направление евразийской археологии, связанное с исследованием процессов урбанизации в степной зоне. В результате многолетних раскопок установлено, что Бозок датируется VIII–XVI вв. Сегодня НИИ археологии им. К.А. Акишева под руководством Марал Калымжановны ведет работу по музеефикации средневекового объекта Бозок, разработана концепция открытия музея под открытым небом, что позволит превратить городище Бозок в культурно-туристический и научно-исследовательский центр международного уровня.

В период 2011-2013 гг. М.К. Хабдулина активно проявила организаторские способности в должности заведующего кафедрой археологии и этнологии ЕНУ им Л.Н. Гумилева.

Научные интересы сегодня связаны с изучением древней истории и археологии Казахстана и Евразии. Автор более 140 статей, 6 монографий, 2 учебно-методических пособий. Основные труды: «Степное Приишимье в эпоху раннего железа» (1994), монографии в соавторстве: «Древности Астаны: городище Бозок» (2011) «Культовые памятники Тенгиз-Коргалжынской впадины» (2011). Один из авторов «Исследование памятников бронзового века Акмолинского Приишимья» (2016).

С 1998 года М.К. Хабдулина руководит целой серией фундаментальных научно-практических проектов «Древняя Акмола и Приишимье: взлет истории и генезис культуры» (1998-1999), «Средневековые города Приишимья: генезис и эволюция» (2000-2002), «Протогорода и средневековые города в степных оазисах Сары-Арки: роль городов в развитии степной цивилизации и сложении государственных систем» (2003 - 2005), «Археологические памятники степной трассы Великого Шелкового пути: моделирование историко-культурных процессов в Нура-Ишимском междуречье» (2006-2008), «Археология тюрков Сары-Арки в контексте евразийства» (2012-2014), «Бозокский археологический микрорайон: особенности и этапы формирования социально-пространственной структуры» (2015-2017), «Древние скотоводы долины р. Шагалалы. Диета и пищевой рацион населения Северного и Центрального Казахстана в эпоху бронзы» (2015-2017).

В результате выполнения научных проектов М.К. Хабдулина формулирует новую историко-археологическую концепцию формирования и развития городской культуры степной Евразии, о чем свидетельствуют публикации её учеников и работы самой М.К. Хабдулиной.

Интересным исследованием последних лет стало изучение поселения Кеноткель. М.К. Хабдулина квалифицирует этот памятник как поселок горняков-ремесленников, где, вполне вероятно, осуществлялся многоступенчатый процесс металлургического производства. Характеризуя уровень развития основных видов

хозяйственной деятельности, М.К. Хабдулина делает вывод, что при значительной моноспециализации экономика ранних кочевников располагала внутренним многоукладным потенциалом, о чем свидетельствует высокий уровень металлургии и гончарного ремесла, технологии изготовления оружия и украшений, деревообработки (Хабдулина, 2014).

Сегодня М.К. Хабдулина продолжает плодотворно работать в самых различных направлениях – готовятся к изданию научные труды по эпохе бронзы территории Сарыарки, ряд статей по сакральным объектам Казахстана. НИИ археологии им. К.А. Акишева в 2018 году начал работу над темой «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика».

Фото 1. Выступление М. Хабдулиной на научной конференции, 2018 г.

Каждый, кто когда-либо встречался, работал или продолжает работать с Марал Калымжановной отмечают ее работоспособность, стремление в достижении поставленных целей, результативность исследований и энтузиазм, позволяющий вести за собой. За заслуги в научной и педагогической деятельности в 2016 году М.К. Хабдулина награждена нагрудным знаком «Ы. Алтынсарин».

Она и сегодня плодотворно трудится, помимо проектных научных исследований, руководит дипломными, магистерскими и докторскими работами, ведет активную общественную работу по вопросам сохранения и музеефикации археологических объектов. Впереди поставлены большие задачи по созданию музея на базе городища Бозок, введение в научный оборот находок с поселения Шагалалы и изучения сакральных археологических объектов Приишимья.

Есильская археологическая экспедиция под руководством Марал Калымжановны активно продолжает исследования Сарыарки. Научно-исследовательским институтом археологии имени К.А. Акишева им. Л.Н. Гумилева в течение последних трех лет (2018-2020 гг.) проводились научно-исследовательские работы по проекту «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика». В реализации проекта участвовали зарубежные ученые из академических центров России: Института почвоведения и агрохимии СО РАН (Д.А. Гаврилов), Институт географии РАН, Институт этнографии РАН (Е.П. Китов). Их участие связано с выполнением естественнонаучных анализов по изучению погребенных почв, радиоуглеродного датирования, антропологического анализа. Результатом этих исследований является монография, презентация которой состоялась в 2021 году. Полевые исследования по окрестностям озер Тенгиз-Коргалжынского заповедника и низовьям р. Нуры, насыщенными средневековыми сакральными объектами. Авторы достигли поставленных целей - исследование геокультурного пространства северной Сарыарки, выявление границ особых сакральных ландшафтов и изучения форм бытия культуры в ландшафте. В главах монографии предпринята типология сакральных

ландшафтов, показан генезис, большое место уделено семантике сакральных ландшафтов Сарыарки.

Коллектив НИИ археологии им. К.А. Акишева – это ее дети, ее ученики и соратники. Талант учителя и руководителя дал многим путевку в жизнь,

Впереди большие планы и исследовательские проекты. Марал Калымжановна не останавливается на достигнутом и продолжает поиск. позволил продолжить научную деятельность и даст возможность еще многим определиться в профессиональной деятельности и научных интересах.

Список литературы

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Всадники великой степи: традиции и новации// Труды филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2014. – 140 с.

Алексей Свиридов

ИШИМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ...

*Жара, июнь,
спешит сезон не длинный,
латают ветры лагерь полевой...*

Эти несколько строк из полевой Бозокской стенгазеты как нельзя лучше характеризуют экспедиционный быт в нашей родной Ишимской стационарной археологической экспедиции.

Вспоминается лагерь, окутанный небольшим степным маревом от палящего солнца с неспешным, добрым укладом, прогретые на солнце палатки со своим особым запахом, который перемешивался с запахом степной травы (илл. 1). Это были воистину золотые годы, воспоминания о которых часто всплывают в голове. Вспоминаются люди, всегда такие разные, со своим внутренним миром, своими особенностями, но такие близкие тогда и столь же далекие сейчас....

Жизненная практика в Ишимской экспедиции, заложила в меня основы полевой и археологической деятельности. Тот особый уклад, те ценности, которые в нас взращивали наши учителя, с годами не только не потускнели, а наоборот все более востребованы. Помнится все, до мелочей... лопаты в специальном месте – в ряд, расположение палаток, женская, мужская сторона, кухня, юрта начальника экспедиции, обязательный флагшток в центре. После было много экспедиций, отрядов, раскопов и разных памятников, но уюта Ишимской экспедиции я не чувствовал больше нигде.

Наиболее теплые всегда были вечера в начале и в конце сезона. Нас не много, человек 6-8, «старички», те, кто ставил и снимал лагерь для практикантов. Особое, наше время. Потом новые люди, распорядок, отбой и подъем, все другое. Работы было много: поставить армейские палатки, привезти оборудование,

накопать хозяйственных ям. Но все это было легко на одной волне, в едином порыве. Чужих не было, все свои.

Почему мы, молодые ребята тянулись туда? Сейчас я понимаю, что все это связано с душевностью, которую создавали наши учителя – Марал Калымжановна, Виктор Васильевич, Кималь Акишевич. Наверное, только в археологии можно было быть на равных с признанными учеными, о которых еще недавно знал только по их трудам. И та простота в общении, она подкупала своей радушностью, было ощущение сопричастности, теплоты...

Впервые со своим Учителем, с Марал Калымжановной я познакомился в конце 1999 года, когда они вместе с Кималем Акишевичем пришли навстречу с нами – студентами исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Нас просили задавать вопросы, помнится, я спросил, что-то на тему, а возможно ли на нашей территории найти памятники самого древнего периода в истории человечества, - олдувая? Не помню уже какой ответ был получен, но память о той встрече запомнилась надолго (илл.3.).

Позже - возвращаясь с археологической практики после первого курса, которую вели у нас Мадияр Елеулович Елеуов и Докей

Фото 1. Городище Бозок. Раскопки северного квартала.

Абдукаримович Талеев в районе п. Коргалжын, мы уже «опытные» археологии прильнули к окнам автобуса и вглядывались в даль. Там на горизонте виднелся полевой лагерь ИСАЭ, под руководством того самого Акишева! Вот бы попасть туда....

Новая встреча состоялась по прошествии года. В начале 2001 г. меня и еще пару ребят пригласила к себе Марал Калымжановна. Она предложила выступить с докладами на международной студенческой конференции в городе Барнаул. Это был первый доклад на столь крупной конференции, доклад был посвящен Бозоку. Сколько было эмоций и жажды дальнейшего научного поиска.

Сначала студентом, после, работая под руководством Марал Калымжановны в качестве сотрудника лаборатории археологических реконструкций, а с 2005 года научно-исследовательского института археологии имени К.А. Акишева, являясь коллегами на кафедре Археологии и этнологии всегда восхищался ее организаторскими способностями. Той четкости, с которой она планировала свои дела и учила планировать нас. Особенно ярко это проявлялось во время организации многочисленных научных конференций под ее началом. Все было расписано по пунктам, кто и за что отвечает, в какие сроки, за какие ниточки нужно подёргать, чтобы добиться конечного или промежуточного результата. И это традиционно давало свои плоды, все организованные мероприятия всегда проходили на должном уровне. Этот стиль руководства, правильное распоряжение своим временем и временем своих подчинённых я сам того не подозревая, давно перенял у Марал Калымжановны.

За свою археологическую карьеру Марал Калымжановна взрастила огромную плеяду учеников. В каждый период в ее жизни – Карагандинский, Алмаатинский или Астанинский она формировала вокруг себя команду молодых. Люди выросли, шли своей дорогой, а Марал Калымжановна в очередной раз собирала вокруг себя все новых, в которых вкладывала всю себя. Я уверен, что многие тогда и сейчас благодарны ей за те знания, умения и навыки, которые она привила нам.

Особая теплота и душевность проявлялась и вне работы, в личных встречах дома у Марал Калымжановны. Она всегда с те-

плотой называла всех нас – мои дети. Ее дом всегда был открыт для ее детей. Одни из самых памятных дней - это конец года, традиционно 27 декабря она приглашала всех нас к себе, и мы отмечали Новогодний корпоратив, с домашними угощениями с тостами, играми, обязательными прогулками по ночному предновогоднему городу). Изюминкой была традиция загадывания желаний, они записывались на бумаге, стояли в бутылке из под шампанского в укромном месте и ждали следующего года. Потом они доставались, мы удивлялись своим мечтам, и отчитывались о их выполнении или не выполнении. И загадывали вновь. И так из года в год....

Дети Марал Калымжановны менялись с годами, кто-то уезжал, возвращался, но каждый знал, что двери ее дома всегда открыты для всех нас...

Фото 2. Лагерь на городище Бозок, 2004 г.

Мы вместе прошли большой путь, работая более десяти лет. За это время нашим небольшим коллективом под руководством Марал Калымжановны были проведены 4 международных

конференции, опубликованы монографии, несколько сборников конференций (Акишев, Хабдулина, 2011; Хабдулина и др., 2011; Хабдулина и др. 2013).

Предприняты раскопки на десятках археологических памятниках (Бозок, 1999-2012; Тайтобе 2003, 2005; Кийма, 2004; Шондыкарасы, 2005; Куйгенжар, 2005; Тайжан, 2005; Сагынак, 2007, 2010; Аран Багла, 2007; Ондырыс, 2008; Кеноткель, 2009; Жанибек Батыр, 2009; Бесоба, 2012; Заречное, 2013; Лозовое, 2014; и многие др.), проводилась популяризация наследия К.А. Акишева, постоянно проходило обучение студенческой молодежи.

Сейчас, когда истории города, страны и в том числе истории Бозока уделяется большое внимание, когда создана специальная организация – «Музей-заповедник Бозок», хочется верить, что давняя мечта Марал Калымжановны и всех нас – создание музея под открытым небом на городище Бозок станет реальностью. Воплотятся надежды и чаяния всех «Бозокчан», всей огромной команды Ишимской стационарной археологической экспедиции, и это будет лучшим подарком для Марал Калымжановны, нашего Учителя!

Список литературы

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Ежелгі Астана; Бозок калашығы. – Астана, 2011. – 260 с.

Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдыбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Н. Культовые памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. Астана. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – 208 стр.

Хабдулина М.К. Археология Северного и Центрального Казахстана (1764-2012). Библиографический указатель. Астана. Сарыарка, 2013. – 280 с.

Ерлан Амиров

ЛУЧШИЙ ПЕДАГОГ СРЕДИ АРХЕОЛОГОВ

Археология в современном мире является очень важной наукой, которая позволяет нам приоткрыть завесу тайн древних цивилизаций, позволяет изучить культуру и быт различных эпох. Археология - это творческая профессия, так как приходится использовать воображение и абстрактное мышление, чтобы воссоздать первозданную картину мира прошлого. Ученые археологи работают как бы с отдельными элементами мозаики, которую нужно собрать воедино, чтобы решить загадку. Иногда на полное раскрытие тайны какой-либо древней культуры или археологического памятника уходят годы. Археология была популярна ещё в Древнем Риме и Греции. Уже тогда люди проводили раскопки и находили древние архитектурные памятники.

Более 140 лет назад археолог-самоучка Генрих Шлиман открыл древнюю Трою и сокровища Микен. Искатель сокровищ стал одним из основателей современной археологии. Или же Говард Картер, который потряс весь мир, обнаружив гробницу Тутанхамона. Археологи всего мира ежегодно исследуют тысячи археологических памятников. Не отстают от них и казахстанские ученые. Ярким примером является Марал Калымжановна Хабдулина, посвятившая более 40-лет научной деятельности археологии. Пройдя сложный путь от лаборанта до директора Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева, она сумела совместить полевую археологию с педагогической деятельностью в вузе. Последние 20 лет она читает лекции по археологии Казахстана и Евразии бакалаврам, магистрантам и докторантам специальности «Археология и этнография» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, а также возглавляет Есильскую стационарную археологическую экспедицию.

Деятельность М.К. Хабдулиной можно определить фразой – лучший педагог среди археологов и лучший археолог среди педагогов. За годы работы в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева археолог-педагог разработала 8 авторских курсов по дисциплинам магистратуры специальности «Археология и этнология», изданы 2 учебно-методических пособия. Ежегодно руководит магистерскими диссертациями и дипломными работами по археологии. Марал Калымжановна организовала студенческий научный кружок, члены которого специализируются по археологии, пишут научные труды, принимают участие в студенческих археолого-этнографических конференциях сибирского и урало-поволжского регионов. В 2006 г. НИИ археологии им. К.А. Акишева организовали Международную археолого-этнографическую конференцию молодых ученых. География участников была обширной: от гг. Уфы, Казани до Якутска. НИИ археологии им. К.А. Акишева имеет договора о международном сотрудничестве с Музеем естественной истории Карнеги, г. Питтсбург, США, является соисполнителем научных

Фото 1. Марал Калымжановна с выпускниками магистратуры ЕНУ им. Л. Гумилева, 2005 г.

программ с Институтом этнологии и антропологии РАН, с Южно-Уральским филиалом Института истории Уральского отделения РАН, с краеведческими музеями Челябинска и Кокшетау. С 2004 г. является научным руководителем научно-исследовательских проектов по Программе фундаментальных и прикладных исследований МОН РК.

Для Марал Калымжановны характерен широкий научный кругозор. В сферу ее научных интересов входят культуры различных эпох и регионов. Она включает в себя эпоху бронзы Казахстана, в частности финальные ее этапы, ярко иллюстрируемые материалами такого памятника как Саргары (Хабдулина, Свиридов, Гаврилов, 2013).

М.К. Хабдулина автор базового научного исследования по раннему железному веку Северного Казахстана - "Степное Пришимье в эпоху раннего железа" (Хабдулина, 1994). Данная работа посвящена обобщению археологических источников по древней истории Северного Казахстана Казахстана I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. В понятие Северный Казахстан вкладывается не его современное административное состояние, включающее пять северных областей республики (Костанайскую, Северо-Казахстанскую, Акмолинскую, часть Павлодарской), а историко-географическое содержание - Северный Казахстан как участок срединной Евразии, находящийся на стыке двух природно-географических регионов: юга Западно-Сибирской равнины и северных степных просторов Казахского мелкосопочника (Сары-Арка). Меридионально эта территория протянулась на 700 км вдоль верхнего и среднего Ишима. По широте пределы ее ограничиваются междуречьем Тобола-Иртыша. Научная монография посвящена интерпретации преимущественно памятников степной части Северного Казахстана, чем и объясняется ее название. Памятники североказахстанской лесостепи особой новизны не представляют, так как характеризуют южную периферию культур раннего железного века лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири, теоретический уровень обобщения которых достаточно высок, принадлежность ее к локальному варианту тасмолинской культуры. Показаны механизм становления

кочевого скотоводства и формирование одного из компонентов лесостепной саргатской культуры под влиянием процессов, протекавших в степной зоне Северного Казахстана. Также Марал Калымжановна изучала памятники раннего железного века Юго-Восточного Казахстана. В разные годы ею изучены материалы курганных могильников, фиксирующих пути движения северных хуннов на запад. Например, Амирсай, Актас, Кенкол и Бериктас. Крупным из них является Бериктас. Некрополь Бериктас - это группа из 12 могильников, сосредоточенная в предгорной зоне Заилийского Алатау на площади примерно 10x10 км (в 120 км восточнее города Алматы). Могильники состоят из крупных насыпей, современные параметры которых позволяют отнести их к категории элитарных (Хабдулина, Акишев, 2004). В 1997 году в могильнике Бериктас 1 раскопан один из больших курганов. Погребальная конструкция и полученные материалы находят аналогии в комплексах хуннской культуры.

С конца 90-х годов Марал Калымжановна активно работает над исследованием городища Бозок. Средневековый город Бозок можно считать прямым предком Акмолинска, а его последним потомком является Астана – столица современного Казахстана», – написал Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своей книге «В сердце Евразии» (Назарбаев, 2005, с. 76).

Последняя научная работа Кималия Акишева – городище Бозок, подтвердившее особую избранность территории столицы, ее историческую значимость. Благодаря этому открытию история столицы стала длиннее на целое тысячелетие. Раскопки на городище имеют и теоретическое значение. На материалах этого объекта разрабатывается фундаментальное направление евразийской археологии, связанное с исследованием процессов урбанизации в степной зоне, изучаются особенности степной цивилизации. Раскопки городища Бозок продолжают ученики и последователи археолога под руководством Хабдулиной М.К. Сначала памятник был назван Ак-Жол, потом Бузук – по гидрониму озера Бузыкты, окончательный вариант был предложен Нурсултаном Назарбаевым – «Бозок», то есть «светлая стрела».

С созданием Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» в 2018 года вокруг сакральной территории

памятника формируется музей под открытым небом. Коллективу музея-заповедника удалось сформировать вокруг Бозока команду единомышленников в лице ученых, общественности и городских властей. Только благодаря совместным усилиям комплекс Бозок может стать культурно-туристическим и научно-исследовательским центром международного уровня, а также научно-методической базой для изучения археолого-этнографических древностей степной Евразии.

Марал Хабдулина – знак качества добросовестного ученого, яркий пример исследователя, посвятившего свой талант и потенциал изучению памятника археологии. У Шлимана была Троя, а у Хабдулиной – Бозок. Пусть там не было «клада Приама», но она показала, что при скрупулёзном подходе к работе, даже незначительный культурный слой может стать источником для обширного ряда публикации.

Марал Хабдулина – это современный герой нашего времени. Как же не восхищаться ею? Ведь она пример для тысячи людей, которые идут по ее налаженному, но сложному пути. Любить и уважать свою профессию, полностью отдаваться ей, добиваться поставленных целей и быть источником энергии для людей это нечто из ряда сокровищ.

Список литературы

Назарбаев Н.А. В сердце Евразии. – Алматы: Атамұра, 2005. – 192 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. — Алматы: Ракурс, 1994 г. — 170 с.

Хабдулина М.К., Акишев К.А. Хуннский могильник Бериктас // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М.: Геос, 2000. — 342 с.

Хабдулина М.К., Свиридов А.Н., Гаврилов Д.А. Археология Северного и Центрального Казахстана. Библиографический указатель. — Астана: Сарыарка, 2013. — 280 с.

Сергазы Сакенов

ГЛАВНЫЕ УРОКИ МАРАЛ КАЛЫМЖАНОВНЫ

Десятого июня 2001 года я, будучи студентом второго курса исторического факультета Карагандинского государственного университета имени академика Е.А. Букетова, вместе со своими сокурсниками приехал на городище Бозок. В то время на территории данного памятника проводились археологические раскопки под руководством известных казахстанских ученых – К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной.

После первого курса мы проходили археологическую практику, а теперь, воодушевленные воспоминаниями о той интересной поре, отправлялись на раскопки уже в качестве волонтеров. Мы ехали в предвкушении удовольствия от полевых исследований и от интересной совместной работы на «новом» археологическом памятнике с К.А. Акишевым – легендой археологии. Вот на городище Бозок и состоялось наше знакомство с Марал Калымжановной Хабдулиной – видным специалистом в области археологии и замечательным человеком. Нас представил наш куратор и научный руководитель, кандидат исторических наук Виктор Василевич Варфоломеев.

На начальных этапах работы основным объектом исследования Есильской стационарной археологической экспедиции стало городище Бозок. На памятнике проходили археологическую практику студенты из разных вузов Казахстана, и мы, студенческая молодежь, ощущали свою сопричастность к общему делу – популяризации и продвижению археологической науки Казахстана. Основной костяк студенческой молодежи ЕСАЭ составляли студенты Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Карагандинского государственного университета имени Е.А. Букетова и Степногорского медицинского института. Чуть позже приехали студенты исторического факультета Кокшетауского государственного

университета имени Ш. Уалиханова, а также школьники старших классов из Петропавловска и Кокшетау. В разные периоды на археологической базе Бозок одновременно проходили практику от 80 до 120 студентов. И именно этот период позволил позднее четко осознать значение выражения «Студенческие годы – это лучшие годы молодости».

Марал Калымжановна, будучи руководителем экспедиции, начал непосредственно полевых условиях обучать на стоянках и практическим навыкам археологической науки. А в середине полевого сезона 2001 года меня назначили начальником раскопа №4, на котором В.В. Варфоломеев исследовал средневековые жилищные комплексы. Это означало, что после отъезда моего научного руководителя вся научная работа на данном объекте ложится на мои плечи. Это была большая ответственность, и, не скрою, первое время в новой ситуации я испытывал некоторую неуверенность.

Средневековое городище Бозок является самым сложным археологическим объектом. Его культурный слой состоит из глины светло-желтого цвета. Определить наложение стратиграфических слоев – задача крайне непростая. Целыми днями Марал Калымжановна, сидя с нами рядом на бровке, показывала и объясняла, что такое культурный слой, как он образуется и каковы закономерности этого процесса. Благодаря таким практическим урокам мы научились разбирать стратиграфические наложения культурных слоев там, где эти границы почти не заметны. Неоценимый опыт был получен при изучении сложных структур рвов и валов городища. Вспоминаются слова известного тюрколога, профессора МГУ имени Л.М. Ломоносова Игоря Леонидовича Кызласова, побывавшего в гостях на Бозоке: «Специалист, освоивший стратиграфию на таком сложном памятнике, как Бозок, в дальнейшем может исследовать любые археологические объекты разных эпох». Действительно, через несколько лет, когда мной были начаты самостоятельные исследования поселенческих комплексов эпохи бронзы на территории Северного Казахстана, практические знания и положительный опыт, полученные на этой «бозокской» практике, сыграли огромную роль в моем профессиональном становлении.

Именно на городище Бозок под руководством Марал Калымжановны мы научились фиксировать архитектуру памятника: чертить сложные стратиграфические профили, контуры жилищных пятен и многое другое. Невзирая на развитие электронных способов фиксации памятников, ЕСАЭ продолжала использовать традиционные, «консервативные» методы, что впоследствии неоднократно выручало. Чертежи на миллиметровке нельзя удалить одним случайным нажатием кнопки.

В полевом сезоне 2005 года на городище Бозок исследовано отдельно стоящее жилище с закруглёнными линиями. Полевой сезон подходил к концу, и я как ответственный за раскоп принял решение о консервации данного объекта. Окончательный контрольный осмотр, заключающийся в проверке всех показателей после завершения необходимых действий, всегда осуществляла начальник экспедиции. По моему мнению, на раскопе было все раскопано до материка, сделана зачистка, было всё описано, сделаны все чертежные работы. На раскопе Марал Калымжановна увидела возле площадки небольшой комок грунта однородного светло-желтого цвета. Обратив мое мнение на это, она посоветовала снять хотя бы еще один слой. На следующее утро было решено на этом участке удалить слой еще на 10 см. Убрали 10 см слой грунта, сделали зачистку и, к всеобщему удивлению, после этого слоя отчетливо увидели угол могильного пятна, которое уходило под жилище. Дальнейшие раскопки показали, что это было погребение монгольского периода. Данный случай – яркий пример высокого профессионализма и внимания ко всем, даже самым незначительным деталям произвел на меня огромное впечатление.

Прошло пятнадцать лет.... В полевом сезоне 2020 года около села Абылайхан (Бурабайский район Акмолинской области) под моим руководством велись раскопки кургана раннего железного века.

В процессе раскопок все члены экспедиции в один голос утверждали, что этот курган ограблен и что мы уже прокопали материк. Так как этот курган находился на берегу озера, грунт был щебенистым. Но меня смущал один факт. Дело в том,

Фото 1. Международный форум на Бозоке, 2004 г. Осмотр профессором И. Кызласовым оборонительных укреплений.

что после зачистки дна могильной ямы (как мы думали, на зачищенной площадке) оставался один небольшой комок грунта. Мне отчетливо вспомнился эпизод бозокской практики, и мной было принято волевое решение углубиться хотя бы на 10 см. Ребята углубили дно на 10 см, еще один маленький комок грунта, но только в другом месте. В этот раз мне пришлось уговаривать коллег продолжить копать дальше – и результат не заставил себя ждать. После углубления еще на 10 см мы полностью расчистили совершенно не потревоженное погребение раннего этапа тасмолинской культуры с уникальным убранством. Это один из многочисленных примеров применения «бозокского» опыта на практике.

Кроме практических и научных навыков работы в полевых условиях Марал Калымжановна не упускала из виду и теоретическую подготовку молодых кадров. В 2003–2005 годах, когда мы учились в магистратуре ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, она была нашим научным руководителем. Естественно, все наши научные статьи и работы проходили через руки Марал

Калымжановны. Как руководитель привила нам самое серьезное отношение к излагаемым мыслям и тексту. Важной частью стал опыт визуального сопровождения научных публикаций в виде рисунков, чертежей, фотоиллюстраций.

Немаловажное значение имеет опыт обсуждения научных открытий и достижений на различных конференциях. Перед участием каждый из нас проходил своеобразные тренинги на научных семинарах НИИ археологии имени К.А. Акишева под руководством М.К. Хабдулиной. За несколько месяцев до начала любой конференции мы всем коллективом принимали участие в подготовительных семинарах, читали доклады, обсуждали археологическую проблематику тех регионов, где планировалось проведение конференции. Из этих участников научного семинара вышло несколько подготовленных специалистов – один кандидат биологических наук, кандидат исторических наук и два доктора PhD.

Могу с уверенностью утверждать, что при работе над диссертационным исследованием мной был активно использован опыт, полученный в НИИ археологии имени К.А. Акишева под руководством М.К. Хабдулиной. Неотъемлемой частью моего профессионального становления стали опыт полевой работы и исследования на городище Бозок. Они пригодились при сборе археологических материалов по теме диссертационного исследования, а теоретический опыт был применен при систематизации, классификации и в определении историко-культурной принадлежности различных артефактов. И одним из самых важных событий для меня лично стала положительная оценка моей диссертации, озвученная Марал Калымжановной на защите.

От всей «бозокской старой гвардии» и от меня лично примите самые искренние поздравления с юбилеем. Многократное спасибо за Ваш труд и бесценный вклад в развитие науки. Желаем Вам крепкого здоровья!

Дмитрий Семенов

ИГРАЮЩИЕ ТРЕНЕРЫ

У каждого в жизни встречаются люди, оказывающие определенное влияние на формирование мировоззрения, на выбор жизненного пути, профессии. Удача встретить хорошего учителя, наставника, друга.

В студенческие годы, работая в читальных залах библиотек с научной литературой по истории Казахстана и Евразии, обращали на себя отдельное внимание материалы ученых-археологов. За несколькими страницами текста скрывались месяцы и годы кропотливой, изматывающей, тяжелой и, в тоже время, интересной, насыщенной, практической работы в полевых условиях экспедиций, в реставрационных лабораториях и анализ исторических источников. Разные периоды исторического развития цивилизаций с их представлениями о культуре, традициях, обрядах стали для нас понятнее и ближе благодаря работе ученых-археологов, в определенной степени посредникам между прошлым и будущим. Именно богатый практический опыт, возможность прикоснуться к артефактам, на время перенестись в прошлое и стать участником событий глубокой древности, выделяет ученых-археологов среди других исследователей.

Для людей непосвященных, работа археолога представляется в радужных красках и сводится к поиску и подъему золотых кладов Македонского или Чингиз-Хана, и к вечерним песням у костра. Жизнь полная романтики. Однако специфика экспедиционной работы подразумевает определенные трудности бытового и природного характера. Многочасовые пешие разведки, работа на открытых участках местности под солнцем, ветром, пылью, жизнь в «спартанских» условиях. Все это формирует характер ученого-практика, его образ жизни, мысли.

Первое знакомство с Кималем Акишевичем Акишевым и Марал Калымжановной Хабдулиной произошло в 1997 году и

произвело огромное впечатление. Увидеть, пообщаться в живой беседе с людьми, чьи имена известны далеко за пределами Казахстана, а их археологические открытия явились знаковыми для мировой исторической науки, молодому студенту-историку посчастливилось в городе Степногорске. Кималь Акишевич и Марал Калымжановна приняли приглашение директора Степногорского историко-краеведческого музея Уртембаева Марата Игембаевича, который обнаружил несколько археологических объектов в окрестностях города и пригласил специалистов для помощи в идентификации памятников истории и археологии.

В день приезда именитых гостей была организована встреча со студентами и увлеченными историей родного края жителями города. Многие из собравшихся были знакомы с приглашенными учеными-археологами заочно, по научным статьям, но не имели до этого возможности личной встречи. Пресс-конференция продлилась вместо запланированного часа, более двух часов. С первых минут беседы аудитория была вовлечена в мир археологических открытий, исторических сенсаций и вся эта информация была донесена на простом и понятном каждому языке, с массой ярких примеров из личного практического опыта археологов и без заранее подготовленных листов с вопросами и ответами. Люди такого масштаба, как Кималь Акишевич и Марал Калымжановна представляются, возможно, «небожителями», людьми «почивающими на лаврах», недоступными и отдаленными от простых людей. Общение с ними изменило многие поспешные выводы собравшихся. Перед слушателями выступали два выдающихся ученых. Два человека, до фанатизма влюбленные и преданные своей профессии, энтузиасты своего дела, талантливые ученые, грамотные организаторы, практики, разносторонние, увлеченные и увлекающие за собой. Состоявшаяся встреча была очень интересная, познавательная и продуктивная. Ее итогом стало приглашение студенческой молодежи в археологический отряд в составе организованной Ишимской Археологической экспедиции, для работ по изучению найденного комплекса исторических объектов в окрестностях Степногорска.

Фото 1. Степногорск, 1997 г.

Буквально все в детстве ходили в туристические походы, у некоторых был опыт работы на родительских дачных участках. Первый археологический отряд состоял из таких «опытных» туристов-садоводов, из числа студентов-медиков и студентов-историков. Мне, студенту истфака Евразийского университета, посчастливилось попасть в первый состав экспедиционного отряда, в команду, которой в последующем представилась честь стоять у истоков исследования городища Бозок. Коллектив подобрался надежный, молодой, пытливый, энергичный и веселый, он полностью соответствовал духу наших наставников и руководителей экспедиции Кималья Акишевича и Марал Калымжановны.

«Играющий тренер» - такое выражение встречается в спорте. Это словосочетание в полной мере относится и к нашим учителям. Кималья Акишевич и Марал Калымжановна – Педагоги с большой буквы. Они учили нас и продолжали учиться и совершенствоваться сами, ежедневно, на протяжении всей жизни, все свои знания и опыт старались обобщить и передать молодежи. Профессионализм и опыт наших наставников виделся не только в подходе к научной деятельности, но и в отношении

к людям. Любой вопрос не оставался без внимания и решения. Большая заслуга их состояла в том, что в нашем юном коллективе археологов создалась атмосфера, благодаря которой члены экспедиции сформировались в семью единомышленников.

Марал Калымжановна всегда большое внимание уделяла методике проведения археологических раскопок. Верными спутниками студентов-историков в полевом сезоне стали компас, карандаш, миллиметровая бумага, блокнот и хорошая обувь. Разведка, привязка объекта к местности, закладка раскопа, зачистка, отрисовка, фотофиксация, консервация, камеральные работы, еженедельные подробные письменные отчеты, ведение полевых дневников и журналов – это лишь часть наших практических занятий, из которых состояли экспедиционные будни.

Кималь Акишевич был наделен многими талантами, один из них – развитая интуиция и наблюдательность. Каждое утро он выходил на прогулку, погружался в свою стихию и возвращался, практически всегда с очередной находкой. Он с большим уважением относился к природе, обладал умением слышать, видеть и чувствовать ее, мог найти «общий язык» со степными просторами, сопками, и природа отвечала ему взаимностью.

За несколько дней с начала работы Степногорской экспедиции в 1997 г., в копилке его находок значились каменные наконечники стрел, скребки, каменные мотыги, масса фрагментов керамической посуды эпохи бронзы, средневековья и остатки переселенческой керамики. В числе значимых находок числились поселение и погребальные сооружения, относящиеся к эпохе бронзы, несколько «царских» курганов эпохи раннего железного века, при исследовании которых стало ясно, что они разграблены, но в развалах каменных конструкций двух курганов обнаружены каменные изваяния, которые сегодня, в числе других находок экспонируются в историко-краеведческом музее Степногорска.

Заслуженный авторитет, честность, порядочность, требовательность, организаторский талант Кималю Акишевичу и Марал Калымжановны позволили сплотить в стенах Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева молодой

коллектив из выпускников исторических факультетов разных ВУЗов Казахстана. В 2000 году здесь организована Лаборатория археологических реконструкций. С приходом в Университет наших учителей началась полноценная археологическая практика для

Фото 2. Ветеран ВОВ К. Акишев и М. Хабдулина с сотрудниками Лаборатории археологических реконструкций. Окрестности столицы. 9 мая 2002 г.

студентов-историков, открыта кафедра археологии и этнологии, которую возглавил профессор К.А. Акишев.

Университет можно сравнить с большим домом, с множеством подъездов-факультетов, а наша Лаборатория – квартира, в которой живет одна семья. Заслуга учителей заключается еще и в том, что созданы и поддерживались условия в семье, которые позволяли каждому реализовать свой потенциал, развиваться, расти.

Всегда следовать к достижению поставленной цели, работать над собственным профессиональным ростом, уметь слушать и уважать мнение оппонентов, оставаться человеком в любых жизненных ситуациях – ряд определяющих принципов, заложенных нам, студентам-историкам Казахстана, талантливыми педагогами, наставниками в лице Акишева Кималя Акишевича и Хабдулиной Марал Калымжановны.

«...Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель». Л.Н. Толстой

Асель Уразова

СЛОВО О НАСТАВНИКЕ

В жизни каждого человека случаются много интересных встреч и знакомств. В памяти навсегда остаются образы людей, которые оказали на тебя особое влияние.

Вспоминаются школьные годы и учителя, и особенно счастлив тот, кому встретился Учитель, Наставник, который смог привить любовь, доброту, глубокие знания.

Лично для меня самыми яркими и счастливыми являются студенческие годы. Именно они интересные, незабываемые, беззаботные, наполненные юношеской романтикой. Для меня это были годы учебы на историческом факультете Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Сразу же вспоминаются любимые преподаватели, сыгравшие значительную роль в моей судьбе.

Жизненный путь человека, его профессиональное становление в значительной степени определяется личностью учителя, наставника, который был рядом. И мне в этом отношении очень повезло. Так, в моей жизни особую роль сыграл мой наставник, научный руководитель дипломной работы и магистерской диссертации Марал Калымжановна Хабдулина. Я бесконечно благодарна судьбе за встречу с прекрасным педагогом, замечательным человеком и чудесной женщиной.

2000 год. Я - студентка первого курса, обучаюсь по впервые открывшейся в университете специальности «археология и этнология». Нам, первокурсникам все в новинку, все захватывает и увлекает, жажда знаний, неизведанного, чувства переполняют душу.

Вот начинаются лекции по курсу археологии. В аудиторию входит статная, интеллигентная, красивая женщина, олицетворяющая мудрость и собственное достоинство. Свободная манера изложения материала, которой в совершенстве владеет Марал

Калымжановна завораживает с первых же лекций. Как личность она притягивала прежде всего увлеченностью своим предметом, доброжелательностью, интеллигентностью. Я уверена, что многие выпускники с благодарностью и восхищением вспоминают ее лекции по археологии.

У нее своеобразная методика и подача материала. Лекция обязательно строилась по четкому продуманному плану, сопровождалась интересным наглядным иллюстративным материалом. Свои лекции Марал Калымжановна никогда не читала, она увлеченно излагала интереснейший материал, где история и археология сразу же оживали и раскрывались перед нами. Лекции проходили на одном дыхании и время пролетало незаметно.

Признаюсь, на первых порах к Марал Калымжановне я испытывала смешанные чувства. Она очень требовательная, не дает поблажек ни себе, ни другим, любит во всем порядок, конкретность, не приемлет лень. Так она научила и нас быть сильными, никогда не сдаваться. Когда она видит, что ты стараешься, то всегда идет навстречу. И уже спустя время, вместо страха перед педагогом, пришло бескрайнее уважение, восхищение и любовь.

Одной из специфик обучения на историческом факультете является проведение археологической практики студентов после первого курса обучения. Моя первая практика проходила на средневековом городище Бозок, расположенном в левобережной долине реки Ишим.

Бозок - последнее научное открытие человека-легенды Кималя Акишевича Акишева, под руководством которого началось исследование памятника. Ученым сделаны первые обобщения и теоретические заключения этнокультурного и хронологического характера памятника. В Ишимской экспедиции начальником которого был Кималь Акишев, нам посчастливилось с ним познакомиться, послушать его потрясающие лекции и видеть его в полевой жизни...

В раскопках с нами принимали участие и студенты КарГУ им.Е.А. Букетова, с которыми по сей день поддерживаем дружеские отношения.

Отмечу, что именно от первой практики остаются самые теплые и светлые воспоминания. Это пора первых знакомств, открытия новых качеств и достоинств друг друга, совместный труд и общий досуг. Первый набор – одна семья, одна судьба, одна история.

Именно во время археологической практики мы еще ближе познакомились с Марал Калымжановной. Она относится к числу тех педагогов, которые имеют огромный преподавательский опыт, владеют громадным объёмом знаний и творчески относятся к процессу обучения студентов. Меня восхищает в ней любовь к своей профессии. Помню, когда погодные условия не позволяли работать на раскопках, она собирала нас всех в большой палатке и рассказывала много интересного и познавательного. Ее рассказы всегда завораживают.

Обязательным на практике было ведение полевого дневника. Режим был строгий, рано вставали, завтракали и приступали к работе. Во время прохождения своей первой археологической практики я многое узнала об этапах проведения раскопок, как правильно копать, разбивать шурфы, делать зачистку, научилась рисовать «бровки».

А вечерами после плодотворного рабочего дня мы все собирались у костра и пели археологические песни. А посвящение в археолога — это отдельное событие и незабываемое мероприятие! Хорошее было время, счастливое и беззаботное! Были и трудности, но все вспоминается с теплотой. Экспедиция оставила в памяти яркие неизгладимые впечатления.

После окончания университета мне посчастливилось работать в НИИ археологии им. К.А. Акишева под руководством моего уважаемого наставника Марал Калымжановны. Эти годы наполнены творческой деятельностью, углубленным изучением проблем отечественной археологии и выбором дальнейшей научной темы для исследований. Мы принимали участие в подготовке и проведении научных конференций. Помню, как мы проводили международный полевой форум «Бозок в панораме средневековых культур Евразии», посвященного 80-летию со дня рождения К.А. Акишева на нашем любимом городище. На памятнике собрались самые яркие евразийские археологи-

медиевисты: И.Л. Кызласов, К.М. Байпаков, А.Г. Ситдигов, Б.Е. Кумекоев, В.И. Матющенко, С.Ж. Жолдасбаев, С.Г. Боталов и др. Основное внимание на форуме уделялось интерпретации функциональной принадлежности памятника и его датировке. Все участники отметили, что городище Бозок – памятник интересный и довольно сложный. Так, мэтр археологии Игорь Леонидович Кызласов подчеркнул, что он имеет необычную стратиграфию и после рабочих заседаний семинара проводил время на раскопах Бозока, изучая стены. Форум прошел на высшем уровне и оставил в памяти незабываемые впечатления и бесценный опыт.

Фото 1. Участники Международного форума на городище Бозок, 2004 г.

И в заключении своей небольшой статьи, хочу отметить, что Марал Калымжановна педагог от бога. У нее есть все, что должно быть присуще Учителю: талант, душевная теплота, внешняя красота, ум, чуткость, терпение и неиссякаемая энергия, ораторский талант. Очень добрая, заботливая, мудрая, веселая, любящая, человек с богатым внутренним миром. Как писал Л.Н.Толстой, «Хорошему учителю достаточно иметь только два качества – большие знания и большое сердце». Всем этим обладает Марал Калымжановна – опытный наставник молодых, великий труженик и настоящий надежный друг. Она всегда в вечном поиске и вечных трудах. Люблю и глубоко уважаю ее за все то, чему она нас научила! Сколько знаний и новых открытий вложила в нас!

Дорогая Марал Калымжановна!

Я сердечно поздравляю Вас с юбилейным Днем Рождения! Пусть Ваш педагогический талант, душевная щедрость еще долго остаются маяком для всех нас, Ваш образ – примером для подражания. От души благодарю Вас за знания и переданный опыт, за чуткое отношение, за теплоту и понимание. Я благодарна судьбе, что на жизненном пути встретила Вас и бесконечно счастлива быть Вашей ученицей! Здоровья Вам и долгих лет жизни!!!

Шолпан Кунанбаева

БОЗОК: ЛЮДИ, ПРОСТРАНСТВО, ПАМЯТЬ

Бозок для меня – это место, которое, как хорошая книга, с каждым прочтением открывает все новые смыслы. Спустя время все еще обдумываешь опыт и вспоминаешь эмоции, которое он подарил.

Люди

Бозок в первую очередь ассоциируется с именем Кималя Акишева. Мне не посчастливилось его видеть, поступление на исторический факультет пришлось на 2003 год, когда его не стало. Потеря в исторической науке чувствовалась очень явно. Каждый преподаватель начинал первое занятие со слов: «ушел из жизни выдающийся ученый, основатель археологической науки Казахстана Кималь Акишев...». Вскоре мы узнали много фактов о биографии ученого, стали читать его труды, открывать для себя эту удивительную, увлекательную науку – археологию. Когда каждый день слышишь, с какой теплотой и пиететом отзываются о нем его ученики и коллеги, невольно проникаешься теми же чувствами и кажется, будто знаешь человека лично.

Кималь Акишевич оставил помимо огромного научного наследия в целом, для конкретно Евразийского университета, – особые традиции организации науки, преемственность археологической школы. То, что мы, первокурсники, были не предоставлены самим себе, а нами занимались, увлекали археологией, стало для меня главным примером отношения к науке и людям.

После прохождения первой археологической практики выбор специализации был очевиден. Я напросилась посещать лекции Марал Калымжановны вместе с ее магистрантами, и это было лучшее время за годы бакалавриата. Нас готовили для участия в студенческих конференциях археологов. Мы дополнительно изучали археологию Поволжья и Сибири, чтобы на площадках

УПАСК и РАЭСК не выпадают из обсуждаемых тем. По несколько раз защищали свои доклады перед магистрантами и сотрудниками НИИ им. К.Акишева. Участие в конференциях открыло весь масштаб археологического сообщества, а также, осмелюсь писать, – масштаб личностей в этой науке. Нет случайных людей в археологии, как не было случайных людей в ИСАЭ.

Мне очень повезло учиться у Марал Калымжановны. Повезло посещать лекции приглашенных археологов: Эммы Радиковны Усмановой, Игоря Леонидовича Кызласова, Виктора Васильевича Варфоломеева и многих других. Повезло провести несколько археологических сезонов на Бозоке. Повезло с людьми, которые повстречались там. Спустя годы мы (Бозокчане) с большой теплотой вспоминаем общее прошлое, и несмотря на то, что работаем в разных учреждениях и городах, – искренне радуемся каждой встрече. Мы видим друг друга прежними, продолжаем разговор, как будто он не прерывался, понимаем друг друга интуитивно. И все это благодаря экспедиции.

Пространство

Приехав впервые на археологическую практику, я обнаружила три армейские палатки и еще несколько маленьких. Это был лагерь ИСАЭ. Он находился на невыразительном, на первый взгляд даже унылом участке земли. Палило солнце и не было от него никакого укрытия. Лишь вечером отступал зной, но на смену ему приходили комары. Много комаров. Спрашивается: как можно по такому месту скучать? Очень скоро я полюбила эту болотистую степь и гомон птиц по утрам. Они гнездятся на озере в значительном расстоянии от лагеря, но ощущение такое, что каждое утро все птицы собираются у палаток с целью будить людей. Наблюдая перемены погоды в течение дня, проникаешься этой особой степной атмосферой. Самое прекрасное на Бозоке – небо. Оно как опрокинутая голубая чаша, окружает пространство вокруг и смыкается по всей линии горизонта. Единение неба и земли создает то самое ощущение места силы. Возвращаясь на Бозок вновь и вновь, узнаешь эту особую энергетику. Известно, что люди во все времена определяли подобные места для постройки поселений, возведения храмов и некрополей. Не случайно Бозок для нас сегодня – это место силы, ведь на протяжении нескольких веков это пространство было сакральным для людей.

Фото1 . Закрытие экспедиции на Бозоке, 2007 г.

Самым ярким летом в экспедиции стало, конечно же, первое. Пока ты практикант и у тебя нет особых забот и зоны ответственности, можно наслаждаться всеми нехитрыми видами досуга. Играть в мафию, устраивать розыгрыши, или, отыскав крохотный уголок в тени, вдоволь читать. Мы в то лето копали колодец, вода, конечно, оказалась очень соленой, но зато нам доставалась эластичная глина. Из нее мы лепили горшки и обжигали их в костре. За две недели практики была прожита полнокровная жизнь, насыщенная множеством событий. Это время, место и люди, стали заделом для будущих экспедиций, негласным мерилom последующего опыта и неким обобщенным символом счастья. Спасибо Бозоку!

Жанна Аккошкарова, Баян Сексенова

БОЗОҚТАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ МАРАЛ ҚАЛЫМЖАНҚЫЗЫНЫҢ ДӘРІСТЕРІ

2005-2006 оқу жылы біз, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Археология және этнология» мамандығының бірінші курс студенттері, алғашқы археологиялық тәжірибемізден өтуге Есіл стационарлы археологиялық экспедициясы құрамында ортағасырлық Бозоқ қалашығына аттандық. Осы археологиялық нысанда алғашқы рет экспедиция жетекшісі Марал Қалымжанқызымен таныстық. Тәжірибеден өтуге келген барлық студенттерді қарсы алып Бозоқ қалашығында өткізген экскурсиядан әлі күнге дейін Марал Қалымжанқызының сыңғырлаған дауысы мен тіл шеберлігі есімізде. Дауысының сиқырлығы мен дәрістерінің қызықтығы сондай –тыңдай бергін келеді. Бозоқ қалашығының ашылу тарихы мен ортағасырлық кезеңмен бізді таныстырғанда, өткен дәуір сағымы көз алдымызға келгендей болды. Дәл осы уақыттан студенттік өмірдің нағыз қызығы мен археология ғылымын тәжірибе жүзінде тану басталды. Археологиялық тәжірибе кезінде меңгерген дәрістерді әлі күнге дейін өмірде қолданып жатырмыз. Әрдайым жылы лебізбен еске алатын сәттерімізбен сіздермен де бөліскіміз келеді.

Студенттік кезде экспедицияда күнде айтылып жүрген міндет-талаптарды біз ғибрат айту ретінде қабылдадық, ал уақыт өте келе бұл жас ұрпақты тәрбиелеудің бір бөлігі болғанын түсіндік. Алайда Марал Қалымжанқызынан алған негізгі дәрістер мәңгілікке жадымызда сақталды.

Тәртіп. Марал Қалымжанқызы әрдайым археологиялық экспедицияны ұйымдастыруда тәртіп пен күн кестесін ұстану өте маңызды екендігін айтатын. Былай қарағанда бұл талаптар бізге оңай болып көрінді. Бірақ 80-нен астам адам тұратын археологиялық лагерьде бұл талаптарды орындау қиындау болды. Күнделікті тазалық пен тәртіпті ұстану үшін біраз күш

салу керек болды. Кезекші болу, күнделікті берілген жұмысты атқару, лагерьді тазалауға қатысу, осының барлығы бізді тәртіпке баулыды. Уақытылы жатып-тұру, уақытылы қазбаға жұмысқа шығу – далалық жағдайда жұмысты ұйымдастырудың осындай талаптары әдетте жұмыстың сапалы нәтижесін береді. М.Қ. Хабдулина бізге студенттік кезде жұмысты атқарудың осындай тәртібі мен талабын үйреткен кезінен ұстануға тырысып келеміз. Әрине, несін жасырамыз, білдіртпей қашып, алау басында түннің бір уағына дейін отыратынбыз. Студенттік шақтың бұл керемет кезеңі үшін «Бозоққа» рахмет!

Жұмысқа дайындық. Археологиялық экспедициялардың негізгі жұмыс алаңы, әрине, қазба. Археологиялық экспедицияның әр мүшесі қазбаға дайынадалып келу керек. Қазбаға дайындалып келу дегеніміз ең бастысы қатысушылардың қауіпсіздігі, ал қазба басшыларында ғылыми жұмысты атқаруға қажетті барлық құралдар болуы тиіс. Қазбаға қатысушыларда жұмысқа сәйкес ыңғайлы киім күн көзінен қорғайтын бас киім, табаны қатты аяқ киім, тағы да басқа болу керек. Экспедицияның әр мүшесі қазба алаңына жұмыс құралымен келу керек, бұл экспедицияның «алтын» ережесі болды. Біз ұстап жүрген күректерімізге басқа біреу алып кетпесін деп есімдерімізді жазып қоятынбыз, тіпті төсек астына тығып қоятындар да болды. Сол құралдарда небір есімдер, естеліктер сақтаулы. Былай қарағанда, қазба алаңындағы қарапайым ережелер, дегенмен де Марал Қалымжанқызы әрдайым тәртіптерді ескертіп отыратын. Нәтижесінде біз де экспедиция мүшелерінің жұмысына қолайлы еңбек жағдайын жасауды үйрендік. Қазба басшыларына талаптар ерекше болды, олардың жорық сөмкелерінде далалық сызба жұмыстарына қажетті барлық канцелярлық құралдар болу керек және олар таза және ұқыпты болу керек. Өйткені Марал Қалымжанқызы далалық ғылыми құжаттарға, әсіресе сызбалардың тазалығына қатты көңіл аударды. Оның айтуы бойынша: «эти документы будут храниться, десятилетиями в архивах, ими будут пользоваться будущее поколение. Будьте, добры относитесь бережно к этим чертежам». Біз магистрлік диссертация дайындағанда, архив материалдарымен, археологиялық сызбалармен жұмыс істегенде осы сөздері ойға келетін.

Ұйымдастырушылық. Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ-де студенттік және магистрлік оқу жылдары, Марал Қалымжанқызы кафедра меңгерушісі болған кезде бізді әрдайым университет, республика және халықаралық деңгейдегі ғылыми іс-шараларды ұйымдастыруға қатыстыратын. Алғашқы үлкен тәжірибемізді халықаралық студенттік конференцияларды, «Марғұлан оқуларын» және кабинеттердің ашылуы мен презентациясы ұйымдастыру, өткізу кезінде алдық. Бұл тәжірибе бізді Марал Қалымжанқызы айтатындай жұмысты «под ключ» тапсыруға үйретті.

Сурет1. Бозоқ қалашығының қазбасында, 2010 ж.

Ғылыми тәжірибе. «Археология және этнология» кафедрасының отырысында диплом жұмыстарының алдын ала қорғау жұмыстарын қорқынышпен еске аламыз. Түлектердің алғашқы сұрағы Марал Қалымжанқызы отырыста бар ма? Өйткені ол түлектерден әрдайым сапалы ғылыми жұмыс талап етеді. Марал Қалымжанқызы қатал болып көрінгенмен, жүрегі өте жұмсақ, мінезі тура. Оның бағалы ескертулері әрдайым орынды болды. Егер Марал Қалымжанқызы жұмысына оң пікір берсе, біз үшін ол өте үлкен баға болды. Ол тіпті біздің студенттік мақалаларымызға да назар аударатын. Ол мақалаларды баспаға жіберместен бұрын археологиялық үйірмеде баяндамамен шығып қорғайтынбыз. «Археология және этнология» мамандығының барлық түлектері археологиялық ғылыми жұмыстардың негізгі талаптарын жақсы біледі, ол –иллюстрация, ғылыми сызбалармен қамтамасыз ету.

Осы барлық алынған теориялық және тәжірибелік дәрістеріміз қазіргі таңда біздің жұмысымызда және өмірімізде үлкен септігін тигізіп жатыр.

Мүмкіндікті пайдалана отырып, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Археология және этнология» мамандығының барлық студенттерінің атынан Сізді мерей-тойыңызбен құттықтаймыз. Сіздің педагогикалық шеберлігіңіз үшін, жас мамандарды дайындау ісіндегі еңбегіңіз үшін алғысымызды білдіреміз. Сізге зор денсаулық, қажымас қайрат және ұзақ ғұмыр тілейміз.

БОЗОК – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

Сауле Бурбаева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ НА ОСНОВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ГОРОДИЩА БОЗОК»

На сегодняшний день остро стоит вопрос о сохранении и актуализации историко-культурного наследия среди общества. Историко-культурное наследие приобретает исключительное значение в современных обществах. Это связано, прежде всего, с процессом глобализации, который захватил не только экономику, политику, но и духовную сферу.

За годы независимости в результате реализации государственных программ историческое и культурное наследие Казахстана расширило сферу научного распространения, что привело к новым ярким открытиям, которые позволили заявить всему миру о том, что Земля Казахстана была свидетелем тех самых первых этногенетических процессов древних племен. Территория Казахстана выступала площадкой для зарождения многих достижений мировой цивилизации, о чем свидетельствуют археологические исследования.

Глава государства К.-Ж. Токаев в своей программной статье «Независимость дороже всего» пишет: «Плоды таких фундаментальных изысканий должны изучаться и использоваться не только узкими специалистами. Необходимо сделать эти уникальные знания понятными и доступными широкой аудитории. Ведь главное историческое сознание – это не прерогатива профессиональных историков, обладать им должен весь народ, особенно молодежь». Расцвет и сохранение историко-культурного наследия на современном этапе связано с сочетанием соответствующих путей его эффективной передачи народу, в результате которой увеличивается интерес к традиционной культуре и её национальной истории.

Одним из самых эффективных способов изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия Казахстана является создание Национального парка под открытым небом на

территории столицы.

Бескрайние степи нынешней столицы издавна были тем местом, где встречались и переплетались различные цивилизации и культуры. Здесь проходили караванные дороги Великого Шелкового пути.

В центре Сарыарки, в 6 км от города Нур-Султан находилось средневековое городище Бозок, которое можно по праву назвать тысячелетним предшественником столицы Казахстана.

12 апреля 2017 года вышла в свет программная статья Н.Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», в которой первым условием модернизации обозначено сохранение своей культуры, собственного национального кода.

В рамках одного из шести проектов («Сакральный Казахстан»), обозначенных в программной статье планировалось создание музея-заповедника «Бозок». В статье Н. Назарбаева «Семь граней Великой степи» основной акцент направлен на исследование казахстанской истории и популяризации культурного наследия Казахстана. В этой связи вопрос об открытии нового музея-заповедника на памятнике Бозок получил свое положительное решение.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2018 года создано Республиканское государственное казенное предприятие «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Бозок”». В состав организации входят ученые, археологи и музейеведы. Учеными разработана Концепция создания архитектурного облика музея-заповедника «Бозок», в котором отражены достижения степной цивилизации в мировую и утвержден форэскиз проекта.

Основной целью проекта музея-заповедника «Бозок» является реконструкция городища Бозок и создание историко-культурного парка, в котором будут отражены хронологически исторические периоды от энеолита до этнографической современности. Это будет «живой музей» с возможностью погружения в аутентичную среду древности и средневековья – эпоху формирования и развития Всаднической культуры.

Реализация проекта музея-заповедника Бозок предполагает

организацию качественно нового формата музейного учреждения – «живого» контактного музея, в котором наряду с научно-исследовательской деятельностью важными станут функции сохранения истории и культуры, историко-природного ландшафта с сохранением реликтовой флоры и фауны.

Воссоздание археологического парка будет опираться на исследования отечественных и зарубежных ученых по древней и средневековой истории Евразии. Реконструкция городища Бозок будет создана по результатам археологических исследований на памятнике.

Акиматом столицы для строительства Национального парка выделен участок земли площадью 412 га в районе «Есиль» (севернее жилого массива Ильинка) г. Нур-Султан. 92 га составляет озеро Бузыкты, которое сохранило свой первозданный облик и обладает прекрасной флорой и фауной.

На выделенной территории проведены проектно-изыскательские работы (топосъемка, геолого-геодезические исследования). Разработан форэскиз, включающий концепцию проекта с проведением маркетинговых исследований по созданию археологического парка с воссозданием древнего городища Бозок и исторических комплексов с визуальным видением объектов, включая визит-центр. Выполнено эскизное проектирование исторической части проекта с участием ведущих отечественных ученых и архитекторов. Главным архитектором проекта является Алмаз Ордабаев, вице-президент Союза дизайнеров Казахстана, почетный архитектор Казахстана, Почетный Академик Академии художеств РК.

В 2020 году получено положительное заключение от Министерства Национальной экономики РК на разработку проектно-сметной документации «Строительство ограждения в архитектурном стиле средневековья территории археологического памятника – древнего городища Бозок». Разработан комплексный план по реализации проекта, согласно которому возведение парка планируется в 4 этапа – с 2021 по 2025 годы. После проведения проектно-сметных работ и государственной экспертизы в 2021 году идет разработка ПСД объектов первой очереди реконструкции древнего городища

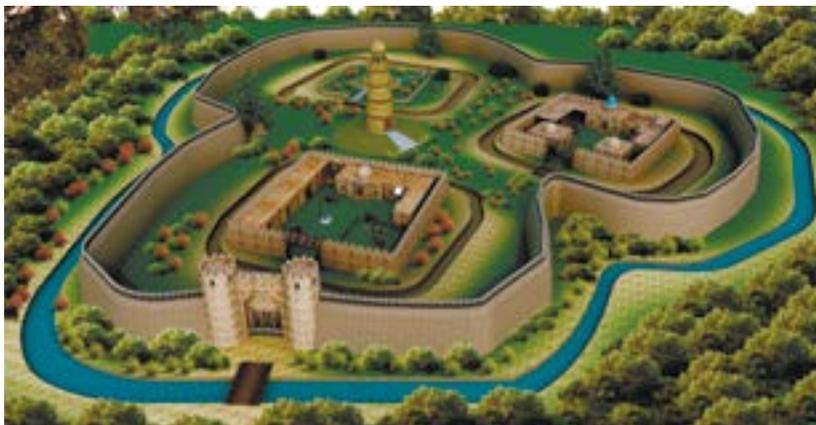

Фото 1. Реконструкция городища Бозок по М.К. Хабдулиной

Бозок, состоящее из святилища, смотровой башни, каганской ставки и почтового жема и Визит-центра, выполненного в форме обобщенного образа средневековых столиц периода истории Казахского ханства (цитадель, шахристан, рабад). Эскизное проектирование объектов первой очереди выполнено МКС РК, ПСД данных объектов будет разработано в 2021 году акиматом города Нур-Султан.

В 2021 году музей-заповедник работает над концептуальным видением музеефикации вышеперечисленных объектов первой очереди (научное, художественное, техническое решение внутреннего содержания).

С целью представления различных типов жилищ, храмовых и дворцовых комплексов древности известными учеными З.С. Самашевым и Ж.К. Курманкуловым разработаны научные концепции: «История эволюции стационарного жилища на территории Казахстана» (рекомендации по созданию поселенческих комплексов на базе музея-заповедника «Бозок») и «Древние дворцовые и храмовые комплексы (на основе археологических памятников Южного Казахстана)».

Поскольку важное значение для репрезентации культурогенеза Казахстана имеют древние технологии, известными археологами А.С. Ермолаевой и Е. Акымбеком разработаны научные концепции по истории формирования и развития ранней истории

металлургии и гончарного дела.

Период энеолита будет представлен реконструкцией жилищ поселения Ботай. Выбор эпохи энеолита связан с началом доместикации верхового животного – лошади и соответственно временем начала складывания Всаднической культуры. Это период технологического прорыва от эпохи камня к обработке металла – меди и формированию коневодческой культуры в степях Казахстана (Ботайская культура). В рамках проекта профессором Виктором Зайбертом подготовлена концепция энеолитического поселения Ботай.

Эпоха бронзы представлена поселением, в котором предполагается отразить достижения периода палеометалла на основе археологических открытий. Создание сплава меди и олова – бронзы, выделение протогородской культуры и новых видов хозяйства: пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие, металлопроизводства, военного дела, появление колесного транспорта.

Эпоха раннего железного века – время формирования культуры Всадничества. Поселение сакского периода будет представлено реконструкциями по известным археологическим памятникам Казахстана: Бабиш-Мола, Акбауыр, Актас, Каракабак и др.

Городская инфраструктура предполагает воссоздание жилищ разных социальных групп, храмового комплекса (Кызыл Уйык), а также металлургических (Атасу-1, Мыржық, Семиозерное, Талдысай-1) и гончарных (Бабиш-Мола-7) мастерских с полным циклом обработки металла (плавка, литье, кузнечество) и керамики (по методике экспериментальной археологии).

Воссоздание культуры древних тюрков на основе письменных и археологических источников предполагает реконструкцию тюркского города, в котором выстроятся дворцовый комплекс кагана, замки, культовые сооружения (святилище Елеке-сазы), ремесленные кварталы, воссозданы петроглифы.

Эпоха Казахского ханства представлена исторической реконструкцией сооружений, обнаруженных при исследовании столичных центров (Саурана, Сыгнака, Сарайчика и Туркестана).

В Национальном парке будут построены центр семейного

отдыха, амфитеатр, биопарк, военно-спортивный комплекс, парковые зоны, причал, восточные базары, мастерские ремесленников.

В реализации историко-культурного проекта «Создание Национального парка под открытым небом на основе археологических исследований древнего городища Бозок» принимают участие ведущие отечественные историки, археологи, этнографы, дизайнеры, архитекторы.

На сегодня историко-культурный музей-заповедник «Бозок» стал постоянно действующей разноформатной диалоговой площадкой для ученых самых разных направлений: археологов, этнографов, историков, краеведов по актуальным проблемам исторической науки.

Успешно реализовываются мероприятия «Актуальные проблемы репрезентации культурного наследия» в формате WORKSHOP, научно-познавательный, информационный проект по теме: «Бозоковские среды. Актуально для каждого», полевые семинары с участием представителей научного сообщества.

В социальных сетях facebook, instagram, twitter, t.me, You

Фото 2 Съемки программы Workshop в проектном офисе музея-заповедника «Бозок»

Tube музеем-заповедником «Бозок» в рамках популяризации историко-культурного наследия Степной цивилизации проводятся разноформатные мероприятия в режиме онлайн: видеолекции ведущих ученых страны, видеоинтервью в рамках цикла «Заман. Ғалым. Көзқарас» с ведущими отечественными учеными, республиканские дистанционные конкурсы среди обучающихся организаций общего среднего, технического и профессионального образования.

На культурно-образовательной платформе «Ұлағатты

Фото 3 Участники Международной научной конференции «Историко-культурный проект Бозок: итоги 2019 года и перспективы развития»

ұрпақ», инициированной МКС РК проведены видеоуроки для школьников.

На самом памятнике проводятся культурно-образовательные, просветительские мероприятия с участием общественности, СМИ, организаций образования столицы.

С целью популяризации археологического памятника и сакрального объекта общенационального значения – городища Бозок как объекта туризма, в июне, августе 2020 года проведены полевые этнографические практикумы «Атқа міңгізу» и «Сірге жияр», посвященные 750-летию Золотой Орды и 175- летию Абая Кунанбаева с показом обрядов Всаднической культуры и участием известных ученых: профессоров, д.и.н. З.С. Самашева и Ж. О. Артыкбаева, к.и.н. М. К. Хабдулиной, участников конного клуба «At-travel», специалистов по коневодству, представителей

отдела культуры и развития языков Акмолинской области (Целиноградский район).

Пополняются фонд и научная библиотека музея-заповедника в рамках Республиканской акции «Музейге сый». В музее хранятся более 800 ед. экспонатов материальной культуры, составляющих уникальные коллекции предметов от эпохи палеометалла до этнографической современности.

Музеем-заповедником «Бозок» разработаны программы пребывания в Национальном парке Бозок (на перспективу), которые дадут посетителям возможность погрузиться в мир прошлого, ощутить себя жителем древнего города, увидеть непосредственный быт средневековой эпохи и окунуться в тысячелетнюю историю Великой степи.

Впервые реализуемый в Казахстане масштабный историко-культурный проект «Бозок» - не только значимый идеологический проект, способный оказывать влияние на формирование позитивной гражданской идентичности подрастающего поколения, создание позитивного имиджа Казахстана, его древней истории и культуры, но и потенциально успешная в будущем экономически-эффективная культурная институция.

Зубайда Сураганова, Айнагуль Ганиева, Гульзат Букешева

САКРАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ПОЛИМОРФИЗМ КУЗНЕЧНОГО КУЛЬТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАННИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ МУЗЕЙНОГО ПРАЗДНИКА *

В своей деятельности современный музей, вне зависимости от его профиля, эффективность и успешность своей работы основывает на использовании множества факторов, важнейшими из которых становится музейная наука. Казахстанские музеи – не исключение. По точному замечанию известного отечественного музеолога Г. Ш. Файзуллиной, в музейном пространстве республики «с 2006 года можно наблюдать, как постепенно пришло понимание того, что и археология, и этнология, и музеология (музейное дело) утратили четкие границы своего исследовательского поля, сегодня стали актуальными синергия и междисциплинарность» (Файзуллина, 2020, с. 130). Одной из таких форм в музейной практике, способных спаять археологию, этнографию и музеологию является постановка праздника.

История интегрирования праздника в сферу музейной работы показывает его качественную эволюцию. Отмечая, что музейный праздник начиная с 1980-х гг. приобрел устойчивость в советской музейной практике, исследователи, выделяют две тенденции, способствовавшие этому процессу: рост фольклорного движения среди молодежи и внедрение праздника, как «новой коммуникативной модели в культурно-образовательную деятельность музеев» (Мавшенко, 2012, с. 97-98). Устойчивость этой самостоятельной формы культурно-образовательной деятельности в музейной практике к началу 2000-х гг. привело к его теоретическому осмыслению и терминологическому определению. Известный российский музеолог Т. Ю. Юренева понимает под понятием «музейный праздник» комплексную форму «культурно-образовательной деятельности музея, в которой единой темой объединены элементы экскурсии, творческого вечера, театрализованного представления и пр.» (Юренева, 2003, с. 485). Определение, сформулированное М. Ю. Юхневич,

* Настоящая работа подготовлена при поддержке МКС РК в рамках реализации программы «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии» (BR10164218).

на наш взгляд, представляет наиболее актуальное понимание этого термина: праздник музейный – «комплексная форма культурно-образовательной деятельности музеев, основанная на различных приемах активации музейной аудитории, усиливающих эмоциональное воздействие: театрализации, игре, применении особой атрибутики, ритуалов» (Юхневич, 2001, с. 109). Коллеги из Томска дают термин в следующей формулировке: «комплексная форма культурно-образовательной деятельности, в которой единой темой объединены элементы экскурсии, тематического вечера, театрализованного представления и пр. Он проводится музейными специалистами на основе тщательно разработанного сценария и при участии творческих работников театра, музыкальных учреждений, участников художественной самодеятельности, радио, кино, телевидения» (Галкина, Петунина, 2004, с. 9).

В целом ряд исследователей отмечают комплексный характер музейного праздника, вовлекающего не только сотрудников музейного учреждения, но и специалистов самого разного профиля (Чиркова, 2005), а также «структур местной власти, общественных организаций, местного населения и т.д. «Музейным» праздник делает организующая роль музея, историко-культурная тематика, проведение на музейной территории, «задействованность» музейных объектов, памятников, предметов и т.п.» (Именнова, 2011, с. 138).

Как справедливо отмечают специалисты, без тщательной научно-изыскательской работы, предваряющей непосредственно постановку праздника, без тщательного изучения источников, содержащих материалы по традиционной культуре в целом, и обрядовой – в частности невозможно. При этом, надо понимать, что реконструкция обрядово-ритуальных практик имеет лишь гипотетический характер, поскольку у нас нет возможности воспроизвести их аутентичную целостность, т.е. «мы не можем говорить о полной достоверности, поэтому повторяем, имеем лишь право говорить только о гипотезе. И в этом отличие многих форм нематериального наследия от материального» (Чиркова, 2005, с. 185). Без внимательного изучения источников, последующего написания концепции и сценария праздничного

ритуала нереально приступить к его постановке. Трудности воспроизведения ритуала состоят в понимании его основной цели, в выяснении алгоритма обрядовых действий и артикуляции (вербальное сопровождение), определении соответствующей атрибутики и т.д.

Наиболее сложной задачей, по нашему мнению, представляется реконструкция обрядово-ритуальных практик, проистекающих из хозяйственной и ремесленной деятельности и имеющих тесную связь с календарем.

Настоящая статья предлагает рассмотреть одни из самых удивительных и практически утраченных обрядовых практик в казахской традиционной культуре – ритуалы связанные с кузнечным ремеслом.

Истоки сакральной природы кузнечного культа у тюркских народов, его многоликость и многозначность, т.е. разные состояния образа кузнеца и соответствующих ему ритуальных, социальных и магических функций довольно хорошо изучены. В мировой мифологической традиции культ кузнеца близко сходится с культами земли и огня.

Необходимость подготовки научного обоснования для разработки сценария музейного праздника, посвященного культу кузнеца, продиктована положениями концепции создания Национального парка под открытым небом на основе археологического памятника «Бозок», где предполагается в рамках тематической экспозиции, посвященной истории ранних технологий, представить историю формирования и развития металлургии в эпоху палеометалла. Стационарная выставка станет площадкой для музейных постановок обрядов, связанных с кузнечеством.

На основании исторических сведений средневековья и этнографических источников вырисовываются общие черты обожествления кузнечного ремесла у тюрков. В исторической ретроспективе у тюрков образ кузнеца сплетен с этногонией и вбирает в себя функции Бога-Творца, Пророка, Правителя, жреца, духа, духа предка, и, наконец, покровителя кузнечного и ювелирного ремесел. В настоящее время традиционные представления о культе кузнеца лишь отчасти воспроизводят

некогда важную часть в традиционной картине мира, этногонии и культуре современных тюрков.

В литературе самобытный культ кузнеца рассматривался во многих работах исследователей, изучающих тюркскую культуру. Авторы монографии «Знак и ритуал» из известной серии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев представляют основные социальные характеристики кузнеца. В фундаментальном монографическом труде «Серебряный путь казахских зергеров» известного казахстанского этнографа Ш. Ж. Тохтабаевой традиционные представления казахов, связанные с кузнечным и ювелирным ремеслами выделены в самостоятельный раздел, который назван ею «Знаковые функции казахской металлической пластики».

Среди работ по тюркской культуре, написанных в новом тысячелетии, выделяется монография «Якуты (Саха)» из серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, где интерес представляет раздел «Кузнец и шаман», написанный Н. А. Алексеевым, Е. Н. Романовой.

Казахстанские исследователи Т. Асемкулов, С. Кондыбай, З. Наурызбаева опубликовали ряд работ, посвященных мифологии кузнечного культа, его истоков и связанных с ними обрядово-ритуальных практик, сохранившихся в казахской традиции.

В 2007 году опубликован один из пяти томов «Каргалы: феномен и парадоксы развития» - книга российского археолога Е. Н. Черных «Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная жизнь архаичных горняков и металлургов)». Во второй части этой книги автор рассматривает сакральную сторону горнорудного дела Евразии, Южной Африки и Америки.

Добыча металла, его обработка соотносилась у тюркских народов с сакральностью. Несмотря на различия, образ кузнеца в тюркском мире, представлен в самых разных ипостасях и имеет много схожих черт в мифологической традиции тюркских и монгольских народов (Сураганова, 2018).

В кузнечестве выявлена тесная связь божественного с тайным знанием и практической деятельностью, а также властными

полномочиями. Как отмечают этнографы: *«Священная природа власти была сопряжена с причастностью ее обладателей к тайному, сокровенному знанию и ремеслам. В тюркском мире таким ремеслом считалось кузнечное дело... Первые тюркские каганы, ..., были тесно связаны с шаманами-кузнецами»* (Сагалаев, 1992, с. 75).

Согласно некоторым историческим сведениям правящая элита Ашина (имя, которое переводится как «благородный волк» и выступало как его синоним), подчинявшаяся хуннам, после их разгрома, откочевала в 449 г. на северную окраину Гоби, к югу от Алтая (Бичурин, 1998, с. 225) и подпала под власть жужаней в качестве его «плавильщика», добытчика железа (Бичурин, 1998, с. 232). Один из потомков Ашина, *«Асян-шад вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они становятся подданными жуань-жуаней, добывая и обрабатывая для них железо. На Алтае племя принимает наименование тюрк, которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор»* (Кляшторный, 1965, с. 278). По одной из этногенетических легенд *«алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы... Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем “тюрк”, или “тюркют”»* (Гумилев, 1993, с. 23-24). По другой версии Ашина – одно из поколений Дома Хуннов после более чем столетней войны с китайцами и затем сяньбийцами *«удалилось к подошве Алтая, где под названием Дулга [Тукюе] находилось под зависимостью сяньбийцев, а потом жужаней, и вместо подати обязано было добывать железо»* (Бичурин, 1998, с. 2302).

Символами связи кузнеца с хтоническим миром в мировой мифологии считаются змея и волк (Ксенофонов, 1992, с. 199-200), что также перекликается с этногонической легендой тюрков. Известно также, что культовые места поклонения у северных хуннов китайцы называли *«драконово капище»* (Гумилев, 1993, с. 70). История Первого Тюркского каганата прошла

под сенью драконтины, «одной из ипостасей которой была волчица. Волчица-драконтина считалась не только матерью и кормилицей Первотюрка, но и последующих каганов...» (Зуев, 2002, с. 88). По легенде волчица имела автохтонное алтайское происхождение и поэтому в «древнетюркском обществе были сильны пережитки материнского рода, одним из важнейших атрибутов которого является коллективная собственность на землю и средства производства, матрилокальность брака».

Устойчивость таких представлений обнаруживается и в традиционной картине мира, где «образ Великих матерей связан с землей, земными глубинами» (Кондыбай, 2008, с. 9). Образ Великой матери обнаруживается при близком рассмотрении таких женских мифологических персонажей казахов, как *мыстан кемпір* (букв.: медная старуха), *жез тырнақ* (букв.: имеющая медные ногти или когти). В книге «Мифология предказахов» С. Кондыбая в переводе замечательнейшего исследователя, культуролога и писателя З. Наурызбаевой старуха *мыстан* – это божественный дух, она – источник, сакральное начало, наделяющее человека священным даром шаманства, музыки и, по всей видимости, кузнечества [15, с. 73]. Такая характеристика делает образ *мыстан кемпір* схожей с известной хозяйкой медной горы – горным духом и дух-хранителем Уральских гор и покровительницей рудокопов из сказки Бажова «Малахитовая шкатулка», созданной по мотивам устных рассказов и местных преданий.

Собственно связь кузнечества с женским божеством Матери-Земли хорошо прослеживается в самой тюркской этногонии. Согласно гипотезе казахстанского ученого-тюрколога, синолога Ю. А. Зуева у древних тюрков о солнечно-лунной династийной дуальной эндогамной системе, идея соправления двух династийных ветвей: каганской (*kök türk* – ашина) и катунской (*türk šir* – аштак) оставалась доминирующей (Зуев, 2002, с. 167-169). Солнечную ветвь составляет каганская (ее символ – Белый олень Золотые рога / горный козел) и лунную – катунская фракция (ее символ – Змей / Дракон плодородия и многочадия / заяц-луна / волчица). Солнечно-лунная социальная система происходит из достаточно древнего мотива космической связи

женщины и мужчины. Не случайно – американский исследователь мифологии, автор ряда трудов по сравнительной мифологии и религиоведению Дж. Д. Кэмпбелл так интерпретирует эту взаимозависимость: «мужское Солнце погружается в женскую Луну: созидающее пламя солнца, и жизнотворное пламя утробы, и менструальная кровь = это одно и то же. Эквивалентом этому будет огонь на жертвеннике» (Кэмпбелл, 2019, с. 16). Катунская фракция, согласно исследованиям Ю. А. Зуева, ведет «свое происхождение от гинекратического «рода Луны» юэчжи» (Зуев, 2002, с. 74). А юэчжи, по мнению Ю. А. Зуева, напрямую связаны с тюрками-аштаками, поскольку их в тексте уйгурского памятника в Могойн Шине усу называли тюрки-кыбчаки (Зуев, 2002, с. 89).

Кузнец или кузницы легендарных тюрков причастны также в легенде об Эргэне-кун (крутой скат) или Иргана-кон (Бичурин, 1998, с. 227-228): *«Один кузнец приметил, что гора в одном месте была не очень толста и состояла из железных кусков. Он присоветовал наносить к той горе множество лесу и углей, и зажечь. Гора действительно растопилась...»* (Бичурин, 1998, с. 228). Средневековое описание легендарного выхода из Эргунэ-кун, отсылает нас к новогодней символике: *«Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место; что разом этими семидесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи... Вследствие этого [люди] не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингиз-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив [его] на наковальню, бьют молотом и вытягивают [в полосу] в благодарность [за свое освобождение]»* (Рашид ад-дин, 1952, с. 154-155).

Данный сюжет в сочинении «Родословное древо тюрков» Абулгази передан следующим образом: *«С этого времени у Монголов вошло в обычай праздновать этот день и класть в огонь кусок железа и его раскаливать. Прежде хан, взяв клещами железо, кладет его на наковальню, ударяет по нему молотком, и потом князя его. Этот день много почитают как день, в который они, вышедши из теснины, возвратились в юрт праотцовский»* (Родословное древо тюрков, 1906, с. 31-34). То есть легендарное освобождение тюрков было приурочено к новогоднему обряду. И тут вновь обратимся к С. Кондыбаю: у него наступление весенне-летнего сезона также связано с женским образом. В казахских сказках неоднократно встречается образ пери – мифологического существа, небесной девы, лебедицы, которая сбрасывает оперение и соответственно наступает осень и следом зима. Одевание оперения символизирует наступление весны и лета. Кондыбай замечательно реконструирует это сюжет на археологическом материале памятников на Укоке и Береле, где были обнаружены останки женщин с обритыми головами и париками. «Обритая женщина может соответствовать нижнему миру, ночи, осенне-зимнему периоду, луне, вечеру, вечерней Шолпан (Венере), тогда женщина с волосами соответствует верхнему миру, дню, весенне-летнему периоду, солнцу, утру, утренней Шолпан (Венере). Символическое представление этой цепочки оппозиций, предпринятых одной и той же реальной женщиной, может демонстрировать их нераздельное единство» подчеркивает С. Кондыбай (2008, с. 400).

Позднее, по всей видимости, ритуальные функции обслуживания кузнечного культа перешли уже у ранних тюрков от катунского лунного к каганскому солнечному роду со всеми властными и символическими полномочиями. Поэтому в этногонии тюрков Ашина – отец-основатель правящего дома выступает как в роли шамана, так и в качестве кузнеца. «Такая связь, конечно, не случайна. Люди, владевшие искусством обработки металла, считались связанными с духами нижнего мира, да и в целом связь шамана, кузнечного искусства и светской власти весьма характерна для тюркского мира» - поясняет

известный российский этнограф-тюрколог А. Сагалаев (1992, с. 13).

Из всего вышесказанного становится очевидным, что одной из важнейших специализаций у первых тюрков были металлургия и железоделательное ремесло. По легендарной истории тюрков кузнечество прочно связано с катунской фракцией и материнским родом у тюрков. Образ драконицы-волчицы соединен с культом Земли и соответственно подземным нижним миром. Руда рассматривалась древними «в качестве недозревшего плода, извлеченного из утробы Матери-Земли прежде срока. Поэтому кузнец воспринимался в качестве исполняющего функции Матери-Земли. Он «заменяет собой Мать-Землю с тем, чтобы ускорить и усовершенствовать процесс «вызревания». Печи выступают в роли своего рода новой, искусственной утробы, где руды достигают своей зрелости. Отсюда бесконечное множество предосторожностей, табу и ритуалов, сопровождающих процесс выплавки» (Элиаде).

У тюрков Алтая существует также сюжет о божественной антагонистической паре Ульгень – Эрлик. Последний выступает в нескольких ипостасях: творца и культурного героя. Его вклад в культуру состоит в открытииковки железа. Эрлик живет в железном доме и считается первым кузнецом и первым шаманом (Сагалаев, 1992, с. 31, 168). Связь кузнецов с шаманами была также основана на участии кузнецов в подготовке главного шаманского атрибута – бубна. Они изготавливали железные элементы бубна: «подвески, железную поперечину кириш (тетиву)» (Сагалаев, 1992, с. 109). Подчеркивая такую особенность тюркской культуры, как диалог-конфликт, выраженный в образах двух божественных близнецов Ульгень и Эрлик у тюрков Алтая, А. М. Сагалаев писал: «Их противодействие есть та самая пружина, что приводит мир в движение. ...аборигены Алтая тонко чувствовали, что в мире действуют разнонаправленные силы, но они ощущали и гармонию мира как совокупный результат действия этих самых сил. Их сознание противилось тому, чтобы расчленять мир на непримиримые противоположности. Черно-белый мир скучен, лишен надежды на чудо и в конце концов противен природе

человека. Куда более правдоподобен мир другой, где силы притяжения и отталкивания обогащают и разнообразят бытие, где возможен компромисс между злом и добром, где царит взаимодействие» (Сагалаев, 1992, с. 31).

В тюркской среде наименование кузнеца и шамана схожи: Кыдай-Бахсы, тархан и дархан. По материалам Г. В. Ксенофонтова Кыдай-Бахсы – это также и божество нижнего мира, имевшее «золотую наковальню, серебряный молот» ковало шаманов и кузнецов: «Там внизу есть кузнец – Кыдай Бахсы, у которого предварительно свариваются, закаляются и выходят как кузнецы, так и шаманы» (Алексеев, Романова, 2012, с. 330-331).

Посвящение в кузнецы у тюрков-саха требовало от посвящаемого жертву Кыдай Бахсы в виде бычка черной масти. Согласно обычаю от посвящаемого требовалось разбить молотом сердце и печень жертвы на наковальне. Посвящаемый таким образом сам «ковал» свою судьбу. Если он разбивал, выложенные на наковальню дары божеству с первого удара – считалось, что будет хорошим кузнецом, если со второго удара – то средним, и если с третьего – то плохим (Алексеев, Романова, 2012, с. 331).

В казахской мифологии сохранился интересный сюжет о змеином правителе – Бопы хане. Персонаж змеиного правителя в казахских сказках («Қара жылан мен ақ жылан», «Жерден шыққан Желім батыр», «Шаһмаран», «Жылан қабықты жігіт», «Шаямардан патша» и др.) выступает в качестве божественного Учителя, обучающего главного героя языку природы, способности понимать птиц и животных. При этом змеиный правитель наказывает ученику никому не говорить об этом знании, предупреждая о своей или его гибели. Замечательная реконструкция и интерпретация ритуала посвящения в воинское братство «Жылан қайыс» («змеиная кожа»), предпринятая отечественным культурологом З. Наурызбаевой, раскрывает значение ритуальной роли кузнеца, выступающего в качестве жреца в инициатическом ритуале воинской обрядности (Наурызбаева). Ритуал состоял в том, что мужчина приводил сына в возрасте 4 лет к кузнецу. Кузнец раздувал огонь в кузне, ковал железо, затем он облачался в одежду, напоминающую змеиную

кожу и тем самым выступал в роли змеиного царя – Бопы хана. Мальчик дважды должен был проползти между ногами кузнеца-жреца. После первого раза на иницируемого надевали доспехи, во второй раз – давали оружие. «Затем кузнец, подержав ладони над огнем, проводил ими по лицу мальчика. Этим ритуал завершался. Лишь иногда в конце ритуала ребенку давалось новое имя» (Наурызбаева). Кузнец в описанном ритуале облачается в одеяние хтонического божества подземного мира, имеющего змеиную природу, а ребенок становится участником лиминального обряда, символизировавшего его рождение в новом качестве воина (Наурызбаева). Проанализируем приведенный сюжет. Во-первых, обряд проведения между ногами связан с символическим актом рождения. Во-вторых, кузнец на самом деле выполняет роль женскую роль. В-третьих, насколько известно из этнографической литературы, у казахов пронесение ребенка между ногами старух символизировало инкорпорирование их долголетия и жизненной силы. Описанный обряд, с одной стороны, подтверждает этнографические материалы со всего мира, представляющую еще одну черту божественного кузнеца – его «связь с жизненной силой и покровительство семье и браку», а также способность создавать людей, «чинить» их (Металлургия..., 2011, 201). Обряд также свидетельствует о трансформации архаического образа Матери-Земли, роль и функции которой взял на себя кузнец, как ее служитель. Произошла, как нам представляется, подмена, поскольку кузнец в этой роли амбивалентен, он взял на себя роль божества, трансформирующего, изменяющего человека, но также и не свойственную ему «женскую» роль. Кузнец здесь выступает в женской ипостаси, а точнее в роли самой Матери-Земли. Сам факт подобной подмены говорит о том, что «женская» природа в металлургии уступила и довольно давно свою роль рождения-наделения человека чудесными качествами. Если обратиться к археологии, то можно заметить, что в эпоху ранней металлургии ею занимались в жилищах и, по всей видимости, женщины принимали в ней непосредственное значение. Отсюда и проистекают архаические сюжеты *мыстан кемпир* и *жезтырнам* в казахской фольклорной традиции и Хозяйка медной горы на Урале.

В мифологии исламизированных тюрков Центральной Азии первым кузнецом и патроном-покровителем кузнецов и ювелиров считается *Дәуіт Пайғамбар* – Пророк Давид. С этим персонажем в регионе связывают не только искусство металлообработки, но и ряд других ремесел. По преданиям огонь не обжигает руки *Дәуіт Пайғамбар*, который, не пользуясь молотом и тисками, месит железо как тесто (Тохтабаева, 2005, с. 212). Образ *дәуіт* также амбивалентен. Казахская сказка о богомоле, который имеет одно с покровителем металлообработки имя спас потомство ласточки. Поэтому *дәуіт* – богомола у казахов рассматривают в качестве покровителя ласточек – «птиц, олицетворяющих небесную сферу» (Тохтабаева, 2005, с. 213). Полевые материалы говорят о том, что среди современных казахских художников-зергеров и ремесленников образ покровителя искусства металлообработки *Дәуіт Пайғамбар* практики его почитания остаются устойчивыми (ПМА).

В казахской культуре искусством металлообработки занимаются кузнецы – ұста и ювелиры – *зергеры*. Наряду с мифическим патроном, как отмечает Ш. Тохтабаева, у казахов, таджиков и узбеков значительное место в преданиях и наследовании отводится реальным мастерам, отождествляемым с предками – *аруақ*: «Порой родовой предок приобретает характеристики культурного героя, обучившего людей определенным техническим навыкам» - подчеркивает исследователь (2005, с. 213).

Полевые материалы говорят о том, что в профессиональной среде современных казахских ювелиров наличие предка-кузнеца или предка-ювелира остается не менее важным фактором в признании их заслуг и продвижении в профессиональной среде. Значимым также остается порядок наследования кузнечного инструментария последователями как по мужской, так и по женской линиям (ПМА).

В тюркской традиции, как известно, кузнечным ремеслом могли заниматься лишь те, кто имел «кузнечное происхождение».

Таким образом, в тюркском мире образ кузнеца многолик. Он инкорпорировал в себя качества женского божества, первопредка, слугителя божеству, правителя, пророка,

божественного патрона семьи и брака, покровителя кузнечного ремесла, жреца-посредника в ритуале.

Кузнец в древней мифологической традиции наряду с гончаром выступает в священной жреческой роли «хозяин огня». «С помощью огня он добивается перехода материи из одного состояния в другое. Что касается металлурга, то он ускоряет «возрастание» руд, он делает их «зрелыми» в чудесно краткие сроки. Вот почему в архаических обществах литейщики и кузнецы воспринимались как «хозяева огня» – наряду с шаманами, знахарями и колдунами. Но амбивалентный характер металла, наделенного свойствами одновременно сакральными и «демоническими», передается и металлургам, и кузнецам: их глубоко уважают, но в то же время боятся, сторонятся и даже презирают» (Элиаде).

Как справедливо отмечает томский исследователь Р. А. Топчий, у народов Сибири, кузнецы относились к небесной – белой фракции и нижнему миру – к черным кузнецам. Он подчеркивает силу кузнецов, превосходящую силу шаманов, аргументируя это тем, что в отличие от шаманов, не всегда и не полностью контролировавших духов, кузнецы, работая с рудой, и под воздействием огня вносили изменения в их форму и состояние. «Черных кузнецов очень боялись, т.к. верили, что они могут пожирать души людей. Считалось, что кузнец по своей таинственной силе не только равен шаману (якуты), но и превосходит его (к примеру, у бурят, кузнец может убить шамана сверхъестественным способом, а шаман кузнеца - нет). Считалось культ кузнецов сильнее кам-шаманов (ойрот-алтайцы), и те не могли подходить близко к кузне, дабы не потерять силу» (Топчий, 2012, с. 64).

Культ кузнеца наряду с другими проявлениями архаичной культуры обозначает тем самым «эндо- и экзогенную границу человека: культ огня – культ кузнеца, адаптирующий в себе своеобразный ответ на вызов извне» (Топчий, 2012, с. 63).

Другими словами, являясь порождением архаичного общества кузнечество, возникнув в глубокой древности – эпоху палеометалла, стало частью новой производящей системы, выделившись из природного мира, но при этом, архаичная

природа идеологии этого культа оставалась устойчивой и ее отголоски дошли до наших дней.

Все вышеизложенное относится к содержательной части ритуала, объясняющей роль и значение кузнеца в тюркской картине мира, связь культа кузнеца с более ранними культурами земли и огня, легендарным происхождением тюрков, а также его значение в обрядах жизненного цикла мужчины. Таково вкратце смысловое наполнение ритуала, которое станет материалом для сценария, поскольку только источники – описания из исторических источников, научные исследования могут позволить воссоздать его.

«Утраченная традиция может быть восстановлена в музее, если сохранились достаточные для ее ревитализации свидетельства» (Методика работы музеев...). Для разработки сценария праздника у нас есть лаконичное описание, позволяющее осуществить мизансценическую расстановку предметов и участников, имеется указание на конкретное количество участников обряда – иницируемый – мальчик 4-х лет, иницирующий – кузнец и третий участник – отец ребенка, а также описание атрибутов (кожаный фартук кузнеца, наковальня) и ритуального пространства – кузни. Мы имеем детальное описание действий участников, но, пока сложность представляет отсутствие вербального сопровождения – непосредственно фольклорно-обрядовой части ритуала, поскольку чтобы «сценарий превратился в живую постановку, необходимо знать принцип работы с текстом и людьми» (Чиркова, 2005, с. 186).

Таким образом, наше исследование станет началом для формирования научной базы и последующей разработки сценария музейного праздника, который в качестве динамической формы дополнит, «оживит» стационарную экспозицию с тем, чтобы показать связь ранней металлургии с женской магией, этногонией ранних тюрков, с воинской культурой, а также для представления музейных постановок обрядов жизненного (инициатический обряд) и календарного (новогодняя обрядность) циклов.

Актуализация элементов нематериального культурного наследия в Национального парке под открытым небом позволит обеспечить их поддержание в культурном пространстве столицы

и способствовать их развитию, придавая таким образом парку характер «живого музея» - термина, введенного в 1917 американским музеологом Д. -К. Данном, предвосхитившего идеи «новой музеологии (Живой музей...)».

Настоящее исследование продиктовано восполнить и обогатить музейную практику, поскольку представление нематериального культурного наследия прошлого в формате музейного праздника продиктовано высоким уровнем социального спроса современного общества на знание об истории и культуре прошлого. Не случайно исследователи отмечают: «Приобщение к народным истокам отвечает потребностям посетителей музея. Тенденция обращения к этнографическому наследию является ответом на негативные проявления процессов глобализации, урбанизации, которые проявляются в нивелировании этнокультурных особенностей, утрате этнического своеобразия» (Именнова, 2011, с. 138).

Список литературы

Алексеев Н. А, Романова Е. Н. Мифология, ранние верования и культы // Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова; - М.: Наука, 2012. – С.312-336

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. – 390 с.

Галкина Т. В., Петунина О.О. Краткий словарь музейных терминов. Томск: Томский государственный университет, 2004. – 16 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: «Клышников – Комаров и КО», 1993. – 523 с.

Живой музей // Российская музейная энциклопедия. Словарь музейных терминов. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?61> (дата обращения: 04.05.2021).

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Именнова Л. С. Культурный туризм и музей как формы организации досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2 (40). С. 133-138.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени түрк (ашина). // Новое в советской археологии / МИА № 130. – М.: 1965. – С. 278-281.

Кондыбай С. Мифология предказахов. Кни. 3 / Пер. с каз. 3.Наурызбаевой. – Алматы: «СаҒа», 2008. – 434 с.

Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, 1-я кн. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.

Кэмпбелл Дж. Богини: тайны женской божественной сущности. – СПб.: Питер, 2019. – 304 с

Мавшенко Е. В. Музейный праздник в исторической перспективе и научной рефлексии // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. №2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzejnyy-prazdnik-v-istoricheskoy-perspektive-i-nauchnoy-refleksii> (дата обращения: 20.05.2021).

Металлургия и время. Энциклопедия. Том 2. Фундамент индустриальной цивилизации. Возрождение и Новое время / Ю. С. Карабасов, П. И. Черноусов, Н. А. Коротченко, О. В. Голубев. – М.: Изд. Дом МИСиС, 2011. – 216 с.

Методика работы музеев с нематериальным наследие. Нематериальное культурное наследие // Российская музейная энциклопедия. Словарь музейных терминов. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?31> (дата обращения: 04.05.2021).

Наурызбаева З. Глава II. Инициатический ритуал «Жылан қайыс»// Инициация и призвание человека в тенгрианстве [Электронный носитель] URL: http://otuken.kz/ii-l-r/?option=com_content&task=view&id=213 (дата обращения: 12.04.2021).

Полевые материалы, полученные членами исследовательской группы, в рамках экспедиции 2021 г. по регионам Сары-Арки.

Рашид ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Редакция и примечания проф. А. А. Семёнова. Том 1. Книга 1. М.-Л.: АН СССР. 1952. – 221 с.

Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана / Перев. и предисл. Г. С. Саблукова с послесл. и примечаниями П. О. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Том

XXI, Вып. 5-6. Казань. 1906. – 336 с.

Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 176 с.

Сураганова З. К. Культ кузнеца в представлениях тюркских и монгольских народов // Мәдени мұра. № 2 (77). 2018. – С.102-107

Топчий Р. А. Проблема конфликтного проявления личной индивидуальности на примере оппозиционных культов традиционного общества (на примере народов Сибири) // Casus Belli. 2012 № 2. – С. 57-66.

Тохтабаева Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 474 с.

Файзуллина Г. Музеология как наука: казахстанские реалии // Вестник КазНУ: Серия историческая. Том 96 № 1. 2020. – С. 126-136. <https://doi.org/10.26577/JN.2020.v96.i1.16>

Чиркова Н. В. Сценарий и сценическая постановка в музее как способ реконструкции объектов нематериального наследия // Триумф музея? С.-Петербург. гос. ун-т, Гос. Эрмитаж; [редколлегия: М. Б. Пиотровский и др.]. – СПб.: Осипов, 2005. – С. 184-190.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до Элевсинских мистерий. -Т. 1. / Перевод Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитянского и Ю. Н. Стефанова. // [Эл. ресурс]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/eliad02/index.htm> (дата обращения: 11.04.2021).

Юренева Т. Ю. Музееведение. М.: Академический Проект, 2003. 560 с

Юхневич М. Ю. Праздник музейный // Российская музейная энциклопедия. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т. 2. С. 109–110.

Ерболат Рахманкулов

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «БОЗОК»*

Проект, получивший название «Создание Национального парка под открытым небом на основе археологических раскопок древнего городища Бозок», реализуется в рамках Плана нации – 100 конкретных шагов (69 шаг), инициированного Первым Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в 2016 г (Концепция создания историко-культурного, рекреационного комплекса под открытым небом «Бозок», 2018).

Идея создания Национального парка на базе городища Бозок впервые была высказана в 2003 г. известным казахстанским археологом, д. и. н. К. А. Акишевым. С 1999 года под его руководством Есильская стационарная археологическая экспедиция начала полевые исследования на памятнике (Акишев, Хабдулина, 2004, с. 48-57). После его кончины исследование Бозока продолжено Институтом археологии им. К.А. Акишева Евразийского национального университета им. Л. Гумилева под руководством к.и.н. М.К. Хабдулиной (Ганиева, 2019).

Создание Национального парка под открытым небом на основе археологического памятника – раннесредневекового городища Бозок реализуется в настоящее время силами коллектива Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Музей-заповедник образован в соответствии с постановлением Правительства РК в марте 2018 года в рамках программы «Рухани жаңғыру».

Археологический памятник Бозок – (VII-XVIII вв.) – первый масштабно исследованный средневековый памятник степной зоны Казахстана, расположенный к западу от г. Нур-Султан по Коргалжинской трассе в 6 км восточнее села Ильинка (в 1920-30-е гг. – село Караоткел, в 1930-40-е гг. с. Кенес).

* Работа выполнена в рамках концепции: создания историко-культурного, рекреационного комплекса Национального парка «Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок»

Местность вокруг памятника является восточной окраиной равнины Өрікті-жен обширной Атбасарской равнинной провинции.

Национальный парк историко-культурного музея-заповедника «Бозок» уникален также и по истории изучения этнокультурной памяти через памятники материальной и не материальной культурной деятельности человека на территории современного Казахстана с древности вплоть до этнографической современности. В нашем музее под открытым небом деятельность человека экспонируется за счет расширенной вселенной экспериментальной археологии и историко-этнографической реконструкций.

Проектный путь, которым идет Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», для меня как практикующего археолога и увлеченного экспериментальной археологией молодого специалиста, показался смелым шагом среди большинства музеев-заповедников под открытым небом. Основная идея проекта продемонстрировать огромный потенциал Всаднической культуры и репрезентация его величия на материалах богатого исторического наследия, хранящихся в музеях по всему миру. Национальный парк «Бозок» будет включать реконструкции стационарных сооружений, культовых и храмовых комплексов.

В ходе работы в проекте появилась идея отобразить эпоху бронзы на этапе становления всаднической культуры.

Историческое поселение бронзового века в Национальном парке «Бозок» - одна из шести интегрированных экспозиции представляющих собой музей нового типа, способного объединить исторические широты нашей страны в экспозицию с рекреационными площадками, что создаст в итоге привлекательную и эффективную туристскую дестинацию «Бозок».

Экспозиционно-выставочные объекты будут реконструированы на основе археологических и письменных источников, накопленных научными фондами отечественных и зарубежных исследований.

В ряде стран Европы за последние столетие функционируют подобные музеи под открытым небом, которые презентуют эт-

нографическую идентичность культуры этноса в исторической ретроспективе. Одним из первых музеев под открытым небом 1891 году стал шведский Скансен в Стокгольме (Матюхина, 2018). Данный опыт был довольно положительным для многих стран Европы и СНГ и дал импульс к сохранению историко-культурного наследия через живую тематическую экспозицию на открытом пространстве. Такие объекты, как Национальные парки во многих развитых странах являются центрами культурного и активного отдыха, привлекающих огромное количество туристов и посетителей.

В контексте мировой практики на сегодняшний день отдельные музеи Казахстана используют визуальное представление экспозиции (использованием манекенов, 3D изображения и т.д.).

В Национальном парке «Бозок» посетителя ждет полное погружение в аутентичную среду отдельных исторических эпох, начиная с энеолитического поселения Ботай, эпохи палеометалла (андроновцы, саки, гуны), тюркских городов и т.д.

Яркое и богатое наследие предков, природно-ландшафтная среда и этнокультурное разнообразие являются большим сегментом туристической инфраструктуры нашего государства, и ждёт своей презентации миру.

Для реализации основной идеи Национального парка в рамках проекта известными учеными, специалистами в своей области разработаны ряд научных концепций, позволившие воссоздать исторические комплексы. Основной опорной концепцией является «История эволюции стационарного жилища на территории Казахстана» (автор: профессор Зайнолла Самашев). Концепция предполагает рекомендации по созданию поселенческих комплексов, включающие культуру домостроения в бронзовом веке и ее влияние на развитие материальной культуры Азиатской части степной Евразии. Современные научные исследования археологических памятников расширяют информацию по архитектуре и обустройству поселения бронзового века, способствуя реконструкции памятника.

Для достижения поставленной цели в 2020 году определены и начаты следующие задачи:

- анализ вопросов историографии изучения жилищ эпохи бронзы Центрального Казахстана;
- проведены архивно-библиографические изыскания по теме исследования в Алматы, Нур-Султане, Караганде и др.;
- сбор письменных и графических материалов по строительству и архитектуре сооружений древнего населения Центральной Азии;
- создание детальной масштабированной 3D модели поселения бронзового века;
- воссоздание и строительство, проработанной 3D модели в Национальном парке «Бозок»;
- разработка комбинированной экспозиции жилища в/вне помещения.

В эпоху бронзы обширные степные пространства Казахстана, как и Сибири, Приуралья Средней Азии были населены родственными по происхождению племенами, оставившими яркую самобытные археологические культуры как Феодоровская, Андроновская и Бегазы-Дандыбаевская и т.п.

Подобный широкий кластер культурных связей с их отражением в одном воссозданном поселении, ярко покажет простому обывателю динамику исторической призмы, разделяя подсознательно ландшафтную среду обитания древнего общества Азиатской леса-степной части Евразии.

В течении XX века на территории Казахстана обнаружено свыше сотни поселений эпохи бронзы, введенные в науку Центрально-казахстанская археологическая экспедиция, во главе которой стояли ведущие ученые А.Х. Маргулан, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев, К.А. Акишев. В разные годы вели исследования памятников бронзового века Г. Н. Пацевич, Т. Н. Сенигова, А. Г. Максимова, А.С.Ермолаева, Ж.К.Курманкулов, В. В. Варфоломеев, М.К. Хабдулина, А.А. Горячев и др., внесшие несомненный вклад в археологическую науку Казахстана. Научные материалы и исторические реконструкции специалистов «бронзовиков» использованы как объекты для воссоздания.

В эпоху бронзы строили фундаментальные прочные жилища типа грунтовых землянок, полуземлянок каркасно-столбовой конструкции и наземных жилищ. Внутри жилых строений нередко обнаруживались мастерские для плавки и обработки металла. По всей видимости, гончарные мастерские располагались там же. Иногда следы металлургических мастерских обнаруживаются в тамбурах, которые пристраивались к жилищам (Маргулан А.Х., 1998, 233-251).

Из исследования Оразбаева А.М. наиболее наглядный пример разнообразия домостроений эпохи бронзы представляют собой поселения Шагалалы (Оразбаев А.М, 1970, 144), где отмечаются конструктивно-планировочный строй жилища от полуземленных до надземных. Данное научное обоснование развивает Сакенов Сергазы выделев следующие типологические характеристики объектов:

I – полуземлянка, прямоугольной формы, каркасно-столбовая, при строительстве использован котлован. Подтипы отличаются наличием одного или двух помещений;

II – наземная каркасно-столбовая конструкция прямоугольной формы, с незначительным котлованом;

III – сооружение, состоящее из двух комнат круглой формы, соединенных между собой проходом. Постройка наземная, каркасно-столбовая;

IV – наземное, легкое каркасно-столбовое сооружение прямоугольной формы, предназначенное для сезонного проживания;

V – надземное жилище с каменными стенами. На поселении сооружение имеет прямоугольную форму, углы сильно сглажены, торцовая стена имеет полуовальную форму. (Сакенов, 2020, с.851-860)

Вопросы о перекрытии жилищ бронзового века остается актуальной темой. В каркасно-столбовых конструкциях использовались разновидности скатной крыши свойственные всем культурам бронзового века (Горячев, 2018, с. 87-105). Но, к примеру были конструкции перекрытия кровли плоским положением, которая как отмечает А.Г. Максимова, являлось характерным для домостроения казахов Восточного Казахстана в XX веке. К жилищу примыкали хозяйственные пристройки, имевшие сплошное

перекрытие (Максимова, 1959, с. 92-94). Необходимо отметить, что все основные принципы и технологии домостроительства, возникшие в эпоху бронзы, находят свое развитие в последующие периоды. Они дожили до этнографической современности и отчетливо заметны в казахских жилищах.

Формирование исторического этнокультурного фона на поселении бронзового века зависит от сочетания в себе таких свойств памятника как приспособление к природно-климатическим условиям ландшафта, хозяйственно-культурный тип, мировоззрение общества. Конечно же, данные условия будут создаваться на оригинальных исследованиях памятника. За основу природно-климатической репрезентации выделены следующие регионы распространения культурного типа памятника – широкие просторы степи Сарыарки, пустынные холмы Устюрта, лесостепная зона юга и севера Казахстана.

В экспозиции поселения эпохи бронзы под открытым небом в качестве модели будут использованы жилища с разными архитектурными решениями, построенные древними зодчими в различных природно-ландшафтных и климатических условиях:

- 1 Аккезен (Центральный Казахстан);
 - 2 Бугулы 2 (Центральный Казахстан);
 - 3 Шагалалы I – II (Северный Казахстан);
 - 4 Атасу (Центральный Казахстан);
 - 5 Тургенъ 2 (Жетысу);
 - 6 Токсанбай (Западный Казахстан).
- Площадь экспозиции: 20 000 м².

В данном секторе будет представлена историческая реконструкция жилищ, объединенных в один поселенческий комплекс эпохи бронзы. Помимо реконструкции самого сооружения и его особенностей, внутри жилища будут представлены скульптурные макеты (манекены), позволяющие представить облик, одевание людей бронзового века в процессе определенной жизнедеятельности (изготовления орудия, выделка кожи, ткачество, изготовления гончарной продукции, приготовление пищи и т.д.). Внутренний интерьер жилищ будет воссоздан по результатам археологических раскопок. В окрестностях поселения будет пред-

ставлено хозяйство «андроновцев» (пастушеское скотоводство, земледелие) с использованием характерных для этой эпохи орудий труда.

Хозяйственно-культурный тип один из главных атрибутов нашей репрезентации. Перед нами поставлена задача раскрыть самодостаточный образ жизни человека, проживавшего 4000 лет назад в контексте одного поселения. Тем самым, показать уровень социально-экономической и духовной культуры степных племен эпохи бронзы, хронологический диапазон которых охватывает III-II тыс. до н.э. Культурные пласты эпохи бронзы в полной мере обогащают нашу историю развитием металлургии, гончарного ремесла, ювелирного искусства, ткачества, вооружения, колесниц и т.д. Все достижения и опыт насельников бронзового века будут отражены в открытой экспозиции.

Отражения специфичной экспозиций жилищно-бытовыми условиями начиная от земледелия, гончарства и металлургии, а также, построением коммуникационных транспортных служб бронзового века. Таким образом, данный сектор полностью раскрывает хозяйственное устройство и быт древнего человека

Предлагаемая работа, предполагая проведение музееведческих и иных научных исследований, является основой для реконструкции отдельных сторон материальной культуры древних эпох Казахстана.

Музеефикация как процесс воссоздания материально-культурной жизнедеятельности методом создания музейных экспозиций создает условия для объективной культурной потребности в сохранении дошедших до нас элементов историко-культурной жизни и использования его в социокультурном, научном и экономическом процессах. Создание Музея под открытым небом с сооружением полноценной реплики жилищ и теплотехнических сооружений металлургов эпохи бронзы Казахстана будет ярким аутентичным объектом Национального парка.

Это в свою очередь, окажет не только положительный эффект на туристическую привлекательность Казахстана, но и будет иметь сильный социальный эффект, который во многом связан с популяризацией национального достояния и богатого культурного наследия, которое позволит сформировать у молодого поколе-

ния такие важнейшие качества как историческое самосознание и патриотизм.

В целом, проект перспективен, так как полученный результат будет способствовать повышению туристического имиджа страны, а также образовательного уровня, самосознания, культуры широких масс населения. Теоретические разработки на основе полученных данных послужат толчком дальнейшему развитию музееведческой и исторической дисциплин. Новые материалы по культурному наследию металлургов эпохи бронзы Казахстана, позволят выйти на новый уровень осмысления, тщательного анализа материала и построению полновесных теоретических разработок.

Список литературы

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003 гг.) // Известия НАН РК. Серия общ. наук. – 2004. – С. 48-57

Бозок в панораме средневековых культур Евразии // Материалы международного полевого семинара, 29-30 июля 2004 г. - Астана: ЕНУ, 2008. - 208 с.

Ганиева А.С. О проекте создания «Государственного историко-культурного музея-заповедника Бозок»//Портал Qazaqstan tarihy. Источник: <https://e-history.kz/ru/news/show/5674/>. 18 Май 2019

Горячев А.А. Обустройстве поселений эпохи поздней Бронзы Жетысу// Қазақстан Археологиясы №1-2 2018. С 87-105.

Концепция создания историко-культурного, рекреационного комплекса под открытым небом «Бозок». – Астана, 2018.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7, 1959. – С. 92-94.

Маргулан А.Х. Сочинения. В 14 томах. Том 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / сост. Д.А.Маргулан, Д.Маргулан. – Алматы: Атамұра, 1998. – С. 233, 251

Матюхина Ю. Скансен – этнографический музей под открытым небом// KUKU.TRAVEL.Источник:<https://kuku.travel/country/>

shveciya/dostoprimechatelnosti-shveciya/skansen-etnograficheskij-muzej-pod-otkryтым-nebom/. 6 Июл, 2018

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 144-145

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнологии. Т. V. Археология. – Алма-Ата: Наука, 1958. – С. 253-254.

Сакенов С. К. Архитектура жилищ эпохи бронзы в северной Сарыарке// Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay 6(2) 2020. С. 851-860.

Фото 1. Сотрудники музея-заповедника «Бозок» с профессором З. Самашевым

Сауле Бурбаева

ФОРМИРОВАНИЕ ИЕРОТОПИИ – САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ «БОЗОК»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выход двух программных статей Елбасы в 2017-2018 гг. стал основанием для всплеска общественной и научно-исследовательской активности в стране. Обе статьи позволили произвести переформатирование исследовательского поля гуманитарной науки в стране, оказали воздействие на переосмысление своего наследия.

Одной из важных идеологических и политических инициатив, обозначенных в первой статье «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» («Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания») стал проект, главной задачей которого было «увязать в национальном сознании воедино комплекс памятников вокруг Улытау и мавзолея Кожа Ахмета Яссауи, древние памятники Тараза и захоронения Бекет-Ата, древние комплексы Восточного Казахстана и сакральные места Семиречья, и многие другие места», образующие «культурно-географический пояс святынь Казахстана» – «каркас нашей национальной идентичности», а также символическую защиту и «источник гордости, который незримо несет нас через века» [1]. Во второй статье Первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев призвал сограждан изучать историю страны с учетом достижений современной науки, не фрагментарно, а в целостном виде, поскольку, во-первых, история народов, обитавших на просторах Казахстана и протогосударственных объединений, когда-либо возникших на территории нашей страны, тесно вплетены в историческое полотно нашего этногенеза. Во-вторых, наряду с заимствованиями «именно на нашей земле» были созданы и затем распространились на все четыре стороны света ряд передовых для своего времени технологических новаций и культурных достижений [2]. Отмеченные в статьях Елбасы сакральная география, история и развития Всаднической культуры, древних

технологий – все это самым гармоничным образом вписывается в концепцию создания историко-культурного, рекреационного комплекса под открытым небом «Бозок». «В отличие от других музейных учреждений музеи-заповедники и музеи под открытым небом располагают помимо стационарных выставочных площадей значительными территориями. Это позволяет во много раз умножить и разнообразить инфраструктуру, и соответственно культурно-образовательную и рекреационную, а также др. формы деятельности и тем самым не только увеличить поток посетителей, но стать в регионе центром притяжения для туристов» [3].

Сам факт появления Государственного историко-культурного музея-заповедника (Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2018 года № 150) неразрывно связан с проектом «Сакральная география Казахстана».

Музей-заповедник «Бозок» - единственная в своем роде институция культуры на территории столицы, которая создается на базе памятника истории и культуры – раннесредневекового городища Бозок. Как известно городище Бозок является отправной точкой в градообразующей оси столицы, символизируя собой преемственность традиций степной цивилизации, развивавшейся на основе формирования Всаднической культуры – культурной новации эпохи палеометалла, трансконтинентальной торговой магистрали – Великого Шелкового пути.

Бозок уникален по истории его изучения. Памятник попал в поле зрения исследователей еще в начале XIX в. Топоним «Бозок» упоминается в путевых записках горного инженера И. П. Шангина в 1816 г.

С 1999 года по 2014 год на территории городища велись исследования, которые позволили в результате международного семинара, проведенного в 2004 году на базе памятника установить его характер и датировку. Примечательно, что Бозок уже в эпоху Западно-Тюркского каганата имел характер сакральнго объекта. Позднее сакральное место было включено в орбиту степного города, существовавшего как опорный пункт на трансконтинентальном торговом пути.

В 2010 году городище включают в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Акмолинской области (постановление акимата г.Астаны от 3 июня 2010 года № 27-492 п). В этом году в соответствии с приказом министра культуры и спорта РК от 30 мая 2019 г. № 156 памятник включен в Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения.

Реализация масштабного проекта «Бозок» в столичном регионе является первым и очень значимым шагом в исторической реабилитации Всаднической культуры в музейном формате. Ее материальное воплощение в виде археологического парка будет дополняться традиционными культурно-образовательными мероприятиями на основе привлечения элементов нематериального культурного наследия в форме музейных празднеств, реконструкций обрядово-ритуальных практик и военно-спортивных игр. Все в совокупности сделает проект Бозок не просто успешной экономически-эффективной культурной институцией, но станет идеологической площадкой, способной оказывать влияние на формирование позитивной гражданской идентичности подрастающего поколения.

Сакральная привлекательность археологического памятника «Бозок» определяется руинами культового сооружения, разновременных некрополей, а также длительностью его функционирования на протяжении нескольких столетий. Символично, что памятник Бозок, обладающий значительным символическим потенциалом исторического наследия в рамках концепции генерального плана столицы, г. Нур-Султан установлен в качестве ориентира в композиционной оси «Запад-Восток». Историко-культурный потенциал городища способствовал его включению в 2017 году в общенациональный список сакральных объектов Казахстана и созданию на его базе музея-заповедника «Бозок».

В настоящее время Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок» ведет научно-исследовательскую, музейную и практическую деятельность по реализации уникального музейного проекта

Конституирующей основой, ключевым элементом в формировании сакральной пространственной среды в музейном проекте «Бозок» является, как уже отмечалась выше, раннесредневековое городище Бозок.

Материалы городища Бозок отражают историю четырех государственных образований, существовавших в средние века на территории Казахстана: Тюркского каганата (VI-VIII вв.), Кипчакского ханства (X-XII вв.), Золотой Орды (Улус Джучи, XIII-XIV вв.) и Казахского ханства (XV-XVI вв.). В VII веке на территории городища появляется тюркское святилище. В X-XII веке здесь была военная ставка или летняя резиденция предводителя кипчакских племен. На территории памятника выявлен некрополь эпохи Золотой орды (XIII – XIV вв.), где встречаются монгольские и тюркские элитные захоронения. Недалеко от некрополя зафиксировано зимнее стойбище казахов – қыстау XVIII-XIX вв.

Формирование сакральных пространств, обозначенное А. М. Лидовым как «иеротопия» (от «иерос» - священный, «топос» - место), наблюдается во многих уголках Земли. Под понятием «иеротопия» А.М. Лидов понимает – «создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества» [4, с. 11]. Иеротопия другими словами – это сложный процесс формирования и организации сакрального пространства. Он, по мнению указанного исследователя, включает такие элементы, как материальные («архитектурные формы, священные изображения, литургическая утварь») и нематериальные объекты («обрядовые жесты, драматургия света и организация запаха, звучащее слово и воспоминания о произошедших на этом месте чудесах и знаковых событиях») [4, с. 6]. Опираясь на методологическую основу концепции иеротопии российского исследователя А. М. Лидова, а также предложенное им понятие «образ-парадигма», которые, как отметил ученый, могут успешно применяться в «исследованиях создания сакральных пространств в самых разных религиозных традициях» [4, с. 8], попытаемся показать представить неоднократные усилия

жителей городища организовать сакральное пространство на археологическом памятнике в исторической ретроспективе.

Археологический памятник «Бозок» уже в самом своем названии от гидронима «Бузукты» несет важный семанто-символический посыл, имеющий сакральное значение. Слово «Бозок» в буквальном переводе – «небесные стрелы» в переносном – означало в ранний период истории тюрков «правое крыло войска», «старшее племя», «внутреннее племенное объединение» [5]. В мифологии огузов Огуз-каган – герой-прародитель между тремя старшими сыновьями от брака с небесной девой: Гюн, Ай и Йилдыз разломал и разделил посланный ему небом лук. Поэтому потомки старших сыновей Огуз-кагана по его повелению получили название «бузук» (что значит «ломать на части») [6, с. 240; 7, с. 99]. «Бузуки правого крыла пользовались большими привилегиями (по сравнению с учуками) при «избрании» верховного хана...» [5]. Так название городища «Бозок» исторически восходит к племенной номинации раннего периода в истории становления тюркского эля и тюркской государственности, и представляет собой обозначение восточных пределов в административно-территориальном разделении ранних тюркских государственных образований. В XI-XII веке племенная группа огузов «Бозок» расселилась в Малой Азии и на Ближнем Востоке, и дала начало ведущим правящим династиям Османов и Зулькадаров в Западной Азии. На территории Евразии известны одноименные с Бозоком топонимы. В долине реки Сырдарья (Бузук кала) [8, с. 311] и на территории Турции (Бозок – исторический предшественник провинции Йозгат в центре Турции). Так, топонимический ряд: гидроним «Бозок», астионим «Бузук кала», административный хороним «Бозок» отражает пути продвижения ранних тюркских племен из Центральной Азии в Малую Азию. Название городища «Бозок» и его история благоприятствует отражению в экспозиции археологического парка Тюркского фактора и представлению исторического единства тюрков, а также преемственность в культуре степной Евразии.

Археологические исследования городища Бозок позволили определить на его территории ряд сакральных объектов.

Известный казахстанский археолог К. А. Акишев, исследовавший Бозок, ставший его любимым детищем [9, с. 10], определил его тип, а также «функциональное назначение и этнокультурную принадлежность» [9, с. 10]. Бозок в средние века – это «город типа ордакент – сезонная административная резиденция правителя, возникшая на священном месте» (подчеркнуто С. Б.) [10, с. 23-24], не только крупный политический, ремесленный и торговый, но также и культурный центр (подчеркнуто С. Б.) Приишимья [11, с. 17-23].

Его планиграфическая характеристика, оставленная огузо-кыпчаками [11, с. 17], во многом аналогична «средневековым городам степной части Восточной Европы (городища Хазаркала, Биляр), северо-восточной Болгарии (Плиска, Гарван), Монголии (Ден-Терек, Могой), и Тувы (Межегей, Элегест) и обусловлена сходством «эконошей и хозяйственно-культурным типом в эпоху “великого оседания” евразийских кочевников» [10, с. 23]. В своей статье, посвященной семантике планиграфии городища К. А. Акишев, основываясь на анализе ключевого признака – композиционном размещении сооружений центральной части памятника, подчеркнул его «особый смысл, код, посланный нам строителями Бозока».

Ученый неоднократно отмечает сакральное значение памятника [10, с. 24]. Так, К. А. Акишев подчеркивает, что наряду с военно-административным значением городище выполняло в духовной жизни населения роль святыни «куда приходили на поклонение, устраивали праздники и тризны» [10, с. 24], «народные игры и состязания» [10, с. 17].

Таким образом, в истории памятника применение иеротопии, как особого вида творческой деятельности отмечается уже в эпоху раннего средневековья.

И, если в средневековье Бозок являлся местом поклонения и паломничества [10, с. 24], то создание на прилегающей к нему территории современного музейного комплекса позволит по-другому взглянуть на творческий процесс сакрализации. В настоящее время иеротопия на археологическом памятнике «Бозок» как творческий процесс имеет целью репрезентацию

историко-культурных памятников как сакральное наследие степной зоны Евразии.

Что такое сакрализация сегодня? Как иеротопия станет основанием для продвижения культурного продукта? Какое значение иеротопия может сыграть в процессе создания культурной институции? Творческий коллектив Государственного историко-культурного музея-заповедника работает над этими вопросами. Опираясь на понимание иеротопии как особого способа видения культуры, позволяющего «осознать существование особого пласта культуры, который состоял из множества конкретных проектов, подлежащих детальной реконструкции» [4, с. 34], как «подход, дискурс, тип мышления... исследовательский метод, рабочий инструмент, для освоения которого требуется изучение, а еще лучше, опыт использования» [12, с. 64].

Иеротопический замысел музейного проекта «Бозок» предполагает его реализацию в виде реконструкции городища Бозок и воссоздания в археологическом парке пяти поселений в натуральную величину, которые в разное время были обнаружены на территории Казахстана. Среди них: Ботайское поселение, храм Баланды-2, городище Чирик-Рабат и многие др. памятники археологического наследия, исследованные на территории Казахстана.

Историческая реконструкция поселенческих комплексов будет замечательно дополнена «живыми» реконструкциями элементов нематериального культурного наследия. Именно они станут ведущими образами-парадигмами музейного проекта «Бозок», способными представить собирательный, многоликий и яркий образ Всаднической культуры степного пояса Евразии. Для этого будут использоваться сюжеты их тюркской мифологии и фольклористики – еще один значимый для творческого коллектива музея источник.

Экспозиция поселений будет опираться на использование двух музеологических подходов: респонсивного и традиционалистского [13, с. 260]. Воссоздание исторической атмосферы определенной эпохи в формате эвокативных экспозиций, конкретного образа и стиля жизни – вот наша главная задача [13, с. 260]. Доминирующим фактором для нас является степень конкретности. Важно сделать

экспозицию археологического парка пространством погружения, или экспозицией первичного опыта [13, с. 265]. Экспозиция археологического парка предусматривает применение принципа реконструкции «овеществленной культурной среды» - т.е. создание поселенческого комплекса с близким аутентичному интерьеру жилищ, святилищ, кузниц, гончарной мастерской и т.д. Вся эта работа будет основываться на археологические реконструкции отечественных ученых. Предполагаем применить в экспозиции археологического парка создание так называемых исторических и утилитарных стилевых обстановок (по теории Флеминга) [13, с. 267].

Воссоздание исторической атмосферы определенной эпохи, конкретного образа и стиля жизни, идея о непрерывности и многомерности человеческой культуры в степном поясе Евразии – основополагающие принципы музейного проекта «Бозок».

Итак, на примере археологического памятника Бозок отчетливо определяются два периода в творческом процессе формирования и организации сакрального пространства: средневековый период (VII-XVI вв.) и современный период (2017-2019 гг.). Сакрализация памятника в эпоху средневековья и в настоящее время имеет качественные отличия. Сакрализация в эпоху средневековья определялась ценностными установками и религиозными предпочтениями того времени. Современный этап в формировании сакрального пространства на прилегающей к памятнику территории не является чем-то новым. В наше время «как и во всем мире, множество значимых археологических памятников являются местом паломничества так называемых «неоязычников», «эзотериков», «космоэнергетов», националистически настроенных группировок, пытающихся по-своему переосмыслить историю, и просто людей, жаждущих чуда, желающих увидеть необычное в окружающей их реальности: ситуация обычная для эпохи постмодерна. Эта судьба постигла известные памятники археологии в Великобритании, Турции, Мексике, Египте и других местах земного шара» [14, с. 149].

Иеротопия применительно к музейному проекту «Бозок» имеет целью изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия Великой степи для того чтобы посетитель, погружаясь

в атмосферу музейного комплекса, получил не только новые знания о своих корнях, но обрел устойчивую почву под ногами. Он получит возможность увидеть многоликий и яркий мир Степной цивилизации, прикоснуться, прочувствовать и погрузиться в культуру, где небеса, земная твердь, флора и фауна, человек – все представляется гармоничным целым, живым и имеющим право не только на существование, но и на преклонение и почитание.

Таким образом, иеротопия – как любой другой творческий процесс позволит создать не только материальное воссоздание археологических памятников в виде реконструкции городища Бозок и археологического парка, но и организовать пространство, где воспроизведение памятников в гармонии с нематериальным культурным наследием проявят то самое нужное для современного человека – священное. В качестве священного в музейном проекте рассматривается культурное наследие, именно оно будет проявлено в экспозиции под открытым небом. Репрезентация наследия даст по-новому подойти к концепции иеротопии Бозока.

Помимо концептуальных подходов иеротопии будет использована структура «географии восприятия». Она предусматривает «анализ состава образов; зависимости их содержания от особенностей индивидуума, его системы ценностей и психологической ориентации; изучение индивидуальных и стереотипных представлений пространства; изучение комплекса процессов познания среды индивидуумом; изучение смысла и ценности места» [15].

В современном Казахстане значимость культурных ценностей позволяет решить две важные проблемы. Первая – «это укрепление суверенитета посредством подтверждения наличия собственных культурных ценностей, вторая – отстаивание культурной идентичности в процессе глобализации» [16, с.18].

Список литературы

1. Назарбаев Н.А. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру. 12 сәуір 2017 [Электронный ресурс]: <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> (Дата обращения: 12.07.2019).
2. Назарбаев Н.А. Семь граней Великой степи. 21 ноября 2018 [Электронный ресурс]: <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> (Дата обращения: 12.07.2019).
3. Концепция создания историко-культурного, рекреационного комплекса под открытым небом «Бозок» / Сураганова З.К., Хабдулина М.К., Әбдіғалиұлы Б., Беспалинов А.Т., утвержденная 20 ноября 2018 г. (рукопись).
4. Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / Алексей Лидов. – М.: Дизайн. Информация. Картография: Троица, 2009. – 352 с.
5. Агаджанов С.Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана // Известия АН Туркменской ССР. Сер. общ. наук. 1977. № 4. – С. 23-31
6. Басилов В.Н. Огуз-хан // Мифы народов мира. Т.2. М.,1997. – С. 240;
7. Толстов С.П. Города гузов (Историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. – С.55-102.
8. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 322 с.
9. Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – 208 с.
10. Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бұзок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. – Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С.20-24.
11. Акишев К.А. Городище «Бозок»: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. – Астана,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С.13-19.

12. Охоцимский А.Д. Иеротопия как принцип и инструмент // ПРАЭНМА. 2018. 2 (16). – С. 62-85

13. ван Менш П. Коммуникация: язык экспозиции // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1(9). – С. 254-272.

14. Куприянова Е.В. Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. – С. 146-161

15. Угаев М. Аркаим: виртуальный мир неоязычников // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям. – Челябинск: Крокос, 2006. – С. 176-183 [Электронный ресурс]: http://www.arkaim-center.ru/science/nashi-publikacii/virtualnyi_mir_neoyazychnikov/ (дата обращения: 11.08.2019).

16. Шариязданов О.К. Социально-исторические аспекты идентификации культурных ценностей казахского народа в Республике Казахстан: теория, методология, историография. Автореферат диссер. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. – Алматы, 2010. – 30 с.

Фото 1. Научные консультации профессора Б. Аягана в проектом офисе музея-заповедника «Бозок»

Төлегенұлы Қажымұрат

ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ АУЫЗ ӘДЕБИЕТІНДЕ КЕЗДЕСЕТІН «ТУ», «БАЙРАҚ», «ЖАЛАУ» ҰҒЫМДАРЫНЫҢ ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ*

Аннотация. Изучение понятий байрақ, знамя, флаг, раскрытие их значения - одна из важнейших тем сегодня. Казахские флаги являются продолжением сакского, гуннского и тюркского периодов. Однако важно пересмотреть такие понятия, как ношение флага, поднятие флага, совет флага. Эти представления хорошо отражены в казахском фольклоре. В нашей статье мы рассматриваем специфику и использование этих понятий.

С одной стороны, флаг – это один из главных символов государства и священный инструмент, который направляет войско и поднимает дух армии. Герой с флагом - герой героев. Таких людей называли «тушы», их отбирали в специальном совете. Позднее флаги хранились у героя и передавались его потомкам. Например: Кабанбай батыр, Богенбай батыр, Ер Жанибек батыр, как известно, имели флаги.

Қазақ тарихындағы әкімшілік-саяси құрылымда әскери жүйе әр қашан алдыңғы орында тұрды. Талай шайқастар мен жорықтарда темір құрсауланған атты әскер жауға күйрета соққы берді. Кез келген соғыста жеңіске жетелейтін, әскер немесе жасақтың туы мен ту ұстаушысы болды. Ту соғыстың тактикалық белгісі ғана емес жауыңгер сарбаздарға жеңіске жетуге рух беретін қасиетті құрал ретінде көрініс тапты. Сондықтанда ту, байрақ қазақ халқы үшін киелі саналды.

Ұсынылып отырған мақалада, алдағы уақытта «Көне Бозоқ қалашығындағы археологиялық қазба жұмыстары негізіндегі ашық аспан асты ұлттық саябағында» орналасатын «Сапар орталығының» ішінде Қазақ хандығы музейінің экспозициясын жасақтау қарастырылуда. Жошы Ұлысы мен Қазақ хандығы аралығындағы кезеңді музейлендіру жұмыстарын жүргізу үшін ғылыми ізденіс

*Мақала «Дәстүрлі әдет-ғұрып есте қаларлық мәдениеттің көрінісі ретінде: Еуразия даласының символдық капиталының ресурстары мен стратегиясы» (BR10164218) ғылыми жобасы бойынша орындалған.

жасау басталған болатын. Ұсынылып отырған мақала осы ізденістер барысында туындаған ойлардың шағын бір көрінісі.

Тарихымызда ту, байрақ, жалау сөздері жиі кездеседі және олар қазіргі күнге дейін үзілмей сақталған. Біздіңше бұл ұғымдар қолданыс аясы және түсінігі жағынынан тарихи-этнографиялық маңызы зор және сан-алуан сондықтан, әлі толық зерттеліп үлгермеді деп ойлаймыз. Дегенмен, бұл салада отандық ғалымдардың біршама тиянақты зерттеулері бар. Орлардың қатарына: Н.Атығаев, Н.Әлімбаев, Х.Ахметжан, А.Ш. Бимендиев, А.Омаров т.б. жатқызамыз.

Қазақтың халық ауыз әдебиеті, мақал-мәтелдер, даналық-нақыл сөздер мен оны зерттеушілердің еңбектерінде осы мәндес сөздерді жиі кездестіруге болады. Мемлекеттік биліктің үлкен белгілеріне оның туы немесе байрағы болу маңызды болып табылады. Бізге жеткен қазақ мақал-мәтелдерінде: «Туған жерге туың тік» [1, 4-бет], «Ұл-орнындағы ту, Қыз —ұшатын қу (аққу)» [1, 54-бет] немесе «Ұл – орнықты алтын ту, Қыз – айдыннан ұшатын қу» [2, 268-бет], «Жақсы ұл елдің туы» [1, 57-бет], «Ақ жалау барда «малым бар» деме, Әзірейіл барда «жаным бар» деме» [2, 268-бет]-сонымен қатар, «ту ұстар», «ту тігу» сияқты сөздерді жиі кездестіреміз. Қазақтың әскери ісі тарихын зерттеуші ғалым Х.Ахметжанның айтуынша «байрақ», «ту», «жалау» үшеуі үш түрлі мағынаны білдіреді. Яғни «Шығуы жағынан ерте пайда болғаны байрақ, одан кейін ту, ең соңғы пайда болғаны – жалау» - дейді. [3, 190-бет]

Байрақтың қолданылуы ерте болғаннан соңда ол туралы мағлұматтарда аса көп емес. Х.Ахметжанның «Жараған темір кигендер..» атты монографиясында: «Байрақ» дегеніміз – хандық биліктің, әскери лауазымның, батырлық дәреженің символдық белгісі, жеке адамдардың белгісі. Бұл белгі патшалар, әскербасылар жүрген жерде көтерілген. Қолбасшылар бұл байрақтармен шайқаста түрлі тактикалық белгілер беріп, айқасты басқарып отырған. Түркі тілдерінде бұндай ағаш сапқа тағылған, бекітілген дәреже белгілерін «байрақ» немесе «мунджук» деп атайды. Ал, байрақты алып жүруге тағайындалған адамдарды «байрақшы» («байрақдар») деп атаған көрінеді» [3, 186- бет] деп байрақ сөзіне анықтама береді. Дегенмен халық аузында «Батырдан кеңес

сұрасаң, қылыш, мылтық, байрағын айтар» дегейді және «Бөрілі байрақ астында, бөгеліп көрген жан емес» деген өлең жолдары қазақ әдеби шығармаларда кездеседі. Байрақ туралы «Түрік тілдерінің сөздігінде»: «Байрақ желпілдеді; Байрақ сабының ұшындағы шашақтары желпілдеді» [4, 289 бет] сонымен қатар, «Таңұқ, Таңиқ» соғыста найзалардың, байрақтардың басына тағатын жібек белгі» [4, 491-бет]. Бұдан түсінгеніміз байрақтың басына жылқы қылынан немесе теріден жасалған шашақтар тағылатынын, әр түрлі түсті арнайы жібек белгі тағылатын білуге болады. Келесі өлең жолдарынан Байрақтың жанына қосымша мата ілінгені, яғни бұл жердегі «байрақтың желбіреуі» деп отырған оның үлкен көлемде болғанын білдіреді. «Байрақты ту» (Байрақ пен тудың элементтері біріккен күрделі түрі) осыдан пайда болуыда мүмкін. Өлеңде: Сонымен қатар, «Қызыл байрақ желбіреп көтерілді; Қара топырақ шаң-тозаң шықты» [4, 251-бет] деп кездеседі.

Енді, ту дегенге келсек. «Айбын энциклопедиясында»: «Ту – әскери бөлімнің рәмізі. Ту найза немесе басқаша бейнелер түріндегі металл ұштығы бар ағашқа бекітіген белгілі бір өлшем мен мата жыртысынан тұрады. Көшпелі халықтарда (сақ-скифтер, ғұндар, түркілер, т.б.) Туды жауынгерлік рухтың белгісі ретінде ерекше құрметтеген. Ту үлкен матадан түсті желек түрінде жасалып, найзаның басына байланып көтерілген. Жауынгерлерге күш беріп қорғау үшін оларға киелі белгілер (жыртқыш аңдар мен айдаһардың басы, кейіннен ай, Құран аяттары) салынды. Ту әскердің киесі саналғандықтан, шайқас кезінде оны ұстау ең батыр адамдарға тапсырылған» [5, 751-752 бет]-деп, туға қысқаша сипаттама береді. Ал, «этнографиялық сөздікте» біршама толық мәлімет алуға болады онда: «Тудың желегі әдетте үш бұрышты, төрт бұрышты немесе трапеция түрінде пішінде жасалып, желектің негізгі бөлігінде түсті матадан жасалған бірнеше (бір, екі, үш) таспалар түрінде ту құйрықтары бекітілді. Майданда жақсы көріну үшін тудың желегі мен құйрықтарына әдетте ашық қызыл, көк, жасыл, сары түсті маталар пайдаланылды. Тудың желегіне түрлі киелі бейнелер (қасиетті аңдар мен жануарлар, зұлпықар қылыш, періште, айдаһар сүреттері) салынып, киелі жазулар (ұрандар, қасиетті сөздер) кестеленіп салынады. Тудың

желегі ағаш сапқа байланып, саптың жоғарғы басына металдан жасалған тудың ұштығы орнатылады, тудың ұштығына әр халықтарда олардың өздеріне тән киелі діни рәміздерін бейнелеген. Бұл рәміз туға күш, киелілік беруге тиісті болды. Мұсылман халықтарында, оның ішінде қазақтарда да, тудың ұшына ислам дінінің символдары бейнеленді – жарты ай бейнесі салынып, Алланың есімі, құран сөздері жазылды. Тудың басына кейде қосымша элементтер ретінде матадан таспадан, аттың қылынан, аңның құйрығынан жасалған байрақтар тағылды. Байрақтың тағылуы тудың дәрежесінің жоғарылығын көрсетті. Тудың дәрежесіне байланысты біреу немесе бірнешеу болуы мүмкін [6, 445 бет] Сонымен қатар, туды «туғ» депте аталғанын байқаймыз.

Ту ұстау тек мыңбасылар, түменбасыларға тиесілі. Ондай адамдар ерлігі асқан, танымал баһадүр болуі міндетті болды. Ту көтеретін адамды «туғшы» (тушы) деп атаған. Соғыс алдында ту ұстауға аранайы «ту кеңесі» жиналып, әр рудан ту алып жүруге лайықты деп таныған батырлар ұсынылған. Жиын барысында бәріне танымал батырды таңдап соған ту «ұстаудың жолы» беріліп, бата айтылды. Көп жағдайларда соғыс біткен соңда ол ту атадан балаға мұра болып қалды. Ту берудің және тушыны тағайындау туралы «Барақ батыр» жырында толық көруге болады:

Батырлардың алдына

Барақ келді ту алып.

Батыр шыққан Алаштан,

Ер қайратын сынасқан.

Желбіреген жасыл ту

Ер Бараққа жарасқан.

Жау қарасын көргенсін,

Аттанып келген батырлар

Ұстауға туға таласқан.

Таласып тұрған ерлерге

Барақ келіп жол ашқан.

«Ер Барақтың жасыл ту

Ортасында тұрады.»

«Әлім менен Байұлы

Ту кеңесін біткеріп,

Бараққа жолды береді.» [7, 4- бет]

Туды батыр, ер адамдар ұстайлыны туралы шежірелік жырлардада кездеседі:

«Тарихта осылай ел туыстары,

*Талай ер **батырлықпен ту ұстады**»* [8, 18-бет] Сонымен қатар, «ту байлау» түсінігі жағдайға байланысты әр жерде әр түрлі қолданылуы мүмкін. Ту ұстаушы батыр жылқының үстінде туды өз ыңғайына қарай қанжығасына, тақымына қыстырып етігіне байлап үзеңгіге басып отыруы мүмкін немесе туды жақсылап байлап атты адамға орнатады Бұл туралы жырда:

«Көп әскер көз қорқатын келді жетіп,

***Ту байлап, тұлпар мініп екпіндетіп.**»* [8, 46-бет] Сонымен қоса Шалкиз жырауда «ту байлау» тіркесерін кездестіреміз:

Туырлықсыз қара үйге

Ту байламақ не керек!

Туғаны жоқ жалғызға

Көп ішінде суырылып,

Жауға шаппақ не керек! [9, 40-бет] Мұнда жырау біздіңше «ту байлаудың» ерекше статусын байқатып отыр. Туды кез келген үйге байлауға болмайтыны, оның қаисеті жоғары екенін ал, ер жігіт жалғыз болса, артында туған ағайыны мен елі жоқ болса, ол қанша жауға шапқанымен батыр емес. Батырдың жанашыры оның елі. Бір жағынан жырда жыраудың өкінішінде байқалады.

Ақтамберді жырау (1675— 1768) жырындағы:

*«Жауға **шаптым ту байлап,***

Шенті бұздым айғайлап» [9, 61-бет] деген шумақтарында ту жаудың шебін бұзуға, жеңіске жеткізуде ерекше орны бар екенін, желбіреген тудан сарбаздардың рухтанып, күш алып «ұранда-тып» жау әскерін талқандауын білдіріп отыр. Яғни жауды жеңуге үлкен мотивация береді.

Дулат Бабатайұлының (1802— 1871) «Сүлейменге» атты арнау өлеңінде ту ұстау үшін тушының астына мінген тұлпарының жаратылуы немесе сай болуы, бапталуы маңызды екенін байқаймыз. Жырда:

Ту ұстап, тұлпар жаратпай,

Алдынан топ таратпай,» [9, 202-бет]-деп айтқан жолдардан байқаймыз.

«Ту ұстау» және оны көтеріп жүру батырлардың батырының қолынан ғана келді. Ондай адамдар батырлардың ішінен ірік-телініп алынды. Себебі ту ұстаудың жауапкершілігі жоғары. Соғыста тудың құлауы ол –әскердің жеңілуі, ал әскердің жеңілуі сол

мемлекеттің немесе елдің болашақ тағдырымен тікелей байланысты. Батырдың үлкен борышы елін қорғау, төмендегі жырда «ту жықпау» туралы былай деп өтеді:

*Оң қолын Құдайкелдінің оқ үзгенде,
Ту жықпай, сол қолымен жүре берді.
Ерлікпен сол қолымен туды ұстап,*

Аталды «Солақай» деп содан бері. [8, 154-бет] Батырдың «лақап ат» алуында оның ерлік істерімен тікелей байланысты болып отырды. Оның істеген ерлігі ауыздан-ауызға тарады. Жанақ ақынның (1770—1856) «Рүстем төреге айтқан сөзінде» тудың құлауы мемлекеттің құлауымен бірдей екенін байқататыны жайында кездеседі. Жырда: «Хан тағы **төңкеріліп, ту құласын**» [9, 155-бет]

Біздіңше «ту ұстау» және «ту байлау» соғысқа байланысты: жорыққа аттануды, ерлік жігерлік, жаулап алушылық, рухты көтерілу, жігерлендіруді білдірсе, екінші жағынан: батырлық, басқарушылық, мемлекеттік биліктің рәмізін білдіртеді.

Тудың жығылуы соғыстың аяқталуы, қарсы жақтың жеңілгені немесе жеңгенін білдірген. Ту ұстаған батырды аттан құлату үлкен ерлік болған. Бұл туралы жырда:

Ту көтерген батырын

*Ат көтіне құлатты. [10, 210-бет] деп кездессе енді бірде:
«Шеп бұзып, ту құлатқан батыр құрып,
Тебінгі сауған ұры ер болған кез» [9, 162-бет] деп кездеседі.*

Біздіңше соғысқа шығатын әскерде негізгі ту біреу және қосымша белгі беретін жалаулар болды. Оны Бұқар жыраудың (1668— 1781) өлеңінен байқауға болады. Онда:

*Жетінші тілек тілеңіз,
Желкілдеген ту келіп,
Жер қайысқан қол келіп,
Сонан сасып тұрмасқа. [9, 82-бет]*

Тудың түсі әр түрлі болы кездеседі, елді билеген хандық әулеттің ұстанымына байланысты өзгеріп отырды. Кейде әулеттер біріккен жағдайда әр түрлі түстегі тулар бірігетін кездерде болды. Бұл туралы Қ.Халид «Тауарих хамсада» кеңінен тоқталады:

«Ишм (Есім) хан ұзын бойлы, денелі кісі болған соң «Еңсегей бойлы ер Есім» деп дәріптеледі екен. Орыс ханның қызыл туы осының қолында қалған.

Сығай ханның екінші әйелінен екі ұлы бар: Сейітқұл және Оннан хан. Бұл Оннан батыр болып, қызыл ту астынан шығып, өзінше дербес ақ ту көтерген. Ақ тулы төрелер қайда жүрсе де Оннан тұқымы болып есептеледі. Ишм хан ұлы Жәңгірхан, ұлы Тәуке хан бір әйелден жеке. Мұның ұлы Полат хан, ұлы Әбілмәмбет хан, ұлы Әбіл Файз хан қызыл тулы төрелердің бабасы.

Жәңгір ханның екінші әйелінен Аула, Бақи деген екі ұл болып, Ауладан Абылай хан туған. Жас кезінде жау қолына түсіп, тағы бір шапқыншылықта қазақ қолына түсіп, үйсін Төлебидің түйешісі болып жүрген. Содан соң, туысы Полат хан өз қолына алған да, соңынан Полат баласы Әбілмәмбетке қызыл ту беріп, өз орнына қойып, Абылайға жасыл ту беріп, кейбір тайпаларға уәли (басшы) қойған. Соңынан Абылай хан өз қабілетімен Орта жүздің бәріне, ұлы жүздің көбіне, кіші жүздің біразына ие болып, жалпы төре атаулыдан басым келген себепті, үш жүздің ханы деп аталған. Жасыл тулы төрелердің бабасы болады. Білетіндер осы үш тудың бәрі Орысханнан, дейді, бірақ мағынаға қарай орданы есепке ала отырып Сарай хандары қызыл ту, Шағатай әулеті ақ ту, Укудай әулеті көк түмен дараланып, кейіннен бұл жағдай да ұмытылып, жақын аталары Оннан мен Абылай ханға жеткізіп (ту тарихын) айтады, яғни бұлай да Орысхан нәсілінен есептеледі» - [11, 103-104 бет]

Қ.Халидке сүйенсек Орыс хан әулетінен тараған қазақ хандарында: қызыл, жасыл, ақ ту болды, әрі алғашқы қазақ тулары қызыл, одан соң жасыл, кейін ақ түсте болған. Халық аузында кездесетін «Абылайдың ақ туы» деген ұғым бар. Меніңше бұл әлі зерттуді қажет етін тақырып.

Қазақ жырларында ту ұстаған батырлар жайында, олардың айбынды жорықтары туралы көп айтылады. Солардың бірі «Жантай батыр» жырында:

Ақ туы көк аспанда желкілдеген,

Қалың қол қаптағанда көз көрімнен, » [7, 252-бет]

сонымен қоса:

«Ту ұстап, тұлға болған сан ғасырға

Қор құйған сом алтындай салмақтары.

Ақ тулы Қабанбай мен ер Бөгенбай,

Үріккен Құбажонның қалмақтары» [8, 79-бет] деген жолдар-

дан ту ұстаған батырдың ел бастауы, сол арқылы мәртебесінің өсіп, атақ-даңқының артуы көрініс табады. Бір жағынан ту тек батырдың даңқын ғана асқақтатып қоймай, қара халықтың үміті, бағыт-бағдары, қорғайтын қасиетті «тұмары» іспеттес көрініс табады. Кей жырларда «Алла деп» ұрандап жауға шабу, «Пайғамбардың ақ ту» ұғымдары кездеседі. Ол туралы жырда:

Көтеріп мәртебесін ықылас беріп,

Ақ туын Ғакашаға беріп еді. [10, 165-бет] Мұндағы ту ұстаушы «Ғакаша» деп отырған адам пайғамбар Мұхаммедтің (с.ғ.у) ең сенімді ер жүрек сахабасы еді. Тудың діни-ғұрыптық ерекшелігін байқауға болады.

Туды тек батырлар ұстамағанын ел басқарған билерде болғаны туралы төмендегі жырда Төле би бабамыздың ақ туы болғаны жөнінде мәлімет береді. Жырда:

«Ұзын сөз айта берсе жатыр толып,

Кетейін қысқа-қысқа басын шолып.

Ісіміз жөн, жолымыз дұрыс десіп,

*Жалауы **белгіленді ақ ту болып.***

Төлеге хатшы қылды Естанайды,

Ақылды, ойлы адам деп, ес санайды. [10,163-бет]

Біздіңше ақ ту ақ пейіділікті, адалдықты, шындықты, ерлікті білдіретін қасиетті түс. Сондықтан ақ туды киелі санаған.

Тудың келесі бір түсі ол ала ту және сарала ту. Төмендегі Махамбет Өтемісұлының «Ұлы арман» атты өлеңінде:

*Желп-желп еткен **ала ту,***

Жиырып алар күн қайда?! [9, 180-бет] деген жолдарын байқаймыз. Алайда «Ала» сөзінің мағнасын белгілі ғалым Рәбиға Сыздықованың «Сөздер сөйлейді» еңбегінде былай түсіндіреді: «Қазіргі түрік тіліндегі «жаналғыш (орысша палач)» мағынасындағы алашы сөзі де, XVIII-XIX ғасырлардағы қарақалпақ шайырларының тілінде кездесетін «жаугершілік, қиыншылық» мәніндегі аласат сөзі де, қазақ тілінің жергілікті сөзі ретінде келетін «ала-сапыран, бүлік, бүлдіру» мағынасындағы аласат, аласат салу сөздері де, Түрікменстан қазақтары мен Сыр бойы қазақтары «алай-түлей, ала-сапыран, дүрлігу» мағынасында қолданатын алағай-бұлағай сөздері де бір төркіндес. Ала қырғын, ала сапыран, ала топалаң тіркестеріндегі «бүліншілік» ұғымын бұлардағы ала компоненті айқындай түседі.

Демек, ертеректегі қазақ тілінде кездесетін ала балта -жай балта емес, соғыс құралы, ұрыс балтасы, «кісі өлтіретін балта». Ала сөзінің «соғыс» ұрыс» мағынасына қатысты қолданылған және бір тұсы, біздіңше, ала берен, ала ту тіркестерінде келгені. Берен – сауыт, ала берен – ұрыс киімі. Сол сияқты ала ту деген тіркес о баста тудың түсіне қатысты емес, «ұрыста ұстайтын ту» деген ұғымда туған тәрізді. Ол ала тудың түсі жасыл, ақ, көк т.б. болуы мүмкін» - [12, 30-бет] дей келе: «Сөйтіп, сөз тарихын қуалағанда, ала деген бір ғана тұлғаның туынды сөз, күрделі сөз, яғни тіркес құрамында бірнеше мағынада келетіні байқалады. Ол мағыналардың бірқатары түпкі (этимондық) семантикадан тараған ауыспалы түрлері болса, енді біреулері «ұрыс, соғыс, қырып-жою» мағыналары бар және «көпшілік, масса» деген мағыналық реңкті қамтитын өз алдына бөлек сөздер болып шығады. Осы себептен қалың оқырманға ала балта, ала ту дегендердегі аланың түске қатысы жоқ екенін, батырлар жырлары мен Махамбет ақында кездесетін алаулау етістігінің «соғысу, ұрысу» мағынасындағы сөз екенін тарихи лексикология курсы аңғартады. [12, 188-бет]

Дегенмен «Ер тарғын» жырындағы жолдардан «ала» сөзінің түске байланысты да қолданылғанын көруге болады:

«Жалғыздың жары Кұдай деп,

Сарала туы салбырап,

Шапты батыр тебініп,

Сарала туы салбырап,

Сауытының шашағы

Тұс-тұсына саудырап» [13, 5, 28-бет.] мұндағы «сарала» (сары+ала) тудың нақты түсін айтып отыр. Махмут Қашқаридың «Түрік сөздігінде» осыған мәндес: «АЛ, АЛ: ал. Қою сары, қызғылт сары түсті асыл жібек мата. Одан хандар байрақ істейді, дәулетті жоғары лауазымды адамдардың аттарына жабу жасайды. Ашық қызыл реңді де «АЛ – Ал (қызыл)» дейді» [4,112-бет] Яғни, бұл жердегі сары және ала ол нақты бір түсті білдіртпеген, бірақ туда сары түс бар екенін көрсетеді. Бірнеше түстердің қосындысы немесе араласуы. Мысалы: көк ала, қызыл ала, шұбар ала т.б

Жасыл ту жайында жоғарыда айтып өткеміз. Төмендегі шежірелік жырда кездесетін жасыл ту бір рулы елдің туына айналғанын байқауға болады.

Шапырашты шабады «Қарасайлап»,

Жасыл туы желбіреп, бөрілі байрақ. [8, 115-бет] Сонымен қатар, аталас жақын рулардың бір ту астына жиналуы туралы айтылады:

*«Ер Барақтың **жасыл ту***

Ортасында тұрады.

Әлім менен Байұлы

Ту кеңесін біткеріп,

Бараққа жолды береді» [7, 43-бет]

Тудың көлемі жайында «Ер Сайын» жырында:

«Қол түстеніп жатқанда,

Келе жатыр бір адам

Туырлықтай туы бар» [13, 129-бет] Жырда кездесетін «туырлықтай туы бар» сөз тіркесі тудың үлкендіні білдірген. Әдеттегі туырлықтың көлемі енінің өзі ең аз болғанда 2-3 метрді құрайды. Сондықтан жырда асыра айтушылық бар.

*«**Ту құйрығы** бір тутам*

Тулпар міндім, өкінбен,

Туған айдай нұрланып

Дулыға кидім, өкінбен

[9, 34-бет] Тудың құйрығы туралы айтылған жоғарыдағы жырда. тудың бір құйрығы болатыны әрі оның аз ғана шығыңқы болатыны жайында айтылған. Жалпы тудың құрылымы: Басы, Сабы, Құйрығы, Жиегі, Желегінен құралады. Ал, күрделі ту болса оған: шашағы, баулары қосылды.

Ал, жалау деген не? Бұрынғы кезде, арнаулы әскери форма болмаған жағдайда шайқас кезінде өз әскерін жау әскерінен айыру үшін жауынгерлер найзаға, дуылғаға түсті матадан белгі тағатын. Оны «жалау» деп атайды. Әр бөліктің жауынгерлері жалауды бір түстен тағады. Сол арқылы қолбасшы да әскердің бөліктерін бақылап, байқап отырған. Жалау – әр әскер бөліктеріндегі жауынгерлердің айыру белгісі» [3, 190-бет] Дегенмен, «жалаулы найза», «жалаулы ту» ұғымдары қатар кездеседі. Біздіңше кейінгі кезде «ту» және «жалау» ұғымдары кей тұста қатар мағынада қолданылды.

Жалау туралы жырларда:

Шалкиз жырау:

Саф арғымақ сайлаған,

Найзасына **жалау** байлаған, [9,48-бет]

«**Жалаулы найза** жанға алып,

Жау қашырар ма екеміз!» [9, 64-бет]

«**Жалаулы найза** қолға алып,

Жау тоқтатар күн қайда?!» [9, 180-бет]

Қорыта келгенде ту, байрақ, жалау ұғымдары қазақ халқында киелі ұғымға ие. Туға байланысты фольклорлық деректер бізге қазақ туларының қандай болғаны туралы нақты мәлімет берері сөзсіз. Әсіресе, ту көтеруге байланысты арнайы рәсімдер, ғұрыптық ерекшеліктер арнайы мәнге ие. Алдағы уақыттарда тақырыпты этнографиялық тұрғыдан тереңірек зерттеу өте маңызды болып табылады.

Жалау.А.Байтұрсынов. Жаңа әліппе. 1927 жыл. Қызылорда [14, 55-56 б.]

Сурет 2. Байрақты ту көтерген жауынгер батыр.

Автор Бекен Жапаров

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Жәрдем Кейкін. Қазақтың 7777 мақалы мен мәтелі. — Алматы: «Өлке» баспасы. - 2002. - 448 б.
2. Бабалар сөзі: Жүз томдық. – Астана: «Фолиант», 2010. 65-том. Қазақ мақал-мәтелдері. – 2010. – 414 б.
3. Ахметжанов Қалиолла Саматұлы. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы. әскери өнері, салт-дәстүрлері). – Алматы РГЖИ «Дәуір» АО «Томол». 1996. - 256 б.
4. Қашқари М. Түрік сөздігі (Диуани лұғат-ит-түрік) Том 3. 1998. - 600 б.
5. Айбын [Мәтін]: энциклопедия/Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011 - 880 б.
6. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі [Мәтін]: энциклопедия ; [ғыл. ред. Н. Әлімбаев, ред. алқ.: Ә. Ахметов [ж. б.]; ҚР Мәдениет және спорт мин-гі, ҚР мем. орталық музейі .- Алматы : Алем Даму Интеграция, 2017 .– 5000 дана . – 978-601-252-091-0 (4.т) (мұқ.), – 978-601-252-087-3 - «ҚР Мәдениет және спорт министрлігі «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша жарық көрді» . Библиогр.: 813-831 б. 4-т. .– 831 б.
7. Бабалар сөзі: Жүз томдық. – Астана: «Фолиант», 2009. 60-том. Тарихи жырлар. – 2009. – 420 б.
8. Бабалар сөзі: Жүз томдық.—Астана: «Фолиант», 2012.Т. 81: Шежірелік жыр-аңыздар.—432 б.
9. Бес ғасыр жарлайды: 2 томдық / Құрастырған: Мағауин, М. Байділдаев.— Алматы: Жазушы, 1989.— Т. 1.—382 б.
10. Бабалар сөзі: Жүз томдық.—Астана: «Фолиант», 2012.Т. 82: Шежірелік жыр-аңыздар.—432 б.
11. Халид Құрбанғали. Тауарих хамса: (Бес тарих) Ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов.— Алматы: Қазақстан, 1992-304 б.
12. Сыздықова Рәбиға. Сөздер сөйлейді (сөздердің қолданылу тарихынан). Көптомдық шығармалар жинағы / Рәбиға Сыздықова / – Алматы: «Ел-шежіре», 2014. - 412 б.
13. Батырлар жыры, 2 том, Алматы: Жазушы. 2000.—280 б.
14. А.Байтұрсынов. Жаңа әліппе. 1927 жыл. Қызылорда. 116 б.

Зубайда Сураганова

СВЯТИЛИЩЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА БОЗОК: ХАРАКТЕР РИТУАЛОВ И ОБЪЕКТ ПОКЛОНЕНИЯ*

Исследования архаической и традиционной культуры всегда довольно затруднительны из-за утраты и трансформации множества ценностных смыслов и ориентиров, присущих им. Для репрезентации целостности картины мира прошлого нередко приходится по крупицам, зыбким и уже исчезнувшим его следам пытаться найти и восстановить ее полноту. Эта работа очень напоминает детективную историю, по-своему увлекательную и все более захватывающую своими загадками.

Изучение средневекового городища Бозок, ревностно хранящего свои тайны, на наш взгляд, возможно следует перевести на уровень теоретических, интерпретационных обобщений для понимания ряда сложных вопросов. Одними из них являются вопросы о ритуальном предназначении сакрального пространства культового комплекса в северном квартале городища, а также объекте поклонения, которому и был посвящен храм. Учитывая реконструктивный интерпретационный характер статьи, опирающейся на фактические археологические данные и геокультурный ландшафт, работа не претендует на исключительность, а лишь представляет авторское видение.

Основой для нашей реконструкции являются следующие факторы: первичность создания культового комплекса VII-VIII вв., его архитектурный облик (юртообразное строение), наличие в его центре человеческого жертвоприношения, мифология лимнонима Бұзықты, геокультурный озерно-степной ландшафт и фауна озера.

Святылище

Важное значение для нас имеет тот факт, что история памятника начинается, согласно его первым исследователям – известнейшим казахстанским археологам К. А. Акишеву и М. К. Хабдулиной, со святылища, возведенного в VII-VIII вв.

*Настоящая работа подготовлена при поддержке МКС РК в рамках реализации программы «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии» (BR10164218).

Уникальность расположения многокомпонентного археологического памятника (VII-VIII – XIX вв.), включающего средневековое городище Бозок (VII-VIII – XII вв.), ученые объясняли «с точки зрения хозяйственного освоения, военно-стратегического плацдарма, контроля над караванными путями меридионально и широтного направлений» (Акишев, Хабдулина, 2011, с. 207), а также избранностью и сакральностью этого места, обладавшего особой духовной аурой (Акишев, Хабдулина, 2011, с. 216). Не случайно К. А. Акишев подчеркивает, что городище Бозок помимо военно-административной функции «играл важную роль в духовной жизни населения как святыня, куда приходили на поклонение, устраивали праздники и тризны» (Акишев, 2008, с. 24). Ученые отмечали церемониальный, обрядовый характер памятника (Акишев, 2008, с. 17; Акишев, Хабдулина, 2011, с. 225). Наша задача понять выбор этого места для сооружения храма его первыми обитателями.

Археологи определили планиграфию памятника как культурный «код, оставленный потомкам огузо-кипчаками» (Акишев, 2008, с. 17). Попытаемся осмыслить его.

Отсутствие находок на территории северного квартала, представлявшего собой ровную квадратную площадку площадью 1200 м², дало основание ученым высказать следующую гипотезу: «параметры и структура вала позволяют предполагать, что вал и ров несли не только защитную функцию, но и ограничивали элитарную территорию, доступ на которую не был всеобщим» (Акишев, Хабдулина, 2008, с. 39-40). Последующие раскопки северного квартала подтвердили эту догадку: в центре квартала были обнаружены следы юртообразного строения (Хабдулина, Тлеугабулов 2019: 589-590) посередине которого выявили погребение человека с ампутированными конечностями (Отчет..., 2007, с. 14). Формирование обряда сооружения культовых строений, окруженных четырехугольными валами со рвом, исследователи относят к гуннской эпохе и рассматривают как доказательство проникновения в раннем средневековье орхонских тюрков на другие территории (Евтюхова, 1952, с. 118).

Площадка, по мнению археологов, была наглухо закрыта со всех четырех сторон высокой и мощной стеной вала, глубоким

и широким рвом, окруженным с внутренней стороны деревянным частоколом. Сооружение высокой изгороди, как считает М. К. Хабдулина, было продиктовано необходимостью сокрытия от глаз непосвященных: «К этой сложной конструкции внутренней платформы характерна нетрадиционная планировка вала и рва. Конструкция вала и рва вызывает сомнения с точки зрения выполнения защитных функций. Небольшие участки кварталов окружены глубоким рвом и валом. За рвом располагался вал. Поверхность кварталов была углублена до плотной материковой почвы» (Bilyalova, Tleugabulov, Yumakayeva, 2018, p. 93).

Подчеркивая доминирующее положение северного квартала по отношению к двум другим, и ко всему городищу в целом (Акишев, Хабдулина, 2008, с. 29-30), исследователи отмечают: «Архитектура и содержание жилища, как и планировочная структура нижнего горизонта, отражают использование северного квартала как особой сакральной территории, предназначенной для отправления каких-то обрядов» (Хабдулина, Тлеугабылов, 2019, с. 590). В целом памятник отличает единство двух сторон человеческого поведения: профанной (обыденной творимой каждый день) и сакральной (священной, творимой ритуалами) (Усманова, 2008, с. 99), где «символы и ритуалы, связанные с храмами, поселениями, домами, восходят в конечном счете к первичному опыту священного пространства» (Элиаде, с. 43)

В центре северного квартала (Bilyalova, Tleugabulov, Yumakayeva, 2018, p. 93-95) обнаружены остатки вертикальных конструкций некогда юртообразного строения, которое, по мнению исследователей, определено как культово-мемориальный комплекс, храм (Bilyalova, Tleugabulov, Yumakayeva, 2018, p. 82-87, 83). Введенный И. И. Ляпушкиным в научный оборот термин «юртообразные» по справедливому замечанию ученых «более узок, историчен и конкретен» (Флеров, 1996, с. 6) и, что «формирование юрты шло не в одном центре и не по одной схеме, а сами раннесредневековые юрты были определенное время достаточно разнотипны, пока не появились два устойчивых вида, известных как тюркская и монгольская» (Флеров, 1996, с. 6).

Размеры культового юртообразного строения в Бозоке, согласно исследованиям М. К. Хабдулиной сопоставимы со свящи-

лицем пос. Сарыг-Булун (VII-VIII вв.) в Туве, представительской юртой городища Плиски – столицы Дунайской Болгарии (к. VII-нач. VIII в.) и жилищем № 8 поселения Стецовка (постройка № 8; 7,2х6 м) с диаметром в пределах ± 7 м (Хабдулина, Тлеугабылов, 2019, с. 589).

Юртообразные культовые сооружения в Сарыг-Булуне (Кызласов, 1960, с. 67) и Плиски (Флеров, 1996, с. 46) представляли в плане восьмиугольное сооружение. Юрта-святилище в Сарыг-Булуне – деревянное восьмиугольное строение, которое Л.Р. Кызласов отнес к сложным поминальным сооружениям высшей знати Восточнотюркского каганата (Кызласов, 1960, с. 67) расположена внутри подчетырёхугольного квартала (36х29 м) со скругленными углами, ориентированными по сторонам света (Кызласов, 1960, с. 64-65).

Круглое в плане святилище Бозока схоже с башнеобразными круглыми или квадратными в основании строениями, со входом с северо-восточной стороны из камня, сырца – поминальными храмами раннего средневековья и известными в казахских степях под названием *дың*, *дыңгек* – представляли собой «огузо-кипчакскую разновидность культовых мемориалов аналогичных поминальным храмам каганов и знати Второго Восточнотюркского каганата» (Хабдулина, Тлеугабылов, 2019, с. 590). Известно, что начиная с «древнетюркской эпохи «классическая» юрта оказывает уже ощутимое влияние как на формы стационарного жилища насельников степного региона (праболгарские и хазарские юртообразные постройки), так и на мемориальную архитектуру – напр., поминальная юрта из каганского комплекса в Сарыг-Булуне (Тыва) или каменные памятники типа «дынов» и «уйтасов» в Казахстане. В эпоху средневековья (XI–XVI вв.) идейно-образное воздействие тюрко-монгольской юрты и других видов кочевнических жилищ на мемориально-культовое зодчество срединной Евразии еще более усиливается» (Ажигали, 2009, с. 104).

У входа в строение с северо-востока были обнаружены остатки деревянной конструкции – столба ($d = 0,5$ м.) или возможно идола. Факт того, что столб неоднократно ремонтировался навел ученых на мысль о том, что его использовали в ритуальных

целях (Tleugabulov, 2018, с. 84). Ритуальные столбы, согласно исследованиям С. Ажигали, имели широкое распространение в среде коневодов Евразии. Одиночный столб играл наряду с практическим значением, символическую роль «вечной» вертикали, соединявшей верхний и нижний миры, выражая древнюю идею коновязного жертвенного столба (Ажигали, 2014, с. 49). Как считает ученый, тема жертвенного (коновязного) столба и коня актуализируется, начиная с раннего средневековья (Ажигали, 2014, с. 53). «Представление о космическом жертвенном столпе – древе в эпоху становления кочевничества трансформируется, конкретизируется в ритуальные коновязи» (Ажигали, 2014, с. 68).

По ямкам, в которых обнаружили остатки дерева, археологи установили, что с южной стороны вглубь площадки северного квартала в сторону сооружения шли «два ряда деревянных столбов. Первый ряд от входа в квартал был коротким, и его можно было обойти с запада и востока, второй ряд пересекал всю территорию от края до края (Bilyalova G.D., Tleugabulov D.T., Yumakayeva, 2018, р. 93).

Важно, что «планировка внутренней площадки не оставляет сомнения в том, что верхом сюда не заезжали. Входили только спешившись. Расположение столбов, небольшая площадь плюс глубокий ров – не представляют условий для джигитовки и езды верхом» (Отчет..., 2007, с. 14). Его размеры и конструктивные особенности, по мнению исследователей, аналогичны древнетюркским храмам второй половины VII - первой половины VIII вв. в Сарыг-Булун, Вознесенке, Перещепино, Глодос (Bilyalova, Tleugabulov, Yumakayeva, 2018, р. 91; Tleugabulov, 2018, с. 86) и т. н. «ханской юрте» в городище Плиск-оба (Аб-оба – селение предков) (Флеров, 1996, с. 46) в Болгарии.

Строение как сакральное выделенное пространство, организовывало ритуальную среду – место отправления обрядов и поклонения. Святилище в форме купольного строения напоминает небесный свод и связано с идеей мемориальных храмов древних тюрков (Bilyalova, Tleugabulov, Yumakayeva, 2018, р. 90).

Наличие человеческого жертвоприношения отличает Бозокский храм от его аналогов в Туве, Болгарии и др. ранее

упомянутых памятников. В центре святилища в Сарыг-Булуне обнаружен вбитый в грунт деревянный кол с большим кувшином для ритуального напитка (вина) для поминок среднеазиатского типа (Кызласов, 1960, с. 67). В центре юртообразного строения (Городище Бозок. Раскоп II. Квадрат П-23) в могильной яме (2,0x0,9 м), ориентированной широтно по линии запад-восток обнаружен скелет человека в скорченном положении левом боку с ориентацией головой на запад (Отчет..., 2007, с. 11; Bilyalova, Tleugabulov, Yutakayeva, 2018. р. 93; Хабдулина, Тлеугабылов, 2019, с. 584-591). Инвентарь отсутствует. Кости кистей обеих рук погребенного ампутированы и в анатомической целостности (запястье, пястные кости и фаланги) обращены к животу*.

Судя по фотографии, у жертвы отсутствуют также кости стоп (пяточные кости, предплюсны, плюсны и фаланги) (Отчет..., 2007, фототаблица 10: фото 1-2; таблица 23).

Рис. 1. Городище Бозок. Раскоп II. кв. П-23. Погребение человека.

* Фототаблица 10: фото 1-2; Таблица 23 из Отчета работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2007 г. Фотоматериал любезно предоставлен автору руководителем М.К. Хабдулиной.

Визуальный осмотр жертвы по фотоизображению дает основание прийти к выводу о том, что в данном случае мы имеем дело с демембрацией – искусственным способом нарушения тела путем экзартикуляции – нарушения связи между отдельными конечностями по линии суставных поверхностей, щелей верхних и нижних конечностей (Смирнов, 1997, с. 61). Положение скелета свидетельствует о том, что экзартикуляция конечностей была произведена после смерти.

Согласно традиционным представлениям, строительная жертва одушевляла «сооружение», придавая ему долговечность, поскольку чтобы «сооружение» (дом, храм... и т. п.) сохранилось надолго, оно должно быть одухотворено, т. е. должно получить одновременно и жизнь, и душу. «Перемещение» души возможно лишь при принесении кровавой жертвы» (Элиаде, 1994, с. 42). Обязательность «жертвоприношения становится важнейшим условием сохранения порядка в мире» (Польский, 2008, с. 18)

Ритуальное захоронение человека, а также частей животных (лопатка, ребра крупного животного, трубчатые кости овцы) подтвердила культовое значение памятника Бозок (Bilyalova, Pleugabulov, Yumakayeva, 2018, p. 94).

Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка, включая полную или частичную ампутацию верхних и нижних конечностей в истории Евразии известны. Случаи манипуляций с верхними конечностями отмечены в Тыве (могильники Догээ-Баары, Аймырлыг) (Кисель, 2018, с. 106-108), на правом берегу Нижнего Днепра (камера № 3 кургана Чертомлык), в Нижнем Поволжье (погребение № 11 в кургане № 1 могильника Цаган-Усн VIII) (Дараган, 2016. С.34, прим. 55).

По мнению В. А. Киселя «люди, у которых целиком отсутствовали руки, скорее всего, являлись жертвами» (Кисель, 2018, с. 108). Известно, что в скифской среде важное значение имела правая рука. По мнению исследователей «удаление правой руки служило... знаком особого унижения мужчины – лишения его чести и личного достоинства» (Доватур и др., 1982. Комм. 404; Бессонова, 1983. с. 48; Дюмезиль, 1990. с. 192).

Среди жертвенных манипуляций с верхними конечностями человека у скифов известны случаи принесение пальцев человека

(Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 79). Находку в северной могиле Чертомлыкского кургана («шесть фаланг пальцев человека, которые принадлежали трем или четырем индивидуумам, в частности одному мужчине старше 25 лет и подростку в возрасте 14-20 лет») исследователи, несмотря на отсутствие в исторических источниках сведений об обычае жертвенной ампутации пальцев у скифов, все же посчитали вероятной на основе фиксации «этнографами у ряда других народов» (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 79).

Все указанные случаи археологами, согласно сведениям Геродота, отнесены к античному периоду (I тыс. до н. э. - нач. I тыс. н.э.) и скифской культуре. География распространения случаев ампутации рук: Восточная Сибирь, Крым (Кисель, 2018).

Случаи ампутации нижних частей ног перед захоронением, по мнению археологов «являются этнографической нормой в практике населения Алтая гунно-сарматского времени» (Соенов, Трифанова, 2019, с. 39).

Можно оценить жертвенное погребение в Бозоке, как парциальное (частичное, неполное), как одну из форм «временной смерти» (Зайцева, 2005, с.10). «Временная смерть как форма перехода из одного состояния в другое – встречается в чрезвычайно широком кругу текстов и обрядов. Как правило, смерть при этом связывается с растерзанием, расчленением тела, захоронением... и последующим возрождением. К появлению расчлененных погребений могли приводить также человеческие жертвоприношения, ритуальные расчленения в ходе военных столкновений и обряды обезвреживания покойного. Мотив расчленения и освобождения переключается с идеей креативного жертвоприношения. Идея жертвоприношения – разъятия на части, складывания и оживления является универсальным моментом всякого ритуального процесса вообще» (Зайцева, 2005, с. 25-26).

В целом искусственное нарушение целостности человеческих останков в древности призвано обеспечить сбережение плоты (греч. *ptoma* – труп), которое достигается путем ряда «разнообразнейших операций, приводящих тело в сублимированное состояние» (Смирнов, 1997, с. 60).

Жертвенное погребение в северном квартале Бозока аналогов, судя по доступной автору литературе, нет.

Святилище в качестве идеального, упорядоченного, пространства стягивало сакральное вокруг себя, конструировало его, вызывало у адептов необходимую реакцию, восприятие, обретая тем самым характеристиками фокусирующей линзы (Smith, 1987, p. 104.). Жертвоприношение усиливало значение этой фокусировки, поскольку «жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Насильственная смерть созидательная в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Это жертвоприношение приводит к огромному переносу: жизнь, сконцентрированная в одной личности, выходит за ее пределы и проявляется на космическом или совокупном уровне. Единственное существо трансформируется в Космос или возрождается во множестве видов растений или человеческих рас. Живое целое разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм» (Элиаде, 1994, с. 42).

Отсутствие в Бозоке каменной скульптуры, характерной для подобных древнетюркских комплексов, с одной стороны, может говорить в пользу «дальнейшего развития древнетюркского погребального обряда уже в Монголии, в эпоху господства алтайских тюрок в Центральной Азии» (Евтюхова, 1952, с. 118) или о том, что каменное изваяние попросту вывезли в новейшее время.

Мифология лимнонима Бұзықты

Тюрко-огузская мифология лимнонима Бұзықты (Хабдулина, 2008, с. 5-6; Акишев, 2008, с. 16; Сураганова, Хабдулина, 2021) наряду с планиграфией памятника представляет для нас ключевое значение в реконструкции гипотетической модели ритуального характера святилища.

Лимноним Бұзықты – топоним удивительный по своим исторической глубине и семантике. Топонимы в степи сохраняли свою устойчивость на протяжении многих столетий. Одним из ярких примеров такого постоянства является название поселения «Абоба» в Болгарии. Изучение топонима на основе древнетюркского языка привело Б. Симеонова к его исходному значению – «селение предков» (Георгиев, 2014, с. 194-221).

«Сохранение древних наименований местностей до настоящего времени – сильный аргумент в пользу преемственности и автохтонности населения данной территории с глубокой древности» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 188). Содержание и символика топонимов в казахской степи приводила исследователей и путешественников в восхищение: «Какие приличные имена дают Киргизы своим рекам, озерам, горам, долинам, лугам и равнинам, удивительно!» (Шангин, 1820, с. 34).

Сравнивая трудности интерпретационных исследований с работой лингвиста, Б. А. Литвинский подчеркивает, что исследователю, необходимо, с одной стороны, «выявить значение... слова, анализируя все те случаи, где оно зафиксировано в различных контекстах. С другой он, ведет этимологический поиск, сравнивая его с аналогичными словами (с учетом, разумеется, закономерных фонетических соответствий) в родственных языках» (Литвинский, 1991, с. 3). Поэтому считаем необходимым обратиться к этимологии лимнонима «Бузыкта» со всем тщанием.

На первый взгляд основой топонима «Бұзықты» является слово «бұзық». Суффиксальное окончание «-ты» указывает на принадлежность к «бұзық» или усиливает значение прилагательного и должно удостоверить качественную характеристику самого озера. Но анализ его этимологии с точки зрения современного казахского языка – деривата кыпчакской подгруппы тюркского языка неэффективен, поскольку слово «бұзықты» в переводе с казахского означает «негодный, испорченный, распутный, непригодный, поврежденный». Вода в озере относительно чистая. Об этом свидетельствуют археологи, изучавшие городище близ его берегов. Для нас самым важным аргументом в пользу его чистоты является факт крайне плотной заселенности озера лебедями, утками и др. видами водоплавающих птиц. Возможно значение слова «бұзықты» говорит о времени паводка, когда озерная вода выходила из берегов и затопливала окружающую местность. В любом случае, этимологию названия озера не следует рассматривать с точки зрения казахского языка, поскольку считаем, что топоним мог претерпеть изменения. Если предположить изменения, то в слове «бұзықты» на самом деле изменилась одна гласная буква «ы», заменившая «у» или «о». По мнению лингвистов

«гласные – это женское начало, оплодотворяемое мужским началом – согласными, сочетание с которыми и образует мельчайшую клеточку языка – значение, воплощенное в форме. Гласные являются своеобразным «переключателем» слов на различные регистры, или измерения. Закономерная вариация вокалического ряда в слове может выступать как в роли кодона, так и антикодона, влияющего на значение, форму (порядок, количество и качество фонетических элементов в слове), продолжительность «жизни слова и его энергетическую потенцию» (Маковский, 1997, с. 74). Следовательно, в слове «бұзықты» изменению подверглась одна гласная буква «ы», свидетельствующая о частичной утрате и «переключившая» на иное смысловое значение. Апеллируя к тому, что в топонимике Сары-Арки устойчивостью отличались названия, дошедшие до нас из глубины веков, одним из которых был и гидроним Бұзықты, К. А. Акишев высказал существенное для нас предположение: «Возможно, в честь одной из первых резиденций огузов-кыпчаков, безымянное озеро было названо Бузук, что является синонимом слова «Восток», откуда пришли эти племена. Соглашаясь с мнением исследователей, что в древнетюркском прочтении более правомерным произнесение *боз ок* (Хабдулина, 2008, с. 6) будем использовать его как исходный и очень важный элемент в нашей интерпретации. В зависимости от перемены первой гласной «у» или «о» имеет ряд значений, включая проникающая, разрушающая стрела (*буз ок*), или от *боз* – сломанная; светлая серая, голубая (в перен.: «небесная») «ок»=«ук» – стрела.

Слово *боз* имеет несколько переносных значений, среди которых есть понятия: «нетронутая земля, целина, ковыль» (Хабдулина, 2008, с. 6).

Топоним «бозок» встречается на всем протяжении продвижения ранних тюрков, начиная от Бузукова озера (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1891, с. 859) в Сибири, и далее на юго-запад и запад. Исследователи отмечают след схожего топонима на территории южного Казахстана, Крыма, Кавказа, Европейской части России и Турции.

Только на территории Казахстана в среднем течении реки Сырдарья топоним «Бузук» или «Бозок» встречается трижды:

на севере – лимноним Бузыкты и на юге – акционим Бузук кала (Толстов, 1948, с. 311; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 11, 22, 188), а также ороним Бузук-тобе. тобе (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 188).

В крымской топонимике «бозок» можно обнаружить в названии оронима Бизюка, Бюзюк (927 м, с. Родниковское Балаклавского района) от имени сельджукского рода «бузук», представители которого, вероятно, селились в районе этой горы. В полутора км к юго-западу от горы Бизюка раскинулось урочище под тем же названием. Горный массив в Балаклавском районе к западу от горы Марчека (Морчека), прилегающее к юго-восточной части Севастополя носит название Бюзюкская яйла (от тюрк.: яйлау, жайляу – летнее становище, пастбище) (Топонимы Севастополя).

Этот же топоним обнаруживается в стихах певца Тавриды, поэта державинского направления Семена Боброва (1763-1810):

Здесь зрю я Зую, Бештерек,

*Индал, Булганак и **Бузук**,*

Что прыгает с крутого камня

Пенистой шумной стопой (Люсьй, 2000, с. 24).

Опираясь на словарь Брокгауза и Эфрона, Э. Алили считает, что слово «Бозок» в измененном виде присутствует в комониме «Бузовна» или «Бузогна». Так называлось селение в Бакинской губернии, возникшее на руинах строения, построенного в 672 г. падишахом Мелик-Саляром (Алили, 2008, с. 33). В этом же томе словаря встречаются лимнонимы Бузак (озеро в Европейской России) (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1891, с. 858) и уже указанное выше – Бузуково озеро близ Киева (нциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1891, с. 859).

На территории современной Турции провинция Йозгат некогда носила название Бозок.

Как пишет К. А. Акишев «топоним «Бузук»... связан с легендой о золотом луке, обращенном на восток и трех серебряных стрелах, нацеленных на запад. Дешифровка легенды проста: восток – прародина, а запад – земли устремления, расселения, миграции этих племен» (Акишев, 2008, с. 16-17). Исходя из сказанного Бозок может рассматриваться также как старшее племя, наследие тюрков, которое следует бережно хранить. «По легенде огузов некий Великий тюрк (Улуг Турук) увидел во сне золотой лук, обращен-

ный на восток и три серебряные стрелы, направленные на запад» (Акишев, 2008, с. 15). Описанный сюжет – часть общеизвестной легенды об Огуз кагане – культурном герое и прародителях ранних тюрков, где есть указание о его браке на небесной деве и их трех сыновьях – бузуках или бозоках, наделенных небесными именами: Кюн-Гюн (Солнце), Ай (Месяц) и Йилдыз-Юлдуз (Звезда). Огуз каган, получив в дар с небес лук разделяет его на три части между ними. (Басилов, 1997, с. 240; Жирмунский, 1962, с. 138; Толстов, 1947, с. 55-102).

Интерес представляет также еще одно переносное значение термина «бузук» или «бозок». В средневековье под ним понимали структуру военно-политической организации ранних тюрков, выступая в значениях: «правое крыло войска», «старшее племя», «внутреннее племенное объединение» (Агаджанов, 1977, с. 23-31). Потомки от небесной девы – бозоки имели значительные преимущества перед сводными братьями от земной женщины, включая участие при определении правителя. Расселившись в Малой Азии и на Ближнем Востоке в XI-XII веке, огузы «Бозок» дали начало двум известным правящим домам на этих территориях.

Лингвист, тюрколог, знаток древних языков Э. Алили предпринимает следующее немаловажное для нас обобщение: «...Бозоки / Маскуты считались «Внутренним Огузом» (Ич Огуз / Иш Куз) в отличие от Саков / Учоков, которые являлись «Внешним Огузом» (Дыш Огуз). Двенадцать ветвей Бозоков и двенадцать Учоков совместно составляли двадцать четыре колена всего Огузского Эля (Галын Огуз Эллери) (Алили, 2008, с. 33). Исследователь связывает этимологию слов «Маскут» или «Массагет» с тюркскими «БозОк» или «БозОкуз» (небесные огузы), подчеркивая их связь с небесной матерью: «Термин «БозОк» очень легко трансформируется в «Мосок», так как в тюркских наречиях звук «Б» часто может переходить в «М» - например: Бин / Мин; Басурман / Мусурман; Балкар / Малкар; Бончук / Мунчук; Баг / Маг и т. д» (Алили, 2008, с. 33). Отмечая трансформацию этнонима «огуз», Э. Алили выстраивает следующую цепь его метаморфоз: «Этнический термин «Огуз / Гуз» в раннегреческом звучал в форме «Скуз», а после, немного

изменившись, перекочевал в европейские языки в форме «Скутес / Скут / Скит», а в русский (уже в сильно искаженном виде) «Скиф». Поэтому тюркский «БозОкуз» при помощи иностранных языков (индоевропейских), немного изменившись, трансформируется в «Маскут», а с добавлением суффикса в «Массагет» (Алили, 2008, с. 33). Возможно поэтому, в том числе, в раннесредневековых источниках тюрками считали как скифов (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 106), так и гуннов (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 36, 77, 102, 203)*.

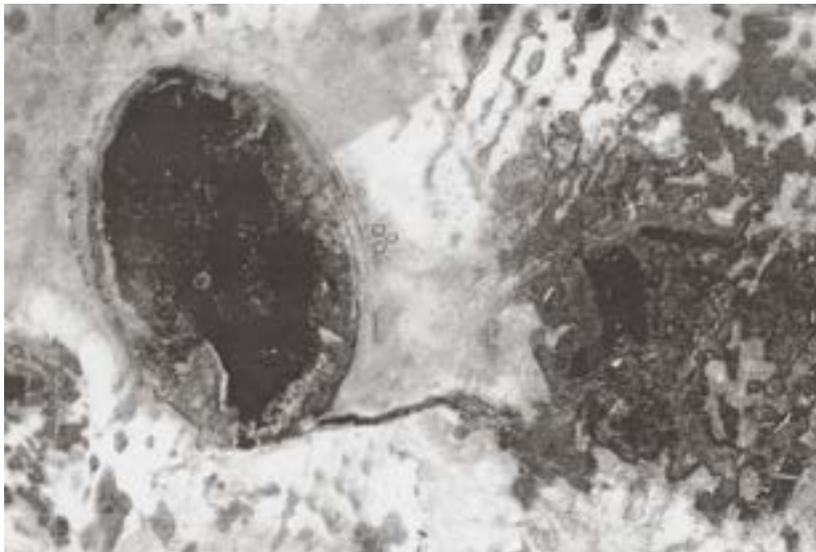
Таким образом, название археологического памятника «Бозок» связывает через лимноним «Бузукты» с мифологическими персонажами – Огуз каганом и небесной девой – праматерью бозоков – бузуков, и тем самым с историей формирования административно-территориальной, родоплеменной и военно-политической структуры ранних тюрков-огузов.

Рассмотрев планиграфию северного квартала, архитектурный облик святилища, человеческое жертвоприношение, мифологическое содержание лимнонима, продолжим наше исследование, предприняв анализ двух других не менее важных составляющих в нашей гипотетической модели: мифологемы озера и воды в реконструкции сакрального топоса для того, чтобы понять суть ритуальных практик, совершавшийся в его пределах и выяснить объект поклонения.

Геокультурный ландшафт и фауна озера Бұзықты

Бұзықты входит в систему озер междуречья Нуры и Есиля наряду с другими 10 озерами: Аулиетай, Талдыколь, группа озер Малый Талдыколь, Тассуат, Жаланаш, Майбалык, Кайнарлы, Тазколь, Жалтырколь, Тоганколь, Борлыколь. Как указывают гидрогеологи: «Поверхность междуречья в месте бифуркации рек Нуры и Ишима сильно пересечена не только руслами временных водотоков, но и большим количеством замкнутых понижений, часть которых занята озерами. Плоская равнина в междуречье Нуры и Ишим, без явно выделенной сети поверхностного стока в сторону русла крупных рек, способствовала формированию плотной озерной системы состоящей из мелководных озер блюдцеобразной формы» (Осушение оз. Малый Талдыколь..., 2014). Озеро Бұзықты располагается наряду с двумя другими

* «Это были гунны, жившие на востоке, по соседству с персами, которых большинство более привыкло называть тюрками»; «... к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками», «гунны, живущие на севере восточных областей (персы обыкновенно называют их тюрками)». Примечание 35: Речь идет о тюркских племенах, живущих на северо-восточной границе Ирана, в бассейне Аму-Дарьи. Из кн.: Феофилакт Симокатта. История... С. 36, 77, 102, 203.

*Рис. 2. Аэрофото съемка озера Бұзықты. 1974 г.
Предоставлена М. К. Хабдулиной.*

озерами (Аулиетай, Талдыколь) в пределах южной периферии столицы Казахстана, г. Нур-Султан к востоку от трассы исторических перетоков воды из Нуры в Ишим» (Осушение оз. Малый Талдыколь..., 2014).

Необычность топографии памятника, скрытого среди болот и озерных западин пойменной долины Есиля, отмечена археологами Есиля (Хабдулина, 2008, с. 8). По утверждению К. А. Акишева «основатели городища постарались запрятаться среди болот, в местности, имеющей надежные естественные преграды» (Акишев, Хабдулина, 2008, с. 26). Природное окружение, по мнению Э. Р. Усмановой, куда «вмонтировано» городище... образует смысловую композицию, где каждому объекту отводится своя роль» (Усманова, 2008, с. 98). Понимаем, что «толкование археологически фиксируемых материальных следов каких-либо обрядовых действий всегда наиболее уязвимая часть в любом исследовании. Чаще всего материальные останки не могут быть основой для полной реконструкции действий, которые привели к их появлению, а тем более представлений,

Рис. 3. Озеро Бұзықты. Фото Б. Жапарова. 2020 г.

которыми руководствовались люди в момент их совершения» (Зайцева, 2005, с. 23). Поэтому анализ геокультурного ландшафта и фауны озера Бұзықты в лице лебедя, как нам представляется, восполнят недостающие элементы нашей гипотетической модели для понимания того, почему это место было выбрано для сооружения святилища и какие ритуалы здесь проводились. Озеро в его неразрывной связи с лебедью предопределили выбор и воодушевили, по нашему мнению, построить древних тюрков здесь святилище.

Значимость озера, как ключевого элемента мы предполагаем раскрыть на основе концепции «пейзаж — женщина — лебедь» (Башляр, 1998, с. 63) философа, исследователя психологии художественного творчества, интерпретатора поэтических текстов Г. Башляра. В его книге приводится замечательное по своей возвышенности и поэтичности описание озера, оживляющее диалектику пространства и глубины: «Озеро — самая красивая и выразительная черта пейзажа. Это око земли, и, заглянув в него, мы измеряем глубину собственной души» (Башляр, 2004, с. 180).

Оно как нельзя точно подходит к озеру Бұзықты, находящемуся в месте, где наиболее близко сходятся с севера Есиль, а с юга Нура, где «водоем — это само око пейзажа, что мир впервые видит себя, отражаясь в воде, что удвоение красоты отраженного пейзажа есть корень космического нарциссизма» (Башляр, 2004, с. 180).

Анализ прозы и поэтических произведений позволяет Г. Башляру показать влияние водной стихии на воображение человека, на его фантазии, связанные с водой. Он подчеркивает: «Поняв, что любая комбинация материальных стихий для бессознательного — своего рода брак, мы сможем осознать, почему наивное и поэтическое воображение почти всегда приписывает воде женский характер. Мы увидим также глубинное материнство вод. От воды набухают ростки и бьют источники. Вода — это такой вид материи, который повсюду можно видеть при рождении и произрастании. Источник есть неодолимое рождение, рождение непрерывное. Вот какими величественными образами раз и навсегда отмечено любящее их подсознание!... эти образы, пропитанные мифологией, все еще заряжают поэтические произведения естественностью» (Башляр, 1998, с. 33).

В концепции Г. Башляра связь водной стихии с женскими образами органична и неразрывна: «вода — своею символикой — может связать между собой все» (Башляр, 1998, с. 209), «вода — во всем объеме, во всей массе, а не просто в фееричности своих отражений — предстает как растворенная девушка, как текучая эссенция девушки (Башляр, 1998, с. 186). Внутренняя материя воды, ее чистота, белизна и прозрачность несут в себе «растворенное девичество», непорочность, растворенную женскую субстанцию (Башляр, 1998, с. 208, 186, 180). Вода — «убаюкивающая стихия. Вот, кстати, еще одна черта ее женского характера: убаюкивает она, словно мать» (Башляр, 1998, с. 184, 186).

На всем пространстве тюркского мира водные источники, включая озера, входили в орбиту сакральных объектов. В Восточной Сибири, на Кавказе отмечаются следы поклонения тюрков озерам. Культ хозяйки или хозяина озера наблюдался среди тюрков Восточной Сибири (...) (Усманова, 1976, с. 240-243;

Бурнаков, 2019, с. 86-100), Алтай (Алтынкол – Телецкое озеро) вплоть до этнографической современности. У хакасов в 1970-е гг. исследователями отмечаются ритуалы жертвоприношения озерам – кёл таиг, кормление хозяев или хозяек озер называли – кёлези, а также описание хозяйки озера Ошколь в образе молодой женщины с длинными волосами, в белом длинном одеянии. Согласно полевым материалам исследователям стало известно, что в знак принятия жертвы она «открывает дверь и наклоняет голову» (Усманова, 1976, с. 240). На Кавказе тюрками почиталось озеро Гёкче – «Небесное» (соврем.: озеро Севан в Армении). «Тюрки почитали «небесные озера» (гёк гёлю), образовавшиеся в вулканических впадинах... Считается, что эти озера не имеют дна, хранят некую тайну» (Аверьянов, 2011, с. 474).

В казахской степи сохранился ряд лимнонимов, указывающих на сакральность озер. Так, ряд озер, расположенных в Костанайской (Кушмурун), Павлодарской (система озер Акколь-Жайылма) и Акмолинской областях (озеро у восточного подножия горы Кокше Кокшетауского нагорья) называлось *Әулиеколь* (букв.: святое озеро) (Казбеков, 1998) или *Әулиетай* (междуречье Есиля и Нуры). В записках российского участника геологической экспедиции в 1816 г. в казахскую степь приводится описание окрестности Авлия-Куль (т.е. священного озера – *Әулиеколь*) со следующим замечанием: «редко можно найти столь живописной и изобильное всеми удобствами жизни для обширного и многочисленного заселения. Вокруг оно рассеяны могилы... Киргизцы ежегодно собираются сюда совершать поминовения и тризны над могилами умерших друзей и родных своих» (Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь, 1816а, с. 298; Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь, 1816б, с. 119).

Название археологического памятника «Бозок», происходящего от лимнонима «Бузукты» несет значимый символический потенциал в контексте тюркской культуры, что дает важный материал для нашей интерпретации, поскольку отсылает нас к образу небесной девы – лебедя – хозяйки озера.

Мифологема лебедя в тюрко-монгольском этническом круге занимает особое место. Лебедь – один из самых часто упомина-

емых персонажей, что свидетельствует о значимости этого зоолатрического культа в тюркской среде. Ссылаясь на трудности, связанные с отсутствием «конкретного материала, относящегося непосредственно к тюркам» Л. П. Потапов, утверждает, что «существование культа лебедя в древнетюркское время в Южной Сибири несомненно» (Потапов, 1991, с. 83). В известной Книге предзнаменований Ырк-битиг (Книге гаданий) имеется сообщение о лебеди, спасшем воина и препроводившем его к родителям.

Перед нами два перевода одного и того же сюжета. Его авторы – турецкий лингвист Т. Текин и российский ученый С. Малов едины в понимании его смысла, расхождение лишь в отдельных словах: лебедь оказывает помощь воину и доставляет его родителям.

«(Ä)r sükä b(a)rmıy, yalta (a)ñi (a)rmıy.

(Ä)r kugu kuşka zokuşmıy.

kugu kuş k(a)natıya urup (a)ñın k(a)ñıya
b(a)rip(a)n ögiñä k(a)ñıya t(ä)güemıy.

ögi k(a)ñi ögir(ä)r a(ä)binür tir.

(a)ñça bilıñl(ä)r: (ä)dgü öb»

В редакции Т. Текина (Tekin, 1993, с. 17-18)

«Är sükä barımyı jotta aty armyı

ır qoñu qulqa zoquşmyı qoñu

qul qanatıya urup(an a)ñın qañıya barıran

ögiñä qañıya tögüemıy ögi qañu

ögirär säbinür tir. Anča bilıñlär: ödgü öb»

(Гадательная книжка, 1951, с. 82).

A man went to the army (in war). On (his) way (back home) his horse became tired.

(Then) the man met a swan. The swan placed (him) on its wings (and) flew up with him. (Thus) it brought him to his mother and father. His mother (and) his father rejoice (and) take pleasure, it says.

Know thus: (The omen) is good (Tekin, 1993, с. 18-19)

«Говорят: муж отправился в военный поход. В дороге его лошадь утомилась. Муж с птицей-лебедем повстречался.

Птица-лебедь посадила (его) на свои крылья. И с ней, поднявшись вверх, отправилась в путь. Она доставила (его) к родителям его. Его родители радовались и веселились. Так знай — это хорошо!» Перевод С. Е. Малова (Гадательная книжка, 1951, с. 83).

Этногония тюрков содержит сюжеты о происхождении от лебедицы (Малолетко, 2004, с. 183; Жирмунский 1962а, с. 100, 226). «В западной части тюркского мира широко распространен сюжет о страннике, застигшем девушек-лебедей во время купа-

ния. Украв обувь или птичье одеяние одной из девушек, герой вынуждает ее выйти замуж. Лебедь соглашается, но ставит ему ряд условий. В конце концов, герой нарушает одно из условий, и девушка, превратившись в лебедя, улетает, оставляя мужу зачатого от него сына. Этот сюжет широко распространен в казахских сказках, генеалогических легендах и т.д» (Наурызбаева). Именно на этот сюжет указывает В. М. Жирмунский, анализируя эпическое сказание о Едыге. «Согласно казахской версии сказания, род Едигея ведет свое происхождение от почитавшегося в Казахстане мусульманского народного святого Баба-Тукласа (в прошлом, по-видимому, языческого шамана) и лебединой девы» (Жирмунский, 1979, с. 213). Французский историк, специалист по тюрко-монгольским народам Жан-Поль Ру замечает, что «En fait, le theme des amours entre un cygnet et un human est sans doute aussi vieux que l'humanite» - «На самом деле тема любви между лебедем и человеком, несомненно, стара, как человечество» (Roux, 1966, p. 353).

Известно, что у казахов «в воинском братстве сал-сери один из членов был одет в костюм лебедя. Когда кавалькада сал-сери подъезжала к аулу, он верхом кружил вокруг аула, крича по-лебединому. Так же по-лебединому кричали в старину казахские воины, когда шли в смертельный бой. У казахов этот крик называется «кику». Заметим, что этот обычай кочевников зафиксирован с негативным оттенком и в фольклоре их славянских соседей» (Наурызбаева). Актуализация лебединого крика – *қику* в поведении воина говорит о бисексуальности, амбивалентности скрытости и архитипичности образа лебедя. «Лебедь здесь — символ скрывающий, в полном значении этого термина» (Башляр, 1998, с. 69, 186). Не случайно Г. Башляр подчеркивал: «При созерцании светящихся вод лебедь — женского пола; в действии он — мужского пола» (Башляр, 1998, с. 64). Лебеди, согласно тюркской мифологической традиции, также подвластны обе сферы – водная и земная, подтверждаемая рядом перевоплощений (оборотничества) героя (Король, 2015, с. 51).

Его орнитоморфная природа сохранилась в памяти кумандинцев, которые призывали ее как Умай-эне, куш-эне («мать Умай», «мать-птица») (Потапов, 1973, с. 276). Умай

наряду с Тенгри и Йер-Суб оказывает покровительство воинам (Потапов, 1973, с. 269). Находящиеся под ее покровительством воины актуализируют ее образ, по всей видимости, в ритуалах и других практиках. Умай – Великая божественная мать тюрков – владельница молочного озера – неисчерпаемого хранилища «душ-зародышей. Это самое чистое и животворное место, купание в котором возвращает эпического героя из мира мертвых» (Король, 2015, с. 58). Умай в образе лебедя выступает в ипостасях праматери, покровительницы, защитницы героев, дающей и отнимающей жизнь. Поэтому в космическом плане амбивалентность лебедя выражается как символ света над водами, и как гимн смерти (Башляр, 1998, с. 73). В эпическом и фольклорном наследии лебедь – спутница жизни и мать героев, а ее потомки способны принять орнитоморфную природу матери. Это подтверждается письменными источниками. Помимо прекрасных девушек, принимавших облик лебедей и вновь людей у тюрков есть примеры того, что в лебедей превращались и мужчины. В 215 главе китайской династийной истории Таншу (618-907 гг.) есть упоминание о том, что у родившегося от волчицы шамана Ичжини-нишыду, способного наводить ветры и дожди и имевшего в женах дочерей духов лета и зимы (Бичурин, 1998, с. 225) один из четырех сыновей «превратился в белого лебедя» (Потапов, 1991, с. 80).

Анализ сказочного образа Царевны-Лебедь из сказки А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», предпринятый Е. В. Чернышевой, позволил ей прийти к выводу о том, что «Тотем (птица-помощник Лебедь) в мифах тюркских народов был способен принимать образ прекрасной девы. В сказке Лебедь – это добрая волшебница, помощь которой возвеличивает князя и приводит к благополучной развязке. ...Царевна-Лебедь – символ половецкой невесты, брак с которой зачастую приводил к окончательному «воцарению» в княжестве и победе над политическими противниками» (Чернышева, 2008, с. 129). Более того «в славянских фольклорных произведениях, в частности, в русской волшебной сказке, сохраняются образы волка и лебедя – тотемных предков тюркских племенных союзов». «В ранних произведениях устного народного творчества они воплощают

идею животного-помощника. В более поздний период тюркские тотемы начинают играть роль символов: дружба славянского богатыря с волком или женитьба на Царевне-Лебеди не только способствуют развитию сюжета волшебной сказки, но и являют иносказательное повествование о славяно-тюркских политических союзах» (Жирмунский, 1962а).

Отношение к сакральным животным определяется рядом примет и запретов. Согласно казахским приметам-ырым запрещено ловить, убивать наряду с желто-пестрым диким гусем (сары ала қаз), соловьем и лебедем, а также любую дикую одинокую птицу, поскольку они считаются священными: «Қазақ аққуды, сары ала қазды, бұлбұлды және жалғыз жүрген құсты ауламайды, атпайды. Өйткені бұларды киелі құс деп есептейді» (Түс жору және ырымдар, 2013, с. 311). Такие представления устойчивы и среди современных казахских охотников (ПМА).

Образ лебедя сохраняется в музыкальной культуре тюрков. Песня в народных поверьях тюркских народов «представляется то в виде теплого ветра или крылатого коня (тулпара), то птицей — ..., белой лебедью» (Жирмунский, 1962а, с. 264). В казахской музыкальной традиции и кобызовые и домбровые инструментальные пьесы – кюи носят название «аққу» - лебедь (Утегалиева, 216, с. 44, 228, 275, 295).

В современной казахской литературе образ лебедя хранит одну из ключевых коннотаций – лебедь – символ нравственной, духовной чистоты, нисходящей из небесного пространства: «Сущность лебедя, подвигающий к таинственному миру святости, духовным ценностям, являющийся символом чистоты, безупречного духа широко был воспет в художественной литературе при упоминании феномена мечты, а также других художественных аспектов» (Аймухамбет, 2012).

Заключение

Итак, уникальность памятника, топоним Бұзықты, указывающие на связь с небесными тюрками, геокультурный ландшафт (озеро в междуречье) наряду с анализом мифологем воды и лебедя позволили нам создать гипотетическую модель, объясняющую характер и объект почитания.

Осознавая, что «любая реконструкция в конечном счете, останется реконструкцией – приложением к современному видению ситуации» и опасения того, что «культурная харизма памятника, заключенная в его исторической информационной сути, не поддается никакой реконструкции» (Усманова, 2008, с. 98), мы предприняли попытку выявить генеральную идею создателей святилища. Руководством к действию для нас являлось положение замечательного исследователя древней истории, археолога Б. А. Литвинского о том, что необходимо изучать объект в контексте культурной среды, в недрах которой он возник (Литвинский, 1991, с. 3).

Святилище в закрытом пространстве северного квартала городища Бозок было построено, как нам представляется, в соответствии с этногоническим мифом об Огуз кагане и его небесной супруге Умай – покровительнице воинов, выступавшей в образе лебедя.

Анализ этимологии лимнонима Бұзықты восходит к ранним тюркам-огузам и имел словоформу «бузук» или «бозок».

Связь образа лебедя с древнетюркским божеством Умай – покровительницей воинов, символическое изображение которой в этнографической реальности – лук со стрелой, актуализируется как в названии лимнонима Бұзықты, так и в мифе об Огуз кагане. Сказанное выше дает нам основание предположить, что ритуалы в бозокском святилище – древнетюркском церемониальном центре посвящались богине Умай, а их участниками были воины. Закрытость культового пространства северного квартала, каркасно-сырцовая юртообразная конструкция святилища, человеческое жертвоприношение в его центре указывают на то, что отправляемые на нем обряды имели прямое отношение к воинскому культу закрытого типа.

Наша исследовательская стратегия определялась обращением к фактическим данным, полученным в ходе археологических исследований, а также к мифологии и мировоззрению ранних тюрков, на анализе топонима, мифологем воды и лебедя в контексте тюркского мира. Насколько нам удалось объяснить суть главного исследовательского вопроса о характере ритуалов и объекте поклонения в святилище на берегу озера Бұзықты судить читателю.

Статья подготовлена благодаря поддержке уважаемой Марал Калымжановны Хабдулиной, в связи с чем автор выражает свою признательность за консультации и предоставленные материалы археологических исследований городища Бозок.

Список литературы:

Аверьянов Ю.А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя. М.: Издательский дом Марджани, 2011. – 666 с.

Агаджанов С.Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана // Известия АН Туркменской ССР. Сер. общ. наук. 1977. № 4. – С. 23-31.

Ажигали С.Е. Отражение образа юрты в архитектуре Степной Евразии // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г./ редкол.: В.А. Тишков [и др.]. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 104.

Ажигали С. Е. Древний символ степной Евразии: коновязные столбы (сэргэ-кулпытасы-фейфа) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: материалы Всероссийской интердисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л. Н. Гумилева (г. Якутск, 24-26 октября 2012 г.). – Новосибирск: Наука, 2014. – С.47-71.

Аймухамбет Ж.А. Мифологема лебедя в стихотворениях Есенгали Раушанова // Мысль. Ноябрь 2012. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/358> (Дата обращения: 16.02.2021).

Акишев К. А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С. 13-19.

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука», 1972. – 256 с.

Акишев К. А., Хабдулина М. К. Древности Астаны городище Бозок. – Астана, 2011. – 260 с.

Акишев К. А., Хабдулина М. К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С. 25-40.

Алексеев А. Ю. Мурзин В. Ю., Ролле В. Чертомлык / Отв. ред. П. П. Толочко; А УССР. Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1991. – 416 с.

Алили Э. Умай и сураханские языки пламени богини Сати // Зеркало. - 2008. – 16 августа. – С. 33.

Басилов В. Н. Огуз-хан // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1997. – С. 240.

Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.

Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц.— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 376 с.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. - Киев: Наукова думка, 1983. – 138 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Научное издание: ТОО «Жалын баспасы», 1998. – LXXIV+390 с.

Бурнаков В. А. Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX - середина XX в.). Народы и религии Евразии. (3), 2019. – С. 86-100. Doi: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)3-06)

Гадательная книжка // Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. тексты и исследования. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 459 с.

Георгиев П. Плиска в VIII веке; проблемы и достижения // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 221. С. 194-221.

Дараган М. Н. Скифские междоусобицы // Вестник древней истории, 2016. № 76/1. – С. 22-62.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. - М: Наука, 1982. – 456 с.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. - М.: Наука, 1990. – 229 с.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы Института археологии. № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М.: 1952. – С. 72-120.

Жирмунский В. М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. – М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962а. – 435 с.

Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.131-258.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: «Наука», 1979. 493 с. С. 213

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореферат дис... канд. ист. наук: 07.00.06: Томск, 2005. – 32 с.

Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь (а) (Продолжение) // Вестник Европы / сост. М. Каченовским. № 13 Часть LXXXVIII. М.: Университетская типография, 1816. – С. 296-303.

Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь (б) (Продолжение) // Вестник Европы / сост. М. Каченовским. № 17-18. Часть LXXXIX. М.: Университетская типография, 1816. – С. 110-128.

Казбеков А. Бурабай накануне XXI века. Кокшетау, 1998. – 238с.

Кисель В.А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве. // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка

некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. СПб: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. 2018. — 106-108 URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/kisel-v.a.-chelovecheskie-zhertvoprinosheniya-namogilnike-dogee-baary-v-tuve> (Дата обращения: 12.05.2021).

Король Г. Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркитике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. — С.47-63.

Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI-VIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия IX. Исторические науки. № 1. 1960. С. 51-76.

Литвинский Б. А. Предисловие // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. Сборник статей. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — С. 3-4

Люсый А.П. Пушкин. Таврида, Киммерия. — М.: Языки Русской культуры, 2000. — 248 с.

Маковский М.М. Язык - миф - культура. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1. — С. 74. URL: <http://vja.ruslang.ru/ru/archive/1997-1/73-95> (Дата обращения: 15.06.2021).

Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск: Томский государственный университет, 2004. — 292 с.

Наурызбаева З. Архетип женщины – медиатора в традиционной и современной казахской литературе // Сайт о казахской культуре, музыке и мифологии. URL: <http://otuken.kz/archetype-of-woman/> (Дата обращения. 31.01.2021)

Осушение оз. Малый Талдыколь и водопонижение данного района (Стабилизация уровня озера Малый Талдыколь). Рабочий проект. ТОО «Научно-производственное предприятие «БИОСФЕРА», 2014 г. URL: <https://b-ok.asia/book/3047344/5bccff?regionChanged=&redirect=4075464> (Дата обращения: 11.02.2021).

Отчет работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2007 г. — Астана, 2008. — 44 с.

Полевые материалы автора. Полевые материалы З. Сурагановой. 2019. Акмолинская область.

Польский А. А. Постскрипумы смерти: от мифологии к мифологеме. – Ставрополь: СКСИ, 2008. – 95 с.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. 1973. – С. 265-286.

Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991, № 5. – С. 79-86.

Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 279 с.

Соенов В. И., Трифанова С. В. Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-2 // Теория и практика археологических исследований, 2019. Т. 11, № 1. С. 32-40. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2015\)1\(11\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2015)1(11).-02) URL: <http://journal.asu.ru/tpai/article/view/%2811%29.-02> (Дата обращения: 09.06.2021).

Сураганова З. К., Хабдулина М. К. По следам потомков небесной девы. От мифа к семантике сакрального ландшафта // Stratum plus. 2021. № 5 (в печати).

Топонимы Севастополя (Б) // Крымология. URL: [http://krymology.info/index.php/%D0%A2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B_%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%BO%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F_\(%D0%91\)](http://krymology.info/index.php/%D0%A2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B_%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%BO%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F_(%D0%91)) (Дата обращения: 11.03. 2021).

Толстов С. П. Города гузов (Историко-этнографические этюды) // Советская этнография. № 3, 1947. С. 55-102.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 328 с.

Түс жору және ырымдар // Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», 2013. Т. 94. – 432 б.

Усманова Э. Р. Знаковый код к пониманию музеефикации городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С. 98-100.

Усманова М. С. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // Из истории Сибири. Западносибирский сборник. Вып. 19. Томск, 1976. – С. 240-243.

Утегалиева С.И. Звуковой мир музыки тюркских народов (на материале инструментальных традиций Центральной Азии). Диссертация на соиск. д-ра искусствоведения. М, 2016. – 527 с.

Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева; отв. ред. Н. В. Пигулевская. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 224 с

Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. – 102 с.

Хабдулина М. К. Предисловие // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. – С. 3-11.

Хабдулина М. К., Тлеугабулов Д. Т. К древнетюркской жилой архитектуре // Маргулановские чтения – 2019. Материалы международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан: «Globus», 2019. – С. 584-591

Чернышева Е.В. Тюркские тотемы в славянской сказке // Вопросы культуры // Культура народов Причерноморья. Серия «Искусствоведческие науки». 2008. № 151. – С. 126-130. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/115020/32-Chernysheva.pdf?sequence=1> (Дата обращения: 09.03.2021).

Шангин И.П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским. Часть 9. СПб.: Морская типография, 1820. - С. 1-40. С. 34

Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IVA (8). Бос — Бунчук. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. Т. 86. – 940 с.

Bilyalova G. D., Tleugabulov D. T., Yumakayeva E. A. Rites and rituals of ancient turkic period by the written sources // Journal of history. №4 (91). 2018. P. 89-95.

Roux J.-P. Faune et flore sacrées dans les sociétés altaïques, éd. Maisonneuve et Larose, 1966, 477 p. P 353

Smith Jonathan Z. To Take Place: Toward Theory in Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 202 p.

Tekin, Talat: Irk bitig: (the book of omens). - Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. 135 с.

Tleugabulov D.T. The Bozok settlement in the system of cult objects of the steppe Eurasia // Journal of history Al-Farabi Kazakh National University. № 4 (91). 2018. С. 82-87.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДИЩА БОЗОК

Монографии и учебные пособия:

2008 г.

1. Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. 208 с.
2. Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. Подарочный альбом, посвященный 10-летию столицы Казахстана – города Астаны. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008.

2011 г.

1. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок.- Астана, 2011.- 206 с.

2017 г.

1. Хабдулина М.К. Средневековая археология Центрального Казахстана (по материалам городища Бозок). Учебное пособие. – Алматы: «Эверо», 2017. – 180 с. илл.

Статьи:

2004 г.

1. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Средневековое городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск. 2004. С. 13-16.
2. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003 гг.) // Известия НАН РК. Серия общ. наук. – 2004. – С. 48-57.
3. Свиридов А. Н. Оросительная система городища Бозок// Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых: Тезисы докладов конференции. -Караганда, 2004. -С.98.

2006 г.

1. Хабдулина М.К., Сакенов С.К. Городище Бозок. Раскоп IV, исследование жилища № 4. Отчет работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2005 г. // Архивный фонд НИИ археологии им. К. Акишева. Астана, 2006. С. 19-27

2007 г.

1. Хабдулина, М.К. Жилища средневекового городища Бозок (X-XII вв.) / М. К. Хабдулина // Средневековая археология евразийских степей : Материалы Учредительного съезда Международного конгресса, Казань, 14–16 февраля 2007 года / Ответственный редактор Фаяз Шарипович Хузин. – Казань: Институт истории АН Т, 2007. – С. 143-147.

2008 г.

1. Акишев К.А. Городище «Бозок»: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.- Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. - С.13-19.

2. Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бузок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. - Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. - С.20-24.

3. Акишев К.А., Варфоломеев В.В. Жилища городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара, посвященного 80-летию со дня рождения видного казахского ученого-археолога К.А. Акишева (Астана, 29-30 июля 2004 г.) / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 41-55.

4. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты пятилетних раскопок городища Бозок//Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 25-40

5. Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. 2008. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок). В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). Бозок в панораме

средневековых культур Евразии. Материалы Международного полевого семинара. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 56-65.

6. Гаврилов Д.А. Предварительные результаты изучения оросительной системы раннесредневекового городища Бозок// Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летию юбилею г. Астаны 2 июля 2008 г. -Астана: ТОО «Типография комплекс», 2008. -С. 371-376.

7. Колбина А.В. Краниологическая характеристика погребений из некрополя городища Бозок// Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.- Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. - С.66-77.

8. Усманова Э.Р. Знаковый код к пониманию музеефикации городища Бозок// Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.- Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2008. - С.98-100.

9. Шахаман, З. Б. Бозок - предтеча Астаны / З. Б. Шахаман // Вестник КГПИ. – 2008. – № 4. – С. 58-61.

2009 г.

1. Гаврилов Д.А. Новые данные о развитии средневекового земледелия по материалам городища Бозок//Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: сборник материалов международной научной конференции «Маргулановские чтения -2008». -Караганда, 2009. -С. 31-34.

2010 г.

1. Хабдулина М.К. 2010. Кыпчакская «амазонка» из Верхнего Приишимья. В: Кабульдинов З.Е., Октябрьская И.В. (отв. ред.). Народы Евразии. Традиции и современность. Материалы казахстанско-российского научного семинара. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 111-117.

2. Хабдулина, М. К. Новые материалы к функциональному назначению городища Бозок / М. К. Хабдулина // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология,

этнография, устная история : Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25-26 ноября 2010 г. / под редакцией М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой : Алтайская государственная педагогическая академия, 2011. – С. 147-152.

2011 г.

1. Гаврилов Д.А. Палеопочвы и природные условия функционирования средневекового городища Бозок в VIII-XIV вв / Д. А. Гаврилов, М. И. Дергачева, М.К. Хабдулина // Вестник Томского государственного университета. Биология. – 2011. – № 3(15). – С. 7-15.

2. Гаврилов Д. Современный почвенный покров археологического памятника Бозок (Северный Казахстан) / Д. Гаврилов // Почва как связующее звено функционирования природных и антропогенно-преобразованных экосистем, Иркутск, 16–22 августа 2011 года. – Иркутск: ОТ «Перекресток», 2011. – С. 142-146.

3. Хабдулина М.К. Природные условия функционирования средневекового городища Бозок (VIII-XIV вв.) / М. К. Хабдулина, Д. А. Гаврилов, М. И. Дергачева // Маргулановские чтения - 2011, Астана, 20–22 апреля 2011 года. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 443-447.

4. Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг / Б. М. Хасенова // Вопросы археологии Казахстана: Сборник научных статей / Ответственный редактор: А.З. Бейсенов. – Алматы: ТОО «Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола», 2011. – С. 447-454.

5. Хабдулина М.К. Погребения XIV века некрополя городища Бозок//Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары. -Алматы, 2011. Т. III. -С. 23-34.

2014 г.

1. Хабдулина М.К., Гольева А.А., Гаврилов Д.А. 2014. Загадки Бозокской мелиоративной системы. В: Хабдулина М.К. (отв. ред.). Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Астана: Сарыарка, 686-703.

2015 г.

1. Кайзер А. А. Концепция театрализованной экскурсии в городище Бозок / А. А. Кайзер, А. Ю. Стафеева // Современная наука: проблемы и пути их решения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кемерово, 10–11 декабря 2015 года / Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2015. – С. 174-176.

2. Хабдулина М.К. 2015. Золотоордынские погребения некрополя Бозок (Центральный Казахстан). В: Тэргуубаяр С. (отв. ред.). VI International Academic Conference «Ancient cultures of the Northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia II. Hohhot: Institute of Cultural Relics and Archaeology, Inner Mongolia, China, 496-506.

3. Хабдулина М.К., Аккошкарова Ж.Т. Дешті-Қыпшақ тарихындағы Бозоқ қалашығы // EAGI хабаршысы. 2015, № 4. – С. 18-22

4. Хабдулина М.К., Бонора Ж.Л. Культурное зодчество степной Сары-Арки периода сложения Казахского ханства //Ұлы Жібек жолы және Қазақ хандығы мынжылдықтар тоғысында: материалы международной историко-археологической конференции. – Тараз: Инновационно-гуманитарный университет, 22-23 мая 2015. – С. 91-97

2016 г.

1. Khabdulina, M. Bozok - The Turkic cult center in central Kazakhstan / M. Khabdulina, D. Tleugabulov, Z. Orazbayeva // Anthropologist. – 2016. – Vol. 26. – No 1-2. – P. 57-64. – DOI 10.1080/09720073.2016.11892129.

2. Букешева Г.К. Городская культура как один из факторов формирования государственности (по материалам

средневекового городища Бозок)// Материалы международной научно-методической конференции «IX Оразбаевские чтения» Алматы, 2016.

3. Тлеугабулов Д.Т., Хабдулина М.К., Брынза Т.В. Бозок - укрепленная ставка кыпчаков на Степном Шелковом пути // International Simposium on «Culture Dialogue of the Silk Road Countries» 5-6 May 2016 Erzurum Turkey / Editor Bahar Demir. Erzurum, 2016. -P. 593-596. E- 978-975-442-813-1 ISBN: 9789754428131.

4. Хабдулина М.К. Мусульманский некрополь городища Бозок (Центральный Казахстан) / М. К. Хабдулина // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ : Материалы Конгресса, Казань, 26–28 сентября 2016 года. – Казань: Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, 2016. – С. 250-267.

5. Хабдулина М.К. Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок / М.К. Хабдулина // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова, Ялта, 08–12 ноября 2016 года / Под редакцией С.Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. – Ялта: Периодическое издание «Stratum plus», 2016. – С. 94-96.

6. Хабдулина М.К. Формирование культурного ландшафта городища Бозок / М.К. Хабдулина // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, Тюмень, 07–11 ноября 2016 года. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2016. – С. 232-235.

2017 г.

1. Гаврилов Д.А. Средневековое орошаемое земледелие в Северном Казахстане (по материалам Бозокского археологического микрорайона) / Д.А. Гаврилов, М.К. Хабдулина // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: Сборник научных статей. В 3-х томах / Ответственные редакторы А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2017. – С. 16-20.

2. Тлеугабулов Д.Т. Городище Бозок - средневековое святилище в Центральном Казахстане Kazakhstan / Д. Т. Тлеугабулов // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : Материалы международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 года. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. – С. 69-77.

3. Хабдулина М.К. Обмен и трансфер культурных достижений золотоордынской эпохи в погребальном комплексе из Восточного Дашт-и Кыпчака / М. К. Хабдулина, Г. Д. Билялова // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – № 6. – С. 43-52.

2018 г.

1. Gavrilov D.A., Khabdulina M.K. Ancient Irrigated Soils of the Bozok Archaeological District, Northern Kazakhstan (11th to 12th Centuries)// Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2018. – Vol. 46. – No 4. – P. 83-93. – DOI 10.17746/1563-0110.2018.46.4.083-093.

2. Tleugabulov D.T. The Bozok settlement in the system of cult objects of the steppe Eurasia //Вестник КазНУ. Серия историческая. №4 (91). 2018. – С. 82-88.

3. Гаврилов Д.А. Древнеорошаемые почвы Бозокского археологического микрорайона в Северном Казахстане (XI-XII века) / Д. А. Гаврилов, М. К. Хабдулина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 4. – С. 83-93. – DOI 10.17746/1563-0102.2018.46.4.083-093.

4. Концепция создания историко-культурного, рекреационного комплекса под открытым небом «Бозок». – Астана, 2018.

5. Қабылдинов З. Бозоқ – жаңа астананың көне бесігі// «Ономастикалық жаңару – рухани жаңғыру кепілі» атты республикалық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдары. Қостанай, «Қостанай мемлекеттік университеті», 2018. -С. 6-10

6. Хабдулина М.К. Городище Бозок в средневековой истории Астаны // Маргулановсеие чтения – 2018. Духовная модернизация

и археологическое наследие. Сборник материалов Междунар. научно-практ. конф. – Алматы-Актобе, 2018. – С. 18-24.

7. Хабдулина М.К. Распространение ислама в восточном Дашт-и-Кыпчаке по материалам городища Бозок / М. К. Хабдулина, Г.Д. Билялова, Ж. Л. Бонора // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 1(14). – С. 16-30. – DOI 10.14258/nreur(2018)1-02.

2019 г.

1. Bilyalova G., Tleugabulov D., Yumakayeva E. Обряды и ритуалы древнетюркской эпохи по письменным источникам. Вестник КазНУ. Серия историческая, [S.l.], v. 91, n. 4, p. 88-95, jan. 2019. ISSN 2617-8893.

2. Сураганова З.К. Музейный проект «Бозок: наследие всаднической культуры в формате национального археологического парка» / З. К. Сураганова // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Якутск, 14–15 ноября 2019 года. – Якутск: Электронное издательство Национальной библиотеки РС (Я), 2019. – С. 477-482. – DOI 10.25693/Gurvich.2019SuraganovaZK.

3. Хабдулина М.К., Кошман Т.В. К.А. Акишев о создании музея-заповедника Бозок // Музей, музеология, және мәдени мұра: ғылыми - тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17-18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан. – С. 6-18.

2020 г.

1. Билялова Г. Культурные связи населения Золотой Орды степного Казахстана на примере браслетов с изображением львиных личин. Вестник КазНУ. Серия историческая, [S.l.], v. 97, n. 2, p. 227-232, July 2020. ISSN 2617-8893.

2. Билялова Г.Д. Погребение воина XIV в. в Северном Казахстане / Г. Д. Билялова // Липецкая археологическая конференция молодых ученых : материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, Липецк, 06–07 октября 2020 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 112-121.

3. Дадырова А.А. Онтология столицы Казахстана: квинтэссенция традиций и современности / А.А. Дадырова, Г.С. Мухтарова, Ж.Н. Омарова // Баландинские чтения. – 2020. – Т. 15. – С. 314-322. – DOI 10.24411/9999-001A-2020-10036.

4. Кошман Т.В. Древности казахских степей в путевых записках российского исследователя И.П. Шангина / Т.В. Кошман, М.К. Хабдулина // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2020. – № 57(3). – С. 1101-1112. – DOI 10.13187/bg.2020.3.1101.

5. Тлеугабдулов Д.Т. Городище Бозок в системе средневековых культовых объектов степной Евразии // Мәдени мұра. – 2020. № 1. – С.16-22

2021 г.

1. Букешева Г.К. «Метод 3D моделирования в музейной инсталляции археологических объектов (на примере городища Бозок)» // Замонавий дунёда музейшуносликнинг долзарб масалалари. Халқаро илмий-амалий анжуман туплами/. – Тошкент: «LESSON PRESS», 2021. – С. 423-428.

2. Ганиева А.С. Средневековое городище Бозок как объект музеефикации историко-культурного наследия Казахстана // Замонавий дунёда музейшуносликнинг долзарб масалалари. Халқаро илмий-амалий анжуман туплами/ – Тошкент: «LESSON PRESS», 2021. – С. 146-152.

3. Проблемы и перспективы изучения бокк на территории Казахстана / С. А. Пилипенко, А. Е. Касеналин, Т. Н. Крупа, Б. М. Хасенова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2021. – № 27. – С. 255-265. – DOI 10.14258/2411-1503.2021.27.39.

4. Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А. Оросительная система городища Бозок: результаты междисциплинарного исследования // Бозок в моем сердце. Сборник, посвященный юбилею Марал Хабдулиной. – Нур-Султан, 2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аккошкарова Жанна Толепбергеновна, научный сотрудник филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Нур-Султан

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

Амиров Ерлан Шарефович, преподаватель кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории исторического факультета КарУ им. Е.А. Букетова

Букешева Гульзат Кайнуловна, научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК

Бурбаева Сауле Букихановна, кандидат педагогических наук, директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК

Гаврилов Денис Александрович, старший научный сотрудник ФГБУН Институт почвоведения и агрохимии СО РАН (г. Новосибирск)

Ганиева Айнагуль Сабитовна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок»

Қажымұрат Төлегенұлы, главный инспектор отдела по охране памятников Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК

Кашкымбаев Амангелды Нуркеевич, кандидат исторических наук, доцент, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары

Кошман Татьяна Васильевна, старший преподаватель кафедры археологии и этнологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Кунанбаева Шолпан Боранбаевна, PhD, участница Есильской экспедиции

Рахманкулов Ерболат Жаксыбекович, научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК

Сакенов Сергазы Кайырбекович, PhD, ведущий научный сотрудник филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК

Свиридов Алексей Николаевич, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН (г. Москва)

Сексенова Баян Дайырбековна, научный сотрудник филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК

Семенов Дмитрий Валерьевич, председатель Общественного объединения «Коллекционеры Астаны»

Сураганова Зубайда Кабиевна, ведущий научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» МКС РК

Уразова Асель Бейбутовна, научный сотрудник отдела научно-исследовательского обеспечения фондов Актюбинского областного историко-краеведческого музея

Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института Карагандинского университета им.Е.А. Букетова

Хабдулина Марал Калымжановна, кандидат исторических наук, доцент, директор НИИ археологии им. К.А. Акишева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

БОЗОК: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Хабдулина М. Некоторые аспекты проблемы изучения урбанизации Степи.....	6
Хабдулина М. Новые открытия в археологии Дешт и-Кыпчака	17
Хабдулина М. Оборонное зодчество древних тюрков степной Сарыарки	56
Хабдулина М. Бозок – как древнетюркский культовый центр на реке Ишим...	65
Хабдулина М. Золотоордынские погребения некрополя Бозок (Центральный Казахстан)	87
Хабдулина М., Гаврилов Д. Оросительная система городища Бозок: результаты междисциплинарного исследования.....	103
Хабдулина М., Кошман Т. К.А. Акишев о создании музея – заповедника «Бозок»	139

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ЕСИЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Усманова Э. На берегах детства и юности... ..	151
Артықбаев Ж. Әрі ұстаз, әрі ғалым, әрі адал жар (Марал жеңгем туралы).....	163
Кашкимбаев А. Ғалым Марал Қалымжанқызы туралы сөз толғауы.....	170
Кошман Т. Жизнь, посвященная науке: научный вклад М.К. Хабдулиной в археологию Казахстана	178
Свиридов А. Есильская экспедиция, начало большого пути... ..	186
Амиров Е. Лучший педагог среди археологов	191
Сакенов С. Главные уроки Марал Калымжановны.....	196
Семенов Д. Играющие тренеры	201
Оразова А. Слово о наставнике	206
Кунанбаева Ш. Бозок: люди, пространство, память	211
Аккошкарлова Ж., Сексенова Б. Бозоқтағы археологиялық тәжірибе және Марал Қалымжанқызының дәрістері	214

БОЗОК – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

Бурбаева С. Реализация проекта «Создание Национального парка под открытым небом на основе археологических раскопок древнего городища Бозок»	219
Сураганова З., Ганиева А., Букешева Г. Сакральная природа и полиморфизм кузнечного культа: концептуальные основы представления ранних технологий в рамках музейного праздника	227
Рахманкулов Е. Опыт создания исторического поселения эпохи бронзы в рамках Национального парка «Бозок»	244
Бурбаева С. Формирование иеротопии – сакрального пространства на археологическом памятнике «Бозок»: история и современность	253
Төлегенұлы К. Қазақ халқының ауыз әдебиетінде кездесетін «ту», «байрақ», «жалау» ұғымдарының этнографиялық ерекшеліктері	264
Сураганова З. К. Святылище средневекового городища Бозок: характер ритуалов и объект поклонения	276
Библиография трудов, посвященных изучению городища Бозок	306
Сведения об авторах	315
Содержание	318

БОЗОК В МОЕМ СЕРДЦЕ

Сборник научных и научно-популярных статей, посвященный 70-летию известного казахстанского ученого-археолога Марал Хабдулиной

Главный редактор: С. Б. Бурбаева
Отвественные редакторы: А. С. Ганиева, З. К. Сураганова, Қ. Төлегенұлы
Дизайн и верстка: Е. Ж. Рахманкулов
Дизайн обложки: Б. Б. Жапаров

Подписано в печать 01.07.2021 г. размеры 60x84 1/16.
Офсетная печать. Усл.печ.л. 320 Тираж 200 экз. Заказ _____